

СОКРОВИЩНИЦА

ДУХОВНАЯ

СВЯТИТЕЛЬ
ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ

ИЗБРАННЫЕ
ТВОРЕНИЯ

ДУХОВНАА
СОКРОВИЩНИЦА

СВЯТИТЕЛЬ
Григорий Богослов

ИЗБРАННЫЕ
ТВОРЕНИЯ

Издательство
Сретенского монастыря
Москва, 2008

УДК 271.2-1

ББК 86.37

Г83

**По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия**

Святитель Григорий Богослов

Г83

Избранные творения / Сост., предисл. В. Буреги. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. — 400 с. — (Духовная сокровищница).

ISBN 978-5-7533-0199-4

Вниманию читателя предлагаются избранные творения святителя Григория Богослова (ок. 329—389), входящего в круг величайших богословов IV века, так называемых Великих каппадокийцев. Богословские труды святителя Григория по сей день стоят в центре богословской мысли Православной Церкви. Сборник содержит сочинения, призванные отразить различные стороны литературного таланта святителя: слова на великие церковные праздники, о богословии, о себе самом, некоторые из его поэтических произведений. При подготовке настоящего сборника была предпринята незначительная правка отдельных мест перевода, после их сверки с греческим текстом.

УДК 271.2-1

ББК 86.37

ISBN 978-5-7533-0199-4

© Сретенский монастырь, 2008

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА

Великий отец и учитель Церкви святитель Григорий Богослов родился около 329 года в Каппадокии, близ города Назианза. Отец будущего святителя, по имени тоже Григорий, происходил из христианской семьи, однако в зрелом возрасте вступил в секту «озаренных теистов», которые поклонялись Богу в образе света и огня. Учение этой секты представляло собой смешение иудейских и персидских верований. Жена Григория старшего — святая Нонна — была ревностной христианкой. Она убеждала мужа оставить его заблуждение и войти в лоно Святой Церкви. Под влиянием супруги отец будущего святителя покинул секту и в 325 году принял крещение. Сначала он стал пресвитером, а позже и епископом города Назианза.

Святитель Григорий Богослов был первенцем у своих родителей. Он появился на свет после долгих лет их бездетной жизни. Святая Нонна приложила все свои силы к тому, чтобы дать Григорию истинно христианское воспитание. Отец

же стремился дать ему сколь возможно лучшее богословское образование. Будущий святитель начал учебу в родном Назианзе, затем продолжил ее в школах Кесарии Каппадокийской, Кесарии Палестинской, Александрии и, наконец, завершил свое образование в Афинах. В древней столице греческой образованности Григорий прожил около 10 лет. За это время он основательно изучил античную литературу и философию, в совершенстве овладел ораторским искусством. Еще в Кесарии Каппадокийской Григорий познакомился с другим светильником Церкви — святым Василием Великим. Их дружба окрепла во время совместной учебы в Афинах и сохранилась на всю жизнь.

Окончив учебу, святой Григорий около 357 года вернулся в родной Назианз, надеясь проводить здесь уединенную жизнь в созерцании. Однако его выдающиеся дарования не могли остаться незамеченными. Жители Назианза настойчиво предлагали ему стать пресвитером. Несмотря на то что Григорий отказывался, в 359 году в один из больших праздников, вероятно, в Рождество Христово, отец против воли посвятил его в священный сан. Смущенный этим Григорий бежал из Назианза в Понт, в монастырь своего друга Василия. Только по настойчивому требованию отца он возвратился к месту своего служения.

В то время Церковь была смущаема арианской ересью. И отец святого Григория, не имевший богословского образования, вместе с большинством епископов подписал вероопределения арианского собора 360 года. Это вызвало серьезные волнения в Назианзе. Вернувшийся из своего уединения Григорий сумел утвердить отца в правоверии и примирить его с паствой. С этого времени Григорий стал ближайшим

помощником отца в церковном управлении и в хозяйственных делах.

Тем временем и святой Василий был вынужден оставить отшельническую жизнь. Он отправился в Кесарию Каппадокийскую, где принял сан пресвитера и стал помощником Кесарийского епископа Евсевия Памфила, который хотя и был склонен к арианству, но прямо не отступал от Православия. После смерти Евсевия в 370 году на Кесарийскую кафедру был избран и посвящен Собором православных епископов святой Василий. В его избрании деятельное участие принимал и отец Григория Богослова. Став архиереем, Василий считал своей главной задачей утвердить в Каппадокии Православие. Главным его противником был епископ Тианский Анфим, стремившийся отторгнуть как можно больше городов и сел от Кесарийской епархии для утверждения в них арианства. В этой ситуации святой Василий решил устроить новую епископскую кафедру в маленьком городе Сасиме, находившемся на границе между Кесарийской и Тианской епархиями. Желая поставить сюда опытного и твердого в Православии человека, Василий стал приглашать на служение в Сасиму своего друга Григория. Последний упорно отказывался. Тогда святой Василий отправился в Назианз и здесь вместе с престарелым отцом святого Григория убедил своего друга принять епископский сан. Так святой Григорий стал епископом.

Когда о поставлении в Сасиму самостоятельного архиерея узнал Анфим Тианский, он решил не допустить святого Григория к месту его епископского служения. С этой целью Анфим привел в Сасиму войско. Узнав об этом, святой Григорий не поехал в Сасиму, а удалился в пустыню, желая жить в безмолвии. Оставить уединение на этот раз его заставила

старость и немощь его родителей. Вернувшись к престарелому отцу в Назианз, Григорий вновь стал помогать ему в делах церковного управления. На рубеже 373–374 годов отошел ко Господу отец святого Григория. Вскоре после этого скончалась и его мать — святая Нонна. Оставаясь временным заместителем почившего отца, Григорий пригласил в Назианз епископов для избрания нового архиерея на вдовствующую кафедру. Сам же он покинул родной город и удалился в Селевкию в монастырь Святой Феклы. Здесь в молитвенном уединении святитель провел несколько лет — с конца 375 до начала 379 года.

В 70-е годы IV века христианский мир оставался разделенным на две части — православную и арианствующую. К первой принадлежали области: Египет, Палестина, Македония, Ахания, Дакия; ко второй — Сирия, Фракия, Азия, Понт. Арианской ересью был охвачен и Константинополь. По убеждению святителя Василия Великого Собор православных епископов принял решение отправить святого Григория в Константинополь для борьбы с еретиками. Однако еще прежде, чем Григорий покинул свое уединение, святой Василий скончался (в 379 году). Почтив друга надгробным словом, святой Григорий отправился в Константинополь. С этого времени святитель Григорий становится главным защитником Православия на Востоке.

Весной 379 года, когда он прибыл в Константинополь, все храмы здесь были в руках еретиков. Святой Григорий поселился в доме у своих родственников. Один из залов этого дома был обращен в церковь во имя Воскресения (по-гречески — Анастасия). В таком посвящении храма святитель выразил свое желание видеть в столице Восточной империи

воскресение истинной веры. В этой небольшой церковке и начал свое служение святой Григорий. Его проповедь с каждым днем привлекала все больше и больше людей на сторону Православия. За свои заслуги святой Григорий уже тогда получил от Церкви имя «Богослов». Однако не только славу стяжал святитель в столице Восточной империи. Здесь ему пришлось претерпеть и многие скорби.

В Константинополе с ним сблизился некто Максим, бывший греческий философ, принадлежавший к школе киников. Явившись к Григорию, он отрекся от эллинского нечестия и принял святое крещение. Святитель приютил Максима у себя в доме, причислив его к церковному клиру. Но Максим задумал сам занять Константинопольский престол. Раздобыв обманом крупную сумму денег, он отправил ее Александрийскому патриарху Петру с просьбой прислать епископов для поставления его (Максима) на Константинопольскую кафедру. Эта просьба была исполнена. Несколько египетских архиереев прибыли в Константинополь и ночью тайно поставили Максима во епископа. Но народ был возмущен этим беззаконием и не принял самозванного архиерея. Тогда Максим отправился к находившемуся с войсками в Фессалониках императору Феодосию Великому, стремясь получить от него подтверждение своих полномочий. Но император с угрозами прогнал Максима. После этого Максим отправился в Александрию, где пытался свергнуть с престола патриарха Петра, но и это намерение ему не удалось осуществить. В результате Максим был с позором изгнан и из Александрии.

24 ноября 380 года император Феодосий вступил в Константинополь и издал указ, которым православная вера

была сделана верой всей империи. Все столичные храмы, находившиеся в руках ариан, были переданы православным. Арианский епископ Демофил был вынужден отречься от Константинопольской кафедры, и столичный престол по желанию императора и требованию народа был передан святому Григорию.

В мае 381 года по воле императора Феодосия в Константинополе был созван Второй Вселенский Собор. На Собор прибыло сто пятьдесят епископов. Своим председателем они избрали святого Мелетия Антиохийского. Отцы Собора подтвердили законность назначения святого Григория на Константинопольский патриарший престол.

Во время работы Собора святой Мелетий заболел и отошел ко Господу. Тогда председателем Собора был избран святой Григорий. После этого египетские и македонские епископы, прибывшие в столицу уже после начала соборных заседаний, стали оспаривать право Григория занимать столичный престол. Не желая служить причиной раздора, святитель сначала покинул Собор, а затем отказался и от Константинопольской кафедры. В июне 381 года он удалился в родной Назианз. Здесь он узнал, что епархия, которой управлял его отец, находится в руках аполлинаристов. Стремление подавить ересь заставило святого Григория взять на себя бремя церковного правления. Святитель управлял епархией до 383 года, когда по его указанию епископом Назианза был избран Евлалий. После этого святой Григорий отошел от дел церковного управления, посвятив остаток жизни полному уединению и литературным трудам. Скончался святитель в 389 году. Все свое имущество он завещал Назианзской епархии для оказания помощи бедным.

Святой Григорий был погребен в Назианзе. Еще при жизни святитель сам составил для своей гробницы несколько эпитафий. Вот одна из них:

во-первых, Бог даровал меня молившейся светлой матери;
во-вторых, принял от матери, как угодный Ему дар;
в-третьих, умирающего меня спас пречистою Трапезой;
в-четвертых, Слово даровало мне обоюдоострое слово;
в-пятых, Девство приветствовало меня в дружелюбных
сновидениях;

в-шестых, приносил я единокровные жертвы с Василием;
в-седьмых, Жизнеподатель исхитил меня из недр без-
дны;

в-осьмых, очистил Он руки мои болезнями;
в-девятых, юнейшему Риму возвратил я, о Царь, Троицу;
в-десятых, был поражаем камнями или друзьями.

В 950 году в царствование императора Константина Порфирородного честные мощи святого Григория были перенесены из Назианза в Константинополь. Здесь мощи были разделены. Одна их часть почивала в храме Святой Анастасии, другая находилась в храме Святых Апостолов близ мощей святого Иоанна Златоуста.

В эпоху крестовых походов мощи святителя Григория были перенесены в Рим, но часть их по-прежнему оставалась в Константинополе. в 1654 году честная глава святителя вместе с Влахернской иконой Пресвятой Богородицы была передана из Константинополя в дар московскому царю Алексею Михайловичу.

Часть мощей святого Григория, оказавшаяся в Риме, почивала в женском монастыре Святой Марии на Марсовом поле. Папа Григорий XIII (1572–1585), заканчивая строительство

ваტიканской базилики Святого Петра, обратился к монахи-
ням этого монастыря с просьбой передать мощи святителя
Григория в новый папский собор. 11 июня 1580 года мощи
были торжественно перенесены в собор Святого Петра. Здесь
они были положены в медный ковчег и опечатаны личными
печатами папы Григория XIII. Ковчег был помещен в дере-
вянный ящик, обитый драгоценной тканью, и положен под
престол Григорианской капеллы Ватиканского собора, где он
хранится до настоящего времени.

19 августа 2004 года ковчег с мощами святителя Григо-
рия был открыт впервые после 1580 года. Значительная часть
мощей была отделена и 27 ноября 2004 года передана в дар
Патриарху Константинопольскому Варфоломею I.

Память святителя Григория Православная Церковь празд-
нует 25 января и 30 января (в Соборе трех святителей).

Святитель Григорий Богослов оставил после себя весьма
значительное творческое наследие, которое принято подраз-
делять на три группы: слова, письма и стихотворения.

Всего сохранилось 45 слов, произнесенных святым Гри-
горием. Они могут быть разделены на догматические, празд-
ничные, похвальные, надгробные, защитительные и обли-
чительные. Из догматических наибольшее значение имеют
пять слов о богословии, в которых раскрывается православное
учение о Святой Троице. Слова на праздники — Рождество
Христово, Богоявление, Пасху, Пятидесятницу и другие —
представляют собой образец глубокого осмысления сути глав-
ных христианских праздников. О первостепенном значении
творений святого Григория свидетельствует тот факт, что
каноны на Рождество, Богоявление, Пасху и Пятидесятницу,
написанные преподобным Иоанном Дамаскиным и по сей

день исполняющиеся в наших храмах, представляют собой в значительной степени цитаты из праздничных слов святителя Григория. А церковный устав предписывает читать в храмах его слова в дни соответствующих праздников. В словах похвальных, надгробных, обличительных и защитительных содержится много ценных исторических сведений о современниках святого Григория — его отце и матери, святителях Василии Великом, Афанасии Александрийском, Григории Нисском. Много в этих словах и автобиографического материала. А обличительные слова против Юлиана Отступника представляют нам и сведения о церковной жизни в годы правления этого императора.

Из эпистолярного наследия святителя Григория до нас дошло 249 писем. Большая их часть относится к последним годам жизни святого. Некоторые письма имеют важное догматическое значение. Таковыми являются послания к пресвитеру Кледонию и патриарху Нектарию, содержащие критику учения Аполлинария (*письма Григория Богослова вышли в издательстве Сретенского монастыря в серии «Письма о духовной жизни» в 2005 году*).

Весьма значительную часть наследия святого Григория составляют поэмы и стихотворения. Их сохранилось около четырехсот. Поэтические произведения святителя принято подразделять на три группы: догматические, нравственные и исторические. В последней группе содержится много интересного автобиографического материала.

Предлагаемый вниманию читателей сборник творений святого Григория призван отразить различные стороны его литературного таланта. Из догматических сочинений здесь помещены пять слов о богословии, за которые святитель

и получил наименование Богослова. Из слов на праздники — слова на Рождество Христово, Пасху, Неделю новую, а также слово в память святых мучеников Маккавеев. Последнее сочинение представляет собой образец проповеди в дни памяти святых. Из сочинений автобиографического характера в сборник включено слово «О себе самом и к говорившим, что Григорий желает Константинопольского престола». Это краткое сочинение является ярким свидетельством того, как сам святитель относился к своему епископскому служению. В похвальном слове в честь святителя Афанасия Александрийского читатель найдет исторический портрет одного из величайших отцов и учителей Церкви, который был современником святого Григория. В этом произведении содержатся и интересные сведения о церковной жизни в IV веке. Слово «О любви к бедным» представляет собой глубокое изложение учения о христианской благотворительности, а в беседе на слова «Когда Иисус окончил слова сии» (Мф 19, 1) изложено христианское учение о браке. Последнее сочинение интересно и с точки зрения формы. В отличие от большинства проповедей святого Григория, оно представляет собой беседу (гомилию), посвященную толкованию евангельского отрывка стих за стихом.

Все тексты слов святителя Григория представлены в переводе, выполненном в Московской духовной академии в 40-е годы XIX века и увидевшем свет в серии «Творения святых отцов в русском переводе» (ТСО) в период с 1843 по 1848 годы. Переводом занимался редакционный комитет, в котором, по выражению И. Корсунского, «наибольшую долю участия» принимал профессор протоиерей Петр Делицын. Переводы представлялись на утверждение святителю

Филарету (Дроздову), митрополиту Московскому, и лишь после его одобрения передавались в печать. Этот перевод стал классическим и потому неоднократно переиздавался. Репринтное его воспроизведение увидело свет и в конце XX века (в двух томах, Троице-Сергиева лавра, 1994). Однако по той причине, что указанный перевод был выполнен более полутора веков назад, в нем есть немало мест, трудных для понимания современным читателем. Поэтому при подготовке настоящего сборника была предпринята незначительная правка некоторых мест перевода после их сверки с греческим текстом.

В русском переводе творений святого Григория, вышедшем в ТСО, все цитаты из Священного Писания были приведены по славянской Библии. В настоящем издании все цитаты из Нового Завета приведены по русскому Синодальному переводу. Цитаты из Ветхого Завета, если их смысл совпадает в русской и в славянской Библиях, приводятся также по Синодальному переводу. В тех случаях, когда славянский и русский текст существенно отличаются друг от друга, либо сохранялся славянский текст, либо после его сверки с греческим оригиналом выполнялся русский перевод. Так что в тех случаях, когда читатель не найдет приведенной библейской цитате точного соответствия в Синодальном русском переводе, ему следует обращаться к славянской Библии. Также следует отметить, что в Словах святителя Григория библейские тексты порой приводятся не дословно, а с некоторыми особенностями (слова могут стоять в другом падеже, другом числе, могут встречаться вставные слова и т. п.) Это также может быть причиной отличия цитаты в тексте настоящего издания от оригинального библейского текста.

Особенностью сборника является раздел, в котором помещены избранные стихотворения святого Григория Богослова. Дело в том, что хотя поэтическое наследие святителя в полном объеме было переведено на русский язык еще в позапрошлом столетии, переводы эти были прозаическими. Поэтические же переводы его стихотворений и по сей день остаются редкостью. Мы представляем вниманию читателей поэтические переводы двух стихотворений, выполненные в XIX веке, а также несколько новых переводов, сделанных в начале века XXI. Надеемся, что они помогут читателю более адекватно представить величие поэтического дарования святого Григория.

В заключение этого небольшого предисловия хотелось бы поместить молитву, с которой обращался к святителю Григорию Богослову святой равноапостольный Кирилл, когда приступал к изучению творений великого вселенского учителя:

«О святитель Божий, Григорий Богослов! Ты телом был человек, житием же явился Ангел, ибо уста твои, как уста Серафимов, хвалами прославили Бога и своим православным учением просветили вселенную. Молю тебя, прими меня, с верой и любовью к тебе припадающего, и будь моим учителем и просветителем».

ДОГМАТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

СЛОВО 27

Против евномиан¹ и о богословии
первое, или предварительное

Слово к хитрым в слове и начну от Писания: *се аз на тя, горде* (Иер 50, 31), то есть на ученость и мысль! Ибо есть, действительно есть люди, у которых при наших речах чешутся и слух, и язык, и даже, как вижу, и руки, которым приятны *негодные пустословия и прекословия лжеименного знания* и ни к чему полезному не ведущие *словопрения*

¹ Евномиане (последователи Евномия) отрицали не только единосущие, но и подобосущие Бога Отца и Бога Сына. Кроме того, они учили, что можно совершенно постигнуть Бога умом человеческим. Против этого последнего лжеучения евномиан направлено настоящее слово.

(1 Тим 6, 4, 20). Ибо Павел, проповедник и вводитель слова сокращенного (Рим 9, 28), учитель и ученик рыбаков, называет так все излишнее и изысканное в слове. Хорошо, если бы те, о ком у нас речь, также были несколько искусны в деятельном любомудрии, как оборотлив у них язык и способен приискивать благородные и отборные слова. Тогда мало и, вероятно, меньше, чем ныне, стали бы они вдаваться в нелепые и странные мудрования и словами (о смешном деле и выражусь смешно) играть, как шашками. Но оставив все пути благочестия, они имеют в виду одно — задать или решить какой-нибудь вопрос и походят на зрелищных борцов, представляющих не ту борьбу, которая ведет к победе по законам ратоборства, но ту, которая привлекает взоры не знающих дела и получает у них одобрение. И надобно же, чтоб всякая площадь оглашалась их речами, чтоб на всяком пиршестве наводили скуку пустословие и безвкусие, чтоб всякий праздник делался непраздничным и полным уныния, а при всяком сетовании искали утешения в большем зле — в предложении вопросов, чтоб во всяком женском тереме — этом убежище простодушия — нарушалось спокойствие и поспешностью в слове похищался цвет стыдливости! А если дошло уже до этого, если

зло стало неудержимо и невыносимо, даже есть опасность, что и великое наше таинство¹ обратят в низкое ремесло, то пусть эти согладатаи окажут столько терпения, чтоб, когда отеческое сердце наше приходит в волнение и чувства наши терзаются, как говорит божественный Иеремия (4, 19), им без ожесточения принять это о них слово и хотя несколько, если только могут, удержав язык, преклонить к нам слух. И без сомнения, вы не потерпите ущерба. Или буду говорить в уши слышащих, и тогда слово принесет некоторый плод, именно тот, что вы воспользуетесь словом, потому что, хотя сеющий слово сеет в сердце каждого, однако же плодоносит одно доброе и плодотворное сердце. Или пойдите от меня, смеясь и над этим словом, находя в нем новый предмет к возражениям и злословию на меня, что доставит вам еще большее удовольствие. Не подивитесь же, если скажу слово и оно будет не по вашему закону и странно для вас, которые слишком отважно и мужественно (боюсь оскорбить, сказав: невежественно и дерзко) утверждают о себе, что знают все и всему в состоянии научить. Любомудрствовать о Боге можно не всякому — да! не всякому. Это приобретается не дешево и не

¹ Христианскую религию.

пресмыкающимися по земле! Прибавлю еще: можно Любомудрствовать не всегда, не перед всяким и не всего касаясь, но должно знать: когда, перед кем и сколько. Любомудрствовать о Боге можно не всем, потому что способны к этому [только] испытавшие себя люди, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, [или] по крайней мере очищают, и душу и тело. Для нечистого же, может быть, небезопасно и прикоснуться к чистому, как для слабого зрения к солнечному лучу. Когда же можно? Когда бываем свободны от внешней тины¹ и мятежа, когда владычественное в нас² не сливается с негодными и блуждающими образами, как красота писмен, перемешанных письменами худыми, или как благовоние мира, смешанного с грязью. Ибо действительно нужно *остановиться*, чтоб познать Бога (Пс 45, 11), и когда *изберем время, судить о правоте богословия* (Пс 74, 3). Перед кем же можно? Перед теми, которые занимаются этим тщательно, а не наряду с прочим толкуют с удовольствием и об этом после конских бегов, зрелищ и песен, после удовлетворения чрева и того, что хуже чрева, ибо для последних составляет часть забавы и то,

¹ Не порабощаемся плотью.

² Ум.

чтоб поспорить о таких предметах и отличиться тонкостью возражений. О чем же должно любопытствовать и в какой мере? О том, что доступно для нас и в такой мере, до какой простираются состояние и способность понимания в слушателе. Иначе, как превышающие меру звуки или яства вредят одни слуху, другие телу, или, если угодно, как тяжести не по силам вредны поднимающим и сильные дожди — земле; так и слушатели утратят прежние силы, если их, скажу так, обременить и подавить грузом трудных учений. И я не то говорю, будто бы не всегда должно памятовать о Боге (да не нападают на нас за это люди на все готовые и скорые). Памятовать о Боге необходимее, нежели дышать; и, если можно так выразиться, кроме этого не должно и делать ничего иного. И я один из одобряющих слово, которое повелевает *поучаться день и ночь* (Пс 1, 2), *вечером и утром и в полдень поведать* (Пс 54, 18), *и благословлять Господа во всякое время* (Пс 33, 2). А если нужно присовокупить и сказанное Моисеем, *то ложась, и вставая, и идя дорогой* (Втор 6, 7), и справляющий другие дела должен памятовать о Боге и этой памятью возводить себя к чистоте. Таким образом, запрещаю не памятовать о Боге, но богословствовать непрестанно, даже запрещаю не богословствование, как бы оно было делом не благочестивым,

но безвременность, и не преподавание учения, но несоблюдение меры. Мед, несмотря на то что он мед, если принять в излишестве и до пресыщения, производит рвоту. И *время всякой вещи*, как рассуждаю с Соломоном (Еккл 3, 1). Даже прекрасное не прекрасно, если произведено вне порядка, как, например, совершенно неприличны цветы зимой, мужской наряд на женщине и женский — на мужчине, геометрия во время плача и слезы на пиру. Ужели же ни во что будем ставить время единственно там, где всего более надобно уважать благовременность? Нет, друзья и братья (все еще называю вас братьями, хотя ведете себя и не по-братски)! Не так будем рассуждать, не побежим дальше цели, как горячие и неудержимые кони, сбросив с себя всадника — разум и отринув добрую узду — благоговение, но станем Любомудрствовать не выступая из назначенных христианину пределов, не будем переселяться в Египет, не дадим увлекать себя к ассириянам, не воспоем *песнь Господню на земле чужой* (Пс 136, 4), т.е. чтобы услышал всякий, и посторонний и наш, и враг и друг, и благонамеренный и злонамеренный, который чрезмерно тщательно наблюдает за нами и желал бы, чтобы в нас каждая искра худого обратилась в пламя, сам тайно ее возжигает, раздувает, воздымает своим дыханием к небу, выше сжигающего все вокруг себя вавилонского

пламени. Поскольку в собственных своих учениях не находят они для себя подкрепления, то ищут его в том, что слабо у нас. А потому, как мухи на раны, нападают на наши (как назвать это?) неудачи или погрешности.

Но не будем долее оставаться в неведении о себе самих и не уважать приличия в таких предметах. Напротив, если невозможно истребить вражду, по крайней мере согласимся в том, чтоб о таинственном говорить таинственно и о святом — свято. Перед имеющими оскверненный слух не станем повергать того, о чем не должно всем разглашать. Не попустим, чтоб, в сравнении с нами, оказались достойными большего почтения поклоняющиеся бесам, служители постыдных басен и вещей, потому что и они скорее прольют кровь свою, нежели откроют учение свое непосвященным. Будем знать, что есть некоторое благоприличие как в одежде, пище, смехе и походке, так и в слове и молчании; тем более что мы, кроме других наименований и сил, чтим в Боге и Слово.

Сами состязания да будут у нас подчинены законам. О рождении Бога, о сотворении, о Боге из не сущих¹, о сечении, делении и разрешении для

¹ Ариане учили о Сыне Божиим, что было, когда Его не было, и что, следовательно, Он стал из не-сущего сущим.

чего слушать тому, кто слушает это неприязненно? Для чего обвинителей делаем судьями? Даем меч в руки врагам? Как и с какими, думаешь ты, понятиями примет слово об этом тот, кто одобряет прелюбодеяние и детораствление, кто поклоняется страстям и не может ничего представить выше телесного, кто вчера и за день творил себе богов, богов, отличающихся делами самыми постыдными? Не с понятиями ли (к какому он привык) грубыми, срамными, невежественными? И богословие твое не сделает ли он поборником своих собственных богов и страстей? Если мы сами употребляем такие изречения во зло, то еще труднее убедить противников наших, чтоб богоугодничали, как следовало бы нам. Если мы сами у себя изобретательны на зло (Рим 1, 30), то как им не коснуться того, что действительно в нас есть? Вот следствия нашей междоусобной брани! Вот польза от подвижащихся за слово более, нежели угодно Слову, и от подвергающихся одной участи с лишенными ума, которые зажигают свой собственный дом, или терзают детей, или гонят от себя родителей, считая их чужими!

Но отлучив от слова чуждое и послав в стадо свиней многочисленный легион, отправившийся во глубину, обратимся к себе самим (что составляет второй предмет нашего слова) и как изваяние высечем богослова во всей красоте. Прежде же

всего поразмыслим о том, что значит такое ревнование о слове и эта болезнь языка? Что за новый недуг? Что за ненасытность? Для чего, связав руки, вооружили мы язык? Не хвалим ни страннолюбия, ни братолюбия, ни любви супружеской, ни целомудрия; не дивимся ни питанию нищих, ни псалмопению, ни всенощному стоянию, ни слезам; не изнуряем тела постами, не преселяемся к Богу молитвой, не подчиняем (как правильно рассуждающие о своем устроении) худшее лучшему, то есть плоти духу; не обращаем жизни в помышление о смерти; помня о горнем благородстве, не удерживаем за собой владычества над страстями; не укрощаем в себе ни ярости, делающей надменными и зверскими, ни унижающего превозношения, ни безрассудной скорби, ни необузданного сладострастия, ни блудливого смеха, ни наглого взора, ни ненасытного слуха, ни умеренной говорливости, ни превратного образа мыслей, ни всего, что против нас у нас же самих берет лукавый, вводящий, как говорит Писание, смерть сквозь [наши] окна (Иер 9, 21), то есть через чувства. У нас все наоборот. Как цари даруют пощаду после победы, так мы даем свободу страстям других, если только потворствуют нам и дерзостнее или нечестивее устремляются против Бога, и за недоброе воздаем худой наградой, за нечестие — своеволием.

Но я буду спрашивать тебя мало, совопросник и вещий муж, ты же Мне отвечай, говорит Иову Вещавший сквозь бурю и облака (Иов 38, 1–3). Что слышишь, много у Бога обителей или одна? — Без сомнения согласишься, что много, а не одна? Все ли они должны наполниться? Или одни наполнятся, а другие нет, но останутся пустыми и приготовлены напрасно? — Конечно все, потому что у Бога ничего не бывает напрасно. — Но можешь ли сказать, что понимаешь под таковой обителью: тамошнее ли упокоение и славу, уготованную блаженным, или что другое? — Не другое что, а это. Но согласившись в этом, рассмотрим еще следующее. Есть ли что-нибудь такое, как я полагаю, что доставляло бы нам эти обители; или нет ничего такого? — Непременно есть нечто. Что же такое? — Есть разные роды жизни и избрания и ведут к той или другой обители по мере веры, почему и называются у нас путями. — И всеми ли путями или некоторыми из них должно идти? — Если возможно, пусть один идет всеми. А если нет, то сколько может большим числом путей. Если же и того нельзя, то некоторыми. Но если и это невозможно, то примется в уважение, как мне по крайней мере кажется, когда кто-нибудь и одним пойдет преимущественно. Правильно понимаешь это. Поэтому что же, по твоему мнению, означает словом,

когда слышишь, что путь один, и притом тесен? — Путь один относительно добродетели, потому что и она одна, хотя и делится на многие виды. Тесен же он по причине трудов и потому, что для многих непроходим, а именно для великого числа противников, для всех, которые идут путем порока. Так и я думаю. — Но если это справедливо, то почему же наилучший, как будто уличив наше учение в какой-то скудости, оставили вы все прочие пути, а стремитесь и спешите на этот один путь, на путь, как вам представляется, разума и умозрения, а как я скажу — пустословия и мечтательности? Да вразумит вас Павел, который, после перечисления дарований, сильно упрекает за это, говоря: *Все ли апостолы? Все ли пророки?* И так далее (1 Кор 12, 29).

Положим, что ты высок, выше самых высоких, а если угодно, выше и облаков; положим, что ты зритель незримого, слушатель неизреченного, восхищен, как Илия, удостоен богоявления, как Моисей, небесен, как Павел. Для чего же и других, не больше как в один день, делаешь святыми, производишь в богословы и как бы вдыхаешь в них ученость и составляешь многие сонмища не учившихся книжников? Для чего опутываешь паутиной тех, которые наиболее немощны, как будто это дело мудрое и великое? Для чего против веры возбуждаешь шершней? Для чего плодишь

против нас состязателей, как в древности мифология — гигантов? Для чего, сколько есть между мужами легкомысленных и недостойных имени мужа, собрав всех, как сор, в одну яму и своей лестью сделав их еще женоподобнее, построил ты у себя новую мастерскую и не без разума извлекаешь для себя пользу из их неразумия?

Ты возражаешь и против этого? У тебя нет другого занятия? Языку твоему обязательно должно господствовать? Ты не можешь остановить болезней рождения и не разродиться словом? Но много есть для тебя других обильных предметов. На них обрати с пользой недуг этот. Поражай Пифагорово молчание, Орфеевы бобы и эту надутую поговорку новых времен: «Сам сказал!» Поражай Платоновы идеи, переселения и круговороты наших душ, припоминание и вовсе не прекрасную любовь к душе ради прекрасного тела; поражай Эпикурово безбожие, его атомы и чуждое любомудрию удовольствие; поражай Аристотелев немногообъемлющий промысл, в одной искусственности состоящую самостоятельность вещей, смертные суждения о душе и человеческий взгляд на высшие учения; поражай надменность стоиков, ненасытность и шутовство циников. Рази пустоту и полноту и те бредни, какие есть о богах или жертвах, об идолах и демонах, благотворных и злотворных, какие разглашаются о местах

прорицания, о вызывании богов и душ, о силе звезд.

А если ты не достаиваешь это и словом, как маловажное и многократно опровергнутое, хочешь заняться своим предметом и в нем ищешь пищи любочестию, то и здесь укажу тебе широкие пути. Любомудрствуй о мире или мирах, о веществе, о душе, о разумных — добрых и злых природах, о воскресении, суде, мздовоздаянии, Христовых страданиях. Относительно этого и успеть в своих исследованиях не бесполезно, и не получить успеха не опасно. О Боге же будем рассуждать теперь не много, но в скором времени, может быть, совершеннее, о Самом Христе, Господе нашем, Которому слава вовеки. Аминь.

СЛОВО 28

О богословии второе

В предыдущем слове очистили мы понятие о богослове, объяснив, каков он должен быть, перед кем, когда и сколько любомудрствовать. А именно ему должно быть насколько можно чистым, чтоб свет приемлем был светом, любомудрствовать перед людьми усердными, чтобы слово, падая на бесплодную землю, не оставалось бесплодным, — любомудрствовать, когда внутри нас

тишина и не кружимся по внешним предметам, чтобы не прерывалось дыхание, как у всхлипывающих, — притом любомудрствовать, сколько сами постигаем и можем быть постигаемы. После же таких на это объяснений, когда мы *распахали себе новые поля Божии, чтобы не сеять между тернами* (Иер 4, 3), и уравниали лицо земли, сами образовавшись и других образовав по образцу Писания, приступим уже к изложению богословия. Управлять же словом предоставим Отцу и Сыну и Святому Духу, о Которых у нас слово, — Отцу, да благоволит о нем, Сыну, да содействует ему, Духу, да вдохнет его; лучше же сказать, да будет на нем единого Божества единое озарение, соединительно разделяемое и разделительно сочетаемое, что и выше понимания!

Но теперь, когда охотно восхожу на гору, или, справедливее сказать, желаю и вместе боюсь (желаю по надежде, боюсь по немощи) вступить внутрь облака и беседовать с Богом (ибо сие повелевает Бог), — теперь, кто из вас Аарон, тот взойди со мной и стань вблизи, но будь доволен тем, что надобно ему остаться вне облака; а кто Надав, или Авиуд, или один из старейшин, тот взойди также, но стань издалеча, по достоинству своего очищения; кто же принадлежит к народу и к числу недостойных такой высоты и созерцания, тот, если он нечист, вовсе не приступай

(потому что сие не безопасно), а если очищен на время, останься внизу и внимай единому гласу и трубе, то есть голым выражениям благочестия, на дымящуюся же и молниеносную гору взирай, как на угрозу и вместе на чудо для неспособных взойти; но кто злой и неукротимый зверь, вовсе не способен вместить в себе предлагаемого в умозрении и богословии, тот не скрывайся в лесу с тем злым умыслом, чтоб, напав нечаянно, поймать какой-нибудь догмат или какое-нибудь слово и своими хулами растерзать здоровое учение, но стань еще дальше, отступи от горы, иначе он будет *побит камнями* и сокрушен (Евр 12, 20), *злодей злой смертью* погибнет (Мф 21, 41), потому что истинные и твердые учения для зверонравных суть камни; погибнет, хотя он *барс*, который умрет с пятнами своими (Иер 13, 23); или *лев, алчущий добычи и рыкающий* (Пс 21, 14), который ищет или наших душ, или наших выражений, чтобы обратить их себе в пищу; или *свинья*, которая *попирает* прекрасный и блестящий *бисер* истины (Мф 7, 6), или *аравийский* и другой породы *волк*, даже волков *быстрее* в своих лжеумствованиях (Авв 1, 8); или лисица, то есть хитрая и неверная душа, которая, в зависимости от времени и необходимости, принимает на себя разные виды, питается мертвыми и смердящими телами, также мелким виноградом (потому что не достать

ей крупного); или другое животное, запрещенное законом, нечистое для пищи и употребления! Ибо слово, устранившись от таковых, хочет быть начертанным на скрижалях твердых и каменных, и притом на обеих сторонах скрижалей, по причине открытого и сокровенного смысла в законе: открытого, который нужен для многих и пребывающих долу, и сокровенного, который внятен для немногих и простирающихся горé.

Но что со мной сделалось, друзья, свидетели тайны и подобные мне любители истины? Я шел, с тем чтобы постигнуть Бога; с этой мыслью, отрешившись от вещества и вещественного, погружившись, насколько мог, сам в себя, восходил я на гору. Но когда простер взор, едва увидел *задняя Божия* (Исх 33, 22–23) и то покрытого *Камнем* (1 Кор 10, 4), то есть воплотившимся ради нас Словом. И приникнув несколько, созерцаю не первое и чистое естество, познаваемое Им Самим, то есть Самой Троицею; созерцаю не то, что пребывает за первой завесой и закрывается Херувимами, но одно крайнее и к нам простирающееся. А это, насколько знаю, есть то величие, или, как называется божественный Давид, то *великолепие* (Пс 8, 2), которое видимо в тварях, Богом и созданных и управляемых. Ибо все то есть *задняя Божия*, что после Бога доставляет нам познание о Нем, подобно тому как отражение и изображение солнца

в водах показывает солнце слабым взорам, которые не могут смотреть на него, потому что живость света поражает чувство. Так богословствуй и ты, хотя будешь Моисеем и богом фараону, хотя с Павлом взойдешь до третьего неба и услышишь *неизреченные слова* (2 Кор 12, 4), хотя станешь и их выше, удостоившись ангельского или архангельского лика и чина! Ибо все небесное, а иное и пренебесное, хотя в сравнении с нами гораздо выше естеством и ближе к Богу, однако же дальше отстоит от Бога и от совершенного Его постижения, нежели насколько выше нашего сложного, низкого и долу тяготеющего состава.

Итак, опять должно обратиться к началу. «Уразуметь Бога трудно, а изречь невозможно» — так любомудрствовал один из эллинских богословов¹, и, думаю, не без хитрой мысли, чтоб почитали его постигшим, сказал он: «трудно» и, чтоб избежать обличения, назвал это неизреченным. Но как я рассуждаю, изречь невозможно, а уразуметь еще более невозможно. Ибо что постигнуто разумом, то имеющему не вовсе поврежденный слух и тупой ум объяснит, может быть, и слово, если не вполне достаточно, то по крайней мере слабо. Но обнять мыслью столь великий предмет совершенно не имеют ни сил, ни средств

¹ Платон в диалоге «Тимей».

не только люди оцепеневшие и преклоненные к земле, но даже весьма возвышенные и боголюбивые, равно как и всякое рожденное естество, для которого этот мрак — эта грубая плоть, служит препятствием к пониманию истины. Не знаю, возможно ли это природам высшим и духовным, которые, будучи ближе к Богу и озаряясь всецелым светом, может быть, видят Его, если не вполне, то совершеннее и определеннее нас, и притом, по мере своего чина, одни других больше и меньше. Но об этом не буду распространяться далее. Что же касается нас, то не только мир Божий превосходит всякий ум и разумение (Флп 4, 7), не только уготовленного по обетованиям для праведных не могут ни очи видеть, ни уши слышать, ни мысль представить (1 Кор 2, 9; Ис. 64, 4), но даже едва ли возможно нам и точное познание твари. Ибо и здесь у тебя одни тени, в чем уверяет сказавший: *узрю небеса — дело рук Твоих, луну и звезды* (Пс 8, 4), и постоянный в них закон, ибо говорит не как видящий теперь, а как надеющийся некогда увидеть. Но в сравнении с тварями гораздо невместимее и непостижимее для ума то естество, которое выше их и от которого они произошли.

Непостижимым же называю не то, что Бог существует, но то, что Он такое. Ибо не тщетна проповедь наша, не суетна вера наша и не

о том преподаем мы учение. Не обращай нашей искренности в повод к безбожию и к клевете, не превозносись над нами, которые сознаются в неведении! Весьма большая разность — быть уверенным в бытии чего-нибудь и знать, что́ оно такое. Есть Бог — творческая и содержательная причина всего; в этом наши учителя — и зрение¹, и естественный закон: зрение, обращенное к видимому, которое прекрасно утверждено и совершает путь свой, или, скажу так, неподвижно движется и несется; естественный закон, от видимого и благоустроенного [мира] делающий умозаключение о Первопричине его. Ибо вселенная как могла бы составиться и стоять, если бы не Бог все осуществлял и содержал? Кто видит красиво отделанные гусли, их превосходное устройство и расположение или слышит саму игру на гусях, тот ничего иного не представляет, кроме сделавшего гусли или играющего на них, и к нему восходит мыслью, хотя, может быть, и не знает его лично. Так и для нас явственна сила творческая, движущая и сохраняющая сотворенное, хотя и не постигается она мыслью. И тот крайне несмышлен, кто, следуя естественным указаниям, не восходит до этого познания сам собой.

¹ Внешний опыт.

Впрочем, не Бог еще то, что мы представили себе под понятием Бога, или чем мы Его изобразили, или чем описало Его слово. А если кто когда-нибудь и сколько-нибудь обнимал Его умом, то чем это докажет? Кто достигал последнего предела мудрости? Кто достаивался когда-нибудь столь многого дарования? Кто до того *открыл уста* разумения и *привлек Дух* (Пс 118, 131), что, при содействии этого Духа, *все проникающее* и *знающего*, даже *глубины Божи*и (1 Кор 2, 10), постиг он Бога и не нужно уже ему простираться далее, потому что обладает последним из желаемых, к чему стремятся и вся жизнь, и все мысли высокого ума? Но какое понятие о Боге составишь ты, который ставит себя выше всех философов и богословов и хвалится без меры, если ты вступишь всякому пути умозрения? К чему приведет тебя пытливый разум?

Назовешь ли Божество телом? Но как же назовешь бесконечным, не имеющим ни пределов, ни очертаний, неосязаемым, незримым? Ужели таковы тела? Какая произвольность! Естество тел не таково. Или Божество — тело и вместе не бесконечно, не беспредельно и прочее, так что Оно ни в чем не имеет преимуществ перед нами? Какое грубое понятие! Как же Божество досточно, если Оно имеет очертание? Или как избежит Оно того, чтобы не слагаться из стихий, опять на

них не разлагаться и вовсе не разрушаться? Ибо сложность есть начало борьбы, борьба — разделения; разделение — разрушения, а разрушение совершенно не свойственно Богу и первому естеству. Итак, в Нем нет разделения, иначе было бы разрушение; нет борьбы, иначе было бы разделение; нет сложности, иначе была бы борьба. Поэтому Божество не тело, иначе бы в Нем была сложность. На этом останавливается слово, восходя от последнего к первому. Притом Божие свойство — все пронизать и все наполнять, по сказанному: *не наполняю ли Я небо и землю, говорит Господь* (Иер 23, 24), и еще: *Дух Господа наполняет вселенную* (Прем 1, 7), — как сохранится, если Бог иное ограничивает Собой, а иным Сам ограничивается? Или будет Он пронизать ничем не наполненный мир, и у нас все уничтожится к поруганию Бога, Который сделается телом и утратит все, Им сотворенное; или будет Он телом в числе прочих тел, что невозможно; или взойдет как в сопряжение, так и в противоположение с телами; или смешается с ними, как жидкость, и иное будет делить, а иным делиться, что нелепее и бессмысленнее Эпикуровых атомов; а таким образом распадется у нас учение о телесности Бога и не будет иметь ни плотности, ни связности.

Если же скажем, что Бог есть тело невещественное, и притом, как думают некоторые,

пятое и круговращающееся (пусть будет допущено и невещественное, и пятое, а если угодно, даже бестелесное тело; так как у них слова носятся и составляются произвольно, а у меня теперь спор не об этом), то к какому роду движимых и переносимых будет принадлежать это тело? Не говорю, как оскорбительно предположение, будто бы Сотворивший с сотворенным и Носящий с носимым движутся одинаково, если только они и это предполагают. Но что же опять Его движет? Чем движется все? Чем приводится в движение и то, от чего все движется? А потом, что движет и это самое? — и так далее до бесконечности. Притом, как же Ему не заключаться необходимо в месте, если только есть нечто переносимое?

Но если скажут, что Бог есть иное какое-нибудь тело, кроме пятого, хотя, например, ангельское, то откуда известно, что Ангелы телесны, какие у них тела, и чем выше Ангела будет Бог, Которому служит Ангел? А если тело выше ангельского, то опять введется неисчислимый рой тел и такая глубина пустословия, в которой нигде нельзя будет остановиться. Из этого видно, что Бог не есть тело. Да этого не говорил и не допускал никто из мужей богодухновенных, такое учение не нашего двора. А потому остается предположить, что Бог не телесен.

Но если не телесен, то это не изображает и не объемлет сущности, равно как не объемлют сущности слова: нерожден, безначален, неизменяем, нетленен — и что еще говорится о Боге и о принадлежащем Богу. Ибо в Нем — Сущем выражает ли естество и самостоятельность то, что Он не имеет начала, не изменяется, не ограничивается? Напротив, кто имеет истинно ум Божий и усовершенствовался в умозрении, тому остается еще продолжить свои умствования и исследования и постигнуть все бытие. К изображению и изъяснению того или другого из предметов твоего рассуждения недостаточно сказать: это тело или это рожденное; напротив, если хочешь совершенно и удовлетворительно определить мыслимое, то должен наименовать подлежащее этих сказуемых (ибо это телесное и рожденное и тленное есть или человек, или вол, или конь). Так и здесь, изведывающий естество Сущего не остановится, сказав, чем Он не есть, а, напротив, к тому, чем Он не есть, присовокупит и то, что Он есть (тем более что легче обнять умом что-нибудь одно, нежели отрицать поодиночке все); присовокупить, чтоб через исключение того, чем не есть, и через положение того, что есть, мыслимое сделалось удобопонятным. А кто, сказав, чем не есть, умалчивает о том, что есть, тот поступает почти так же, как если бы на вопрос: сколько составит дважды

пять? отвечать: не составит ни двух, ни трех, ни четырех, ни пяти, ни двадцати, ни тридцати, короче же сказать, ни одного из чисел, заключающихся в десятке или в десятках, а между тем не сказать: это составит десять, то есть не остановить мысли спрашивающего на самом искомом. Ибо, как всякий ясно видит, гораздо легче и скорее посредством того, что есть, объяснить о предмете и то, чем он не есть, нежели исключая то, чем он не есть, показать, что он есть.

Поскольку же Божество у нас не телесно, то продолжим несколько свое исследование. Нигде или где-либо Бог существует? Ежели нигде, то иной слишком пытливый спросит: как же может и существовать? Ибо как того, что не существует, нигде нет, так, может быть, и то, что нигде, вовсе не существует. А если Бог где-нибудь, то потому уже, что существует, без сомнения Он или в мире, или выше мира. Но если в мире, то или в чем-нибудь, или повсюду. И если в чем-нибудь, то будет ограничиваться малым чем-нибудь. Если же повсюду, то более, нежели чем-нибудь, а и иным многим, то есть как содержимое содержащим, так что весь Бог всем миром будет ограничиваться и ни одно в Нем место не останется свободным от ограничения. Таковы затруднения, если Бог в мире! И еще вопрос: где Он был прежде,

нежели произошел мир? А и это затруднит также немало. Если же Бог выше мира, то ужели нет ничего, что отделяло бы Его от мира? Где это нечто высшее мира? Как представить себе превышающее и превышаемое, если нет предела, который бы разделял и разграничивал то и другое? Или обязательно должна быть среда, которой бы ограничивался мир и то, что выше мира? А это что же иное, как не место, которого мы избегали? Не говорю еще о том, что Божество необходимо будет ограничено, если Оно будет постигнуто мыслью. Ибо и понятие есть вид ограничения.

Для чего же я рассуждал об этом, может быть, более, чем нужно слышать народу, и держась ныне утвердившегося образа речи, в котором отринуто благородное и простое, а введено запутанное и загадочное, чтобы дерево можно было узнать по плодам, то есть по темноте выражений — ту тьму, которая внушает подобные учения? Не с намерением подать о себе мысль, будто бы говорю необычайное и преисполнен мудрости, связывая узлы и изъясняя сокровенное, что составляло великое чудо в Данииле (Дан 5, 12), но желая объяснить то самое, что сказать предполагалось словом моим в самом начале. Что же именно? То, что Божество непостижимо для человеческой мысли и мы не можем представить Его во всей полноте.

И Оно пребывает непостижимым не по зависти. Ибо зависть далека от Божия естества, бесстрастного, единого благого и господственного, особенно зависть к твари, которая для Бога драгоценнее других, потому что для Слова что предпочтительнее разумных существ? Притом и само сотворение наше есть верх благодати. А также причина этому не собственная честь и слава Того, Кто *пресыщен* (Ис 1, 11), как будто бы непостижимость может придать Ему досточтимости и величия. Ибо пролагать себе путь к первенству тем, чтобы препятствовать другим достигнуть его, свойственно одному софисту, чуждо же не только Богу, но и человеку сколько-нибудь благонравному. Но если есть на это другие причины, то, может быть, знают их наиболее приближенные к Богу, призирающие и углубляющиеся умом в неисследимые судьбы Его, если только найдутся люди, до такой степени преуспевшие в добродетели и, по сказанному, *входящие в исследование бездны* (Иов 38, 16). Сколько же можем постигать мы, которые неудобосозерцаемое измеряют малыми мерами, это нужно, может быть, для того, чтоб удобство приобретения не делало удобной и потерю приобретенного. Ибо обыкновенно, как с трудом приобретенное всего скорее презираем, по самой возможности приобрести снова. А потому имеющие ум почитают благодеянием саму

трудность получить благодеяние. Может быть, нужно это и для того, чтобы не потерпеть нам одной участи с падшим ангелом, чтобы, приняв в себя всецелый свет, не *ожесточить выи перед Господом Вседержителем* (Иов 15, 25) и не пасть от превозношения самым жалким падением. А может быть, нужно и для того, чтобы здесь очистившимся и терпеливо ожидавшим исполнения желаемого и там оставалось нечто в награду за трудолюбие и светлую жизнь. Поэтому-то между нами и Богом стоит эта телесная мгла, как издревле облако между египтянами и евреями. Ибо это-то значит, может быть, *мрак сделал покровом Своим* (Пс 17, 19), то есть нашу [телесную] грубость, через которую прозревают немногие и немного.

Но кто озабочен этим, то пусть и Любомудрствует, пусть и восходит на высоту размышления. А нам, *узникам земным*, как говорит божественный Иеремия (Плач 3, 34), нам, покрытым этой грубой плотью, известно то, что как невозможно обогнать свою тень, сколько бы ни спешил, потому что она настолько же поднимается вверх, насколько бывает захвачена, или как зрение не может сблизиться с видимыми предметами без посредства света и воздуха, или как существа, плавающие в воде, не могут жить вне воды, так и находящемуся в теле нет никакой возможности быть в общении с умосозерцаемым без

посредства чего-либо телесного. Ибо всегда превзойдет что-нибудь наше, сколько бы ни усиливался ум прилепиться к сродному и невидимому, как можно более отрешаясь от видимого и уединяясь сам в себя. И это увидим из следующего. Дух, огонь, свет, любовь, мудрость, ум, слово и подобное этому — не наименования ли первого естества? И что ж? Представляешь ли ты себе или дух без движения и разливания, или огонь не в веществе, без движения вверх, без свойственного ему цвета и очертания, или свет не в смешении с воздухом, отдельно от того, что его как бы рождает, то есть что светит? А каким представляешь ум? Не пребывающим ли в чем-то другом? И мысли, покоящиеся или обнаруживающиеся, по твоему мнению, не движение ли? Представляешь ли какое слово, кроме безмолвствующего в нас или изливаемого (помедлю говорить, исчезающего)? Да и мудрость, в твоём понятии, что кроме навыка рассуждать о предметах Божественных или человеческих? А также правда и любовь — не похвальные ли расположения, которые противоборствуют — одно неправде, а другое ненависти, и как сами бывают напряженнее и слабее, возникают и прекращаются, так подобными и нас делают и изменяют, производя в нас то же, что краски в телах? Или надобно рассматривать Божество, сколько возможно, Само в Себе, отступившись от

этих образов и собрав из них какое-то единственное представление? Но что ж это за построение ума, которое из этих образов собрано и не то, что они? Или как единое, по естеству своему несложное и неизобразимое, будет заключать в себе все эти образы, и каждый совершенно? Так трудно уму нашему выйти из круга телесности, доколе он, при немощи своей, рассматривает то, что превышает его силы!

Поскольку всякая разумная природа, хотя стремится к Богу и к первопричине, однако же не может постигнуть ее, по изъясненному мной; то, изнемогая от желания, находясь как бы в предсмертных муках и не терпя этих мучений, пускается она в новое плавание, чтоб или обратить взор на видимое и из этого сделать что-нибудь богом (по худому, впрочем, расчету, ибо что видимое выше и богоподобнее видящего, и притом в такой мере, чтоб видящий поклонялся, а видимое принимало поклонение?), или из красоты и благоустройства видимого познать Бога, употребить зрение руководителем к незримому, но в великолепии видимого не потерять из виду Бога.

От этого-то стали поклоняться кто солнцу, кто луне, кто множеству звезд, кто самому небу вместе со светилами, которым дали править в мире и качеством, и количеством движения; а кто стихиям: земле, воде, воздуху, огню, так как они для

всего необходимы и без них не может длиться жизнь человеческая; иные же — что кому встретилось в ряду видимых вещей, признавая богом все, представлявшееся для них прекрасным. Некоторые стали поклоняться даже живописным изображениям и изваяниям, сперва родных, — и это были люди, без меры предававшиеся горести и чувственности и желавшие памятниками почитать умерших, а потом и чужих, — и это сделали потомки первых, отдаленные от них временем, сделали потому, что они не знали первого естества, и чествование, дошедшее до них по преданию, стало как бы законным и необходимым, когда обычай, утвержденный временем, обратился в закон. Но думаю, что иные, желая угодить властителям, прославить силу, изъяснить удивление красоте, чтимого ими сделали со временем богом, а в помощь обольщению присоединялась какая-нибудь басня. Те же из них, которые были более преданы страстям, признали богами страсти или как богов стали чествовать гнев, убийство, похотливость, пьянство, а не знаю, может быть, и еще что-нибудь к этому близкое, потому что в этом находили (конечно, недоброе и не справедливое) оправдание собственных грехов. И одних богов оставили на земле, других (что одно и благоразумно) скрыли под землей, а иных (смешное распределение!) возвели на небо. Потом,

подчинившись своеволию и прихотям блуждающего воображения, нарекли каждому вымыслу имя какого-нибудь бога или демона и, воздвигнув кумиров, которые приманили к себе своей многоценностью, узаконили чествовать их кровью и туками, а иные даже самыми гнусными делами и сумасбродствами и человекоубийством. Ибо таким богам приличны были такие и почести! Даже позорили себя и тем, что воздавали Божью славу морским чудовищам, четвероногим, пресмыкающимся, тому, что в этих породах наиболее гнусно и смешно, так что трудно определить, поклонявшиеся ли достойны большего презрения или то, чему поклонялись. Но более вероятно, что презреннее служители таких богов, и еще тем в высшей степени, что, будучи по природе разумны и получив Божию благодать, лучшему предпочли они худшее. И это — одно из ухищрений лукавого, который само добро обратил во зло, как есть много и других примеров его злостворности. Он, чтобы привлечь людей под власть свою, воспользовался их неверно направленным стремлением найти Бога и, обманув в желаемом, водя как слепца, ищущего себе пути, рассеял их по разным стремнинам и низринул в одну бездну смерти и гибели.

Так было с ними, но наш руководитель — разум. И поскольку мы, хотя также ищем Бога, впрочем, не допускаем, чтобы могло что-либо быть без

вождя и правителя, то разум, рассмотрев видимое, обозрев все, что было от начала, не останавливается на этом. Ибо нет основания присваивать владычество тому, что, по свидетельству чувств, пользуется равным почетом. А поэтому через видимое ведет он к тому, что выше видимого и что дает видимому бытие. Ибо чем приведены в устройство небесное и земное, заключающееся в воздухе и под водой, лучше же сказать, то, что и этого первоначальнее — небо, земля, воздух и водное естество? Кто смешал и разделил это? Кто содержит во взаимном общении, сродстве и согласии (хвалю сказавшего это, хотя он и не наш)? Кто привел это в движение и ведет в непрерывном и беспрепятственном течении? Не Художник ли всего, не Тот ли, Кто во все вложил закон, по которому все движется и управляется? Кто же художник этого? Не Тот ли, Кто сотворил и привел в бытие? Ибо не случаю должно приписывать такую силу. Положим, что бытие от случая; от кого же порядок? Если угодно, и то уступим случаю, кто же блюдет и сохраняет те законы, по которым произошло все первоначально? Другой ли кто или случай? Конечно другой, а не случай. Кто же этот другой, кроме Бога? Так от видимого возвел нас к Богу благодарованный и всем врожденный разум — этот первоначальный в нас и всем данный закон!

Повторим же сказанное сначала. Бога, как Он есть по естеству и сущности, никто из людей никогда не находил и, конечно, не найдет. А если и найдет когда-нибудь, то пусть разыскивают и любомудрствуют об этом желающие. Найдет же, как я рассуждаю, когда это богоподобное и божественное, то есть наш ум и наше слово, соединится со сродным себе, когда образ взойдет к Первообразу, к Которому теперь стремится. И это, как думаю, выражается в том весьма любомудром учении, по которому познаем некогда, насколько сами познаны (1 Кор 13, 12). А что в нынешней жизни достигает до нас, есть тонкая струя и как бы малый отблеск великого света.

Поэтому, если кто познал Бога и засвидетельствовано, что он познал, то познание это приписывается ему в том отношении, что, сравнительно с другим, не столько просвещенным, оказался он причастником большего света. И такое превосходство признано совершенным, не как действительно совершенное, но как измеряемое силами ближнего, поэтому Енох начал призывать Господа (Быт 4, 26), и заслугу его составляло упование, и упование не относительно ведения, но призвания. Енох же взят [Богом] (Быт 5, 24), но постигли естество Божие или еще постигнет, — это неизвестно. И в Ное, которому вверено было — целый мир, или семена мира, спасти от вод малым

древом, избегающим потопления, одно преимущество — богоугодность (Быт 6, 5). И великий патриарх Авраам, хотя оправдался верой и принес необычайную жертву — образ великой Жертвы, однако же Бога видел не как Бога, но напитал как человека и похвален как почтивший, сколько постигал. Иаков видел во сне высокую лестницу и восхождение Ангелов, он таинственно помазует столп (может быть, знаменуя помазанный на нас Камень), дает месту, в честь Явившегося на нем, наименование: *дом Божий* (Быт 28, 17), борется с Богом, как с человеком (действительная ли эта борьба у Бога с человеком или ею означает, может быть, приравнение человеческой добродетели к Богу), носит на теле знамения борьбы, показывающие, что сотворенное естество уступило победу, и в награду за благочестие получает изменение в имени — из Иакова переименован Израилем (подлинно великое и славное имя!); но ни он, ни другой кто из двенадцати колен, которым он был отцом, хотя бы стоял выше самого Иакова, до сих пор не похвалился, что всецело объял естество Божие или образ Божий.

И Илии не ветер сильный, не огонь, не землетрясение, как знаем из истории (3 Цар 19, 12), но небольшая прохлада была знамением Божия присутствия, и только присутствия, а не естества. Какому же Илии? Которого огненная колесница

возносит к небу, означая этим в праведнике нечто сверхчеловеческое. Не удивительны ли для тебя — сперва судья Маной, а потом ученик Петр? Но один не выносит лицемерия явившегося ему Бога и говорит: погибли мы, жена, потому что видели Бога (Суд 13, 22), чем показывает, что человек не может вместить не только естество Божие, но даже явление [Его], а Петр не пускал в корабль явившегося Христа и отсылал от себя (Лк 5, 3–8), хотя был ревностней других в познании Христа, за что наименован блаженным и удостоен важнейших поручений (Мф 16, 16–19). Что скажем об Исаии, об Иезекииле, зрителе самых великих тайн, и о прочих пророках? Один из них видел Господа Саваофа, сидящего на Престоле славы, окруженного, славимого и закрываемого шестикрылыми Серафимами, видел, как его самого очищали углем и подготавливали к пророчеству (Ис 6, 1–7). Другой описывает колесницу Божию — Херувимов, и над ними престол, и над престолом твердь, и на тверди Явившегося, а также какие-то гласы, движения и действия (Иез 1, 22–27), и не умею сказать, было ли это дневное явление, которое могут созерцать только святые, или ночное нелживое видение, или представление владычественного в нас, которым и будущее объемлется, как настоящее, или другой неизъяснимый вид пророчества — это известно только Богу пророков

и причастников подобных вдохновений. По крайней мере ни те, о которых у нас слово, ни кто другой после них не были, по Писанию, в совете и сущности Господа (Иер 23, 18); никто не видел и не поведал естества Божия. Если бы Павел мог выразить, что заключало в себе третье небо и шествие к нему (или постепенное восхождение, или мгновенное восхищение), то, может быть, узнали бы мы о Боге несколько больше (если только этого касалась тайна Павлова восхищения). Но поскольку это было неизреченно, то и мы почти молчанием, выслушав же самого Павла, который говорит: *отчасти знаем и отчасти пророчествуем* (1 Кор 13, 9). Так и подобно этому сознается тот, кто *не невежда в познании* (2 Кор 11, 6), кто угрожает представить доказательство, что говорит в нем Христос (2 Кор 13, 3), так сознается великий поборник и учитель истины. А потому все дальнейшее знание, как простирающееся не далее малых подобий истины, ставит он не выше зеркал и иносказаний (1 Кор 13, 12). А если бы не опасался я подать иным о себе мысль, что до излишества и без нужды занимаюсь такими исследованиями, то сказал бы, что об этом же самом, а не о чем ином может быть сказано: *вы теперь не можете вместить* (Ин 16, 12), чем Само Слово давало понять, что со временем сможем вместить и уяснить себе это. И это же самое Иоанн, Предтеча Слова,

великий глас истины, признал невозможным *самому миру вместить* (Ин 21, 25).

Итак, всякая истина и всякое слово для нас неясны и темны. Мы как бы строим огромные здания малым орудием, когда человеческой мудростью ловим видение сущего, когда к предметам мысленным приступаем со своими чувствами или не без чувств, которые заставляют нас кружиться и блуждать, и не можем, неприкосновенным умом касаясь неприкосновенных предметов, подойти хоть немного ближе к истине и запечатлеть в уме чистые его представления. А слово о Боге, чем совершеннее, тем непостижимее, ведет к большему числу возражений и самых трудных решений. Ибо всякое препятствие, и самое маловажное, останавливает и затрудняет ход ума и не дает ему стремиться вперед, подобно тому как браздами вдруг сдерживают несущихся коней и внезапным их потрясением сворачивают в сторону. Так Соломон, который был преисполнен мудростью более всех, и до него живших и ему современных, получил в дар от Бога *широту сердца* и полноту созерцания обильнее песка (3 Цар 4, 29), чем более погружается в глубины, тем более чувствует головокружение и почти концом мудрости считает найти, насколько она удалилась от него (Еккл 7, 24). А Павел покушается, правда, исследовать, не говорю естество Божие (он знает, что это совершенно

невозможно), а только судьбы Божии, но поскольку не находит конца и отдохновения в восхождении, поскольку любознательность ума не достигает явно окончательного предела, а всегда остается для нее нечто еще не изведенное, то (чудное дело! о, если бы и со мной было то же!) заключает речь изумлением, именует все подобное *богатством* Божиим и *глубиной* (Рим 11, 33) и исповедует непостижимость судеб Божиих, выражаясь почти так же, как и Давид, когда он то называет судьбы Божии *бездной великою* (Пс 35, 7), в которой нельзя достать основания ни мерой, ни чувством, то говорит, что *удивися разум от него*, и от состава его, и *утвердися* паче, нежели насколько простираются его силы и его объем (Пс 138, 6).

Оставив все прочее, рассуждает Давид, обращусь к себе самому, рассмотрю вообще человеческое естество и человеческий состав. Что это за смешение в нас? Что за движение? Как бессмертное соединено со смертным? Как проливаюсь я долу и возношусь горе? Как обращается во мне душа, дает жизнь и сама участвует в страданиях? Как мысль и заключена в пределы, и неопределима, и в нас пребывает, и все обходит в быстроте своего стремления и течения? Как сообщается и передается со словом, проникает сквозь воздух, входит с самими предметами? Как приобщена к чувству и отрешается от чувств? И еще прежде

этого, как в мастерской природы производится и первоначальное наше созидание и составление, и окончательный вид и совершенство? Какое это пожелание и распределение в нас пищи? Кто нас, не принуждая, привел к первым источникам и средствам жизни? Как тело питается яствами, а душа словом? Что за влечение природы, что за взаимная склонность у родителей и детей, связующая их любовью? Как виды [животных] постоянны и не сходятся в отличительных признаках? Как при таком их множестве особенности неделимых неуловимы? Как одно и то же живое существо вместе смертно и бессмертно, — смертно, потому что прекращается собственная его жизнь, — и бессмертно, потому что оно рождает другие живые существа? Одно отходит, другое приходит, как в текущей реке, которая не стоит на месте и всегда полна. Много еще можем Любомудрствовать о членах и частях тела, о взаимной их стройности, тогда как они, по закону и соразмерности природы, сообразно нуждам и для красоты, одни сближены, другие отдалены между собой, одни выдались, другие вдались, одни соединены, другие разделены, одни объемлют других, другие сами объемлются; много о звуках и слухе, о том, как звуки переносятся от звучных орудий и слух приемлет их и входит с ними во взаимное общение вследствие ударений

и напечатлений в посредствующем воздухе; много о зрении, которое неизъяснимым образом сообщается с видимыми предметами, приходит в движение по одному мановению воли и в то же с ним время, — в каком отношении и уподобляется оно мысли, потому что с одинаковой быстротой и мысль сходится с предметом мышления, и взор с предметом зрения; много о прочих чувствах, которые служат какими-то несозерцаемыми для ума приемниками внешнего; много об успокоении во время сна, о сновидениях, о памяти и воспоминаниях, о рассудке, раздражительности и пожелании, короче говоря, обо всем, что населяет этот малый мир — человека.

Хочешь ли, перечислю тебе различие других животных в отношении к нам и друг к другу, то есть каждого природу, образ рождения и воспитания, местопребывание, нравы и как бы законы общежития. Отчего одни живут стадами, другие поодиночке; одни травоядны, другие плотоядны; одни свирепы, другие кротки; одни привязаны к человеку и около него кормятся, другие неукротимы и любят свободу; одни как бы близки к разумности и способны учиться, другие вовсе неразумны и не поддаются научению; одни имеют большее число чувств, другие меньшее; одни неподвижны, другие переходят с одного места на другое, а иные весьма быстры; одни отличаются и величиной и красотой

или чем-нибудь одним, а другие или весьма малы, или очень безобразны, или то и другое; одни сильны, другие слабы; одни мстительны, другие подозрительны и коварны, иные неосторожны; одни трудолюбивы и домовиты, другие совершенно не деятельны и беспечны? И еще кроме этого, отчего одни пресмыкаются по земле, другие ходят в прямом положении; одни любят сушу, другие сушу и воду; одни чистоплотны, другие неопрятны; одни живут попарно, другие нет; одни целомудренны, другие похотливы; одни многоплодны, другие не плодовиты; одни долговечны, другие живут недолго? Истощилось бы у меня слово, если бы описывать все в подробности.

Рассмотри природу плавающих в воде, которые скользят и как бы летают по влажной стихии, дышат собственным воздухом, а в нашем воздухе подвергаются той же опасности, какой мы — в воде; рассмотри их нравы, страсти, рождения, величину, красоту, привязанность к месту, странствования, сходбища и разлучения, свойства, почти близкие к свойствам животных земных, а у иных даже общие, и свойства противоположные как в родах, так и в неделимых.

Рассмотри также стаи птиц непевчих и певчих, разнообразие в их виде и цвете. Какая причина сладкопения у птиц певчих и от кого это? Кто дал кузнечнику цикаду на груди? Кто дает птицам эти

песни и щебетанья на ветвях деревьев, когда, возбужденные в полдень солнцем, наполняют они звуками леса и сопровождают пением путника? Кто сплетает песнь лебедю, когда распростирает он крылья по воздуху, выводит ими мерный стих, как бы играя на свирели? Не буду говорить о вынужденных звуках и о том, в чем ухищряется искусство, подражая действительности. Отчего павлин, кичливая мидийская птица, любит так убранство и честь, что, заметив подходящего, или, как говорят, с намерением нравиться женскому полу (так как чувствует свою красоту), с величавой поступью, вытянув шею и развернув кругообразно блестящие золотом и усеянные звездами перья, выставляет красу свою напоказ любителям? Божественное Писание восхваляет мудрость жен в тканях, говоря: *кто дал женам мудрость ткачества или искусство вышивать узоры* (Иов 38, 36)? Но это естественно для животного разумного, которое избыточествует мудростью и простирается даже к небесному. Подивись лучше природной смышлености бессловесных и, если можешь, представь на это свои объяснения. Как у птиц гнезда (будут ли это камни, деревья или кровли) устроены безопасно и вместе красиво, со всеми удобствами для птенцов? Откуда у пчел и пауков столько трудолюбия и искусства? У одних соты сложены из шестиугольных

чашечек, обращенных одна на другую и укрепленных перегородками, которые в каждой двух чашечках пересекаются под прямым углом. И все это с таким искусством делают пчелы в темных ульях, когда их постройки невидимы. А пауки из тонких и почти воздушных нитей, протянутых в разных направлениях, и из веществ неприметных для взора, ткут хитроплетенные ткани, которые бы служили им честным жилищем и ловили немощных для пищи. Производил ли что подобное какой Евклид, любомудрствующий о несуществующих линиях и трудящийся над доказательствами? У какого Паламида найдешь такие движения и построения войск, хотя и они, как говорят, переняты у журавлей, которые летают строем и разнообразят свой полет? Производили ли что подобное Фидии, Зевксисы, Полигноты, Парразиисы, Аглаофоны, умеющие отлично живописать и ваять красоту? Сравнится ли Кносский хор пляшущих, который так прекрасно выработан Дедалом в дар невесте, или критский труднопроходимый и, говоря стихами, нераспутываемый лабиринт, который, по ухищрению искусства, неоднократно возвращается на прежний след? Умалчиваю о сокровищницах и сокровищехранителях у муравьев, о запасе пищи, сообразном времени, и о том, что еще, как известно, рассказывают об их путешествиях, предводителях и о строгом порядке дел.

А если доступны тебе причины этого и ты познал, сколько в этом разума, то рассмотри различия растений, до искусственности, примечаемой в листьях, по которой они вместе и всего приятнее для взора, и всего полезнее для плодов. Рассмотри разнообразие и богатство самих плодов, особенно же преимущественную красоту наиболее необходимых. Рассмотри силы корней, соков, цветов, запахов не только самых приятных, но и здоровых, привлекательность и качества красок. Рассмотри также драгоценность и прозрачность камней. Природа, как на общем пиршестве, предложила тебе все, и что нужно для тебя, и что служит к твоему удовольствию, чтоб ты, сверх прочего, из самих благодеяний познал Бога и из своих потребностей приобрел больше сведений о себе самом.

После этого пройди широту и долготу общей всем матери — земли, обойди морские заливы, соединяемые друг с другом и с сушей, красоту лесов, реки, обильные и неиссякающие источники не только холодных и годных для питья вод, текущих поверх земли, но и тех, которые под землей пробираются по каким-то расселинам, и оттого ли, что гонит и отталкивает их крепкий ветер, или оттого, что разгорячает сильная борьба и сопротивление, прорываются понемногу [на поверхность земли], где только могут, и для нашего

употребления во многих местах доставляют различных свойств теплые бани — это безвозмездное и природное врачевание. Скажи, как и откуда это? Что значит эта великая и безыскусственная ткань? Здесь все не менее достохвально, станем ли что рассматривать во взаимном отношении или в отдельности. Отчего стоит земля твердо и неуклонно? Что поддерживает ее? Какая у нее опора? Ибо разум не находит, на чем бы утверждаться этому, кроме Божией воли. Отчего земля то поднята на вершины гор, то осаждена в равнины, притом так разнообразно, часто и постепенно меняет свои положения и тем богаче удовлетворяет нашим нуждам и пленяет нас своим разнообразием? И отделена ли она для жилищ человеческих или необитаема, поскольку перерезывается хребтами гор или иным чем отсекается и отходит для иного назначения, — везде служит самым ясным доказательством всемогущества Божия! А в море, если бы не удивляла меня величина, я стал бы дивиться кротости, как оно и ничем не связано, и стоит в своих пределах. И если бы оно не удивляло меня кротостью, я стал бы дивиться его величине. Поскольку же удивляет тем и другим, то восхваляю силу, какая видна в том и другом. Что собрало в него воды? Что связало их? Отчего море и воздымается и стоит в своем месте, как бы стыдясь смежной суши? Отчего и принимает в себя

все реки, и не прибывает, по приизбытку ли своей величины или, не знаю, какую еще сказать на это причину? Почему для него — столь огромной стихии — пределом [служит] песок? Что могут на это сказать естествоведы, мудрые в пустом, которые действительно меряют море малой чашей, то есть предмет великий — своими понятиями? Не лучше ли мне кратко полюбомудрствовать об этом из Писания, так как это и убедительнее, и вернее длинных рассуждений? *Черту провел над поверхностью воды* (Иов 26, 10). Вот узы для влажного естества! Но не дивишься ли, не изумляешься ли мыслью, смотря, как оно на малом древе и ветром несет земного пловца, чтобы для его нужд и сообщения были связаны и суша и море, чтоб отдаленное между собой по природе большими пространствами стекалось в одно для человека? А источников какие первоначальные источники? Разыскивай, человек, если можешь что исследовать и найти! Кто прорыл реки на равнинах и в горах? Кто дал им беспрепятственное течение? Какое чудо противоположностей — и море не переполняется, и реки не останавливаются! Что питательного в водах? Отчего эта разница, что одни растения орошаются сверху, другие получают воду через корни? — Да наслажусь и я несколько словом, рассуждая об утехах, посылаемых Богом!

Теперь, оставив землю и земное, чтоб слово у меня шло порядком, воспарю на крылах мысли в воздух; оттуда поведу тебя к небесному, на само небо, выше неба и так далее. Не осмеливается, правда, слово простираться высоко; но прострется, впрочем, не сверх позволенного. Кто разлил воздух — это обильное и неоскудевающее богатство, которым пользуются не по достоинствам и случаям, которое не удерживается пределами, раздается не по возрастам, подобно манне принимается не сверх потребности, в том и честь его, что всякому в равной мере подается воздух — эта колесница пернатых тварей, это седалище ветров; воздух, который благорастворяет времена года, одушевляет животных, лучше же сказать, соблюдает душу в теле; воздух, в котором тела и с которым слово, в котором свет и освещаемое, а также и зрение, через него протекающее? Рассмотрим и то, что далее воздуха. Ибо не соглашусь предоставить воздуху такую область, какая ему приписывается. Где хранилища ветров? Где сокровищницы снега? Кто же, по Писанию, *рождает капли росы? Из чьего чрева выходит лёд* (Иов 38, 28–29)? *Кто заключает воду в облаках* (Иов 26, 28)? Кто часть ее остановил на облаках (не чудно ли видеть текучее вещество, удерживаемое словом!) и другую изливает на лицо земли и сеет благовременно и в должной мере, не оставляя и всей влажной сущности свободной

и неудержимой (довольно и при Ное бывшего очищения, притом Нелживейший не забывает Своего завета) и не удерживая ее совершенно (чтобы опять не иметь нам нужды в Илии, прекращающем засуху)? Сказано: *если затворит небо, кто откроет* (Иов 12, 14), и *если откроет отверстия небесные* (Мал 3, 10), кто удержит? Кто стерпит безмерность того и другого, если Посылающий дождь не распределит всего по Своим мерам и весам? Какое любомудрое учение о молниях и громах предложишь мне ты, который гремит с земли, хотя не блещет и малыми искрами истины? Причиной этого назовешь ли какие испарения, выходящие из земли и производящие облака, или какое-нибудь сгущение воздуха, или сжатие и столкновение редчайших облаков, так что сжатие произведет у тебя молнию, а расторжение — гром? Или назовешь какой-нибудь сжатый и потом не находящий себе выхода ветер, который, будучи сжимаемым, блистает молнией и, вырываясь, издает гром?

Но если ты прошел умом воздух и все, что в воздухе, то коснись уже со мной неба и небесного. Но здесь да водит нас более вера, нежели разум, если только уразумел ты свою немощь, когда рассматривал ближайшее к тебе и узнал способ узнать то, что выше разума, а не остаться вовсе земным и преданным земному, не знающим даже и этого самого — своего незнания? Кто

округлил небо, расставил звезды? Лучше же сказать, что такое само небо и звезды? Можешь ли сказать это ты, человек высокопарный, который не знает и того, что у него под ногами, не можешь привести в меру себя самого, а любопытствуешь о том, что выше твоей природы, и желал бы объять неизмеримое? Положим, что постигнуты тобой круги, круговращения, приближения и отдаления, восхождения звезд и солнца, какие-то части и их подразделения и все то, за что превозносишь ты чудную науку свою, но это еще не постижение сущего, а только наблюдение за каким-то движением, подтвержденное долговременным упражнением, приводящее к единству наблюдения многих, а потом придумавшее закон и возвеличенное именем науки; так, видоизменения Луны стали известными для многих, и зрительное восприятие принято за начало познания! Но если ты очень знающ в этом и хочешь, чтобы удивлялись тебе по праву, скажи, какая причина такого устройства и движения? Отчего Солнце поставлено в знамение целой Вселенной и перед взором всякого, как руководитель хора, светлостью своей затмевающий прочие звезды более, нежели сколько затмеваются они некоторыми из них самих, чему доказательством служит то, что хотя звезды и сами светят, однако же Солнце превосходит их светом, и звезды невидимы, как скоро

восходят вместе с Солнцем? Оно прекрасно, как жених, быстро и велико, как исполин (не могу заимствовать ему похвалы из другого писания, кроме моего) (Пс 18, 6); такова его сила, что от края до края все объемлет своей теплотой, и ничто не может не ощущать его, напротив, все им исполняется, и зрение — светом, и телесное естество — теплотой, между тем как оно согревает, но не сжигает, по причине своего кроткого благорастворения и стройного движения, для всех открыто и всех равно объемлет. Но рассуждал ли ты об этой мысли? Солнце в чувственном то же, что Бог в мысленном, сказал один не из наших. Оно просвещает взор, как Бог ум, и всего прекраснее в видимом, как Бог в умосозерцаемом. Но чем первоначально приведено Солнце в движение? Чем непрестанно движется и вращается оно — неизменное в своем законе, в подлинном смысле неподвижное, неутомимое, живоносное и, как справедливо воспевают стихотворцы, живородящее, никогда не прекращающее ни движения, ни благодеяний своих? Как творит оно день на земле и ночь под землей? Или не знаю, как надобно выразиться, смотря на солнце. Что значит это прибавление и убавление дней и ночей, это (употреблю несколько странное выражение) равенство в неравенстве? Как солнце производит и разделяет времена года, которые чинно приближаются и удаляются и будто в хороводе

друг с другом то сходятся, то расходятся, сходятся по закону любви, расходятся по закону благочиния, даже постепенно между собой сливаются и неприметно приближаются, подобно наступающим дням и ночам, чтобы внезапною своею не произвести скорбного ощущения? Но оставим Солнце. Познал ли ты естество и видоизменения Луны, меру света ее и пути? И как Солнце владычествует над днем, а она начальствует над ночью? Одна дает смелость зверям, другое восстанавливает человека на дело, что когда наиболее полезно, то возвышаясь, то понижаясь? Уразумел ли ты связь Плеяд и ограду Ориона (Иов 38, 31), как исчисляющий множество звезд и всех их именами нарекающий (Пс 146, 4), как знающий различие каждой звезды и чин ее движения, чтоб мог я поверить тебе, когда по звездам определяешь нашу судьбу и создание вооружаешь против Творца?

Что скажем? Остановить ли нам слово здесь — на веществе и видимом? Или поскольку Моисеева скиния наименована в Слове образом целого мира, то есть совокупности видимого и невидимого (Евр 9, 24), то, проникнув за первую завесу и взойдя выше чувственного, проникнуть нам во святая — в мысленное и небесное естество? Но и его, хотя оно и нетелесно, не можем видеть нетелесным образом, почему называется оно огнем и духом или и действительно таково. Ибо говорится,

что творит Ангелами Своими духов и служителями Своими огонь пылающий (Пс 106, 4), разве «творить» значит здесь не более как сохранять в подчинении закону, по которому созданы; духом же и огнем называется естество это, частью как мысленное, а частью как очистительное, потому что и Первая Сущность приемлет те же наименования. Впрочем, да будет оно у нас не телесно или, сколько можно, близко к тому. Видишь, как кружимся в слове и не можем поступить далее! Разве простремся в той мере, в какой знаем, что есть какие-то Ангелы, Архангелы, Престолы, Господства, Начала, Власти, Светлости, Восхождения, умные Силы, или Умы, природы чистые и беспримесные, непреклонные или неудобопреклоняемые ко злу, непрестанно водящие хоровод вокруг первой Причины. Эти природы, как воспел бы о них иной, или от первой Причины озаряются чистейшим озарением, или, по мере естества и чина, иным способом приемлют иное озарение; они так отобразили и запечатлели в себе Благо, что сделались вторичными светами и посредством излияния и распределения первого Света могут просвещать других; они служители Божией воли, сильны, как по естественной своей, так и по приобретенной ими крепости, все обходят, всем и везде с готовностью предстают, по усердию к служению и по легкости естества. Эти

умы приняли каждый одну какую-либо часть Вселенной или приставлены к одному чему-нибудь в мире, как ведомо это было все Устроившему и Распределившему, и они все ведут к одному концу, по мановению Зиждителя всяческих, воспевают Божие величие, созерцают вечную славу, и притом вечно, не для того, чтобы прославился Бог (нет ничего, что можно было бы приложить к Исполненному, Который и для других есть подаватель благ) и чтобы не переставали получать благоденствия даже первые по Боге природы.

И если это воспето по достоинству, то благодарение Троице и единому в Трех Божеству! А если [воспето] менее желаемого, то и в этом случае победило слово мое, ибо оно трудилось доказать одно то, что выше ума естество даже вторичных существ, а не только Первого и Единого, повременю говорить, Превысшего всех.

СЛОВО 29

О богословии третье, о Боге Сыне первое

Это же сказал бы иной, желая остановить их готовность к слову, их поспешность и прекновения от поспешности во всяком деле, а еще более в учении о Боге. Но наложить запрет не главное — это без труда сделает всякий, кто

захочет, от человека же благочестивого и умного требуется, чтоб он заменил запрещаемое собственным рассуждением. Поэтому, в уповании на Святого Духа, Которого они не чтут и Которому мы поклоняемся, как некоторый благородный и зрелый плод, изведу на свет собственные свои мысли о Божестве, каковы бы они ни были. Я не молчал и в другое время, но напротив, на это одно и имел отважность и присутствие духа. Тем более осмелюсь теперь стать за истину, чтоб сомнением, по суду Божию, как написано, не навлечь на себя неблагоприятия (Авв 2, 4). Поскольку же речь бывает двоякого рода — ею или подтверждается собственное мнение, или опровергается мнение противное, то и я, предложив сперва собственное учение, попытаюсь потом опровергнуть учение противников; но в том и другом соблюду возможную краткость, чтоб все сказанное удобно было обнять одним взором (так как и они, к обольщению людей наиболее простых и скудоумных, сочинили слово под именем руководства) и чтоб длинные речи не рассеивали мысль, как воду, которая не заперта в трубе, но льется и растекается по равнине.

Три древнейших мнения о Боге: безначалие,¹ многоначалие и единоначалие. Два первых были

¹ В греческом — ἀναρχία, то есть буквально: безвластие, беспорядок, произвол.

(и пусть остаются!) игрой ума сынов Эллинских. Ибо безначалие беспорядочно, а многоначалие возмутительно; вследствие же этого и безначально, и беспорядочно. То и другое ведет к одному концу — к беспорядку, а беспорядок — к разрушению; потому что беспорядок есть упражнение в разрушении. Но мы чтим единоначалие; впрочем, не то единоначалие, которое определяется единством лица (и одно, если оно находится в раздоре с самим собой, составит множество), но то, которое составляет равночестность единства, единокровие воли, тождество движения и направления к единому Тех, Которые из Единого (что невозможно в естестве сотворенном), так что Они, хотя различаются по числу, но не разделяются по власти¹. Поэтому Единица, от начала подвижная в двойственности, остановилась на троичности. И это у нас — Отец, и Сын, и Святой Дух. Отец — родитель и изводитель, рождающий и изводящий бесстрастно, вне времени и бестелесно; Сын — рожденное; Дух — изведенное, или, не знаю, как назвал бы это тот, кто отвлекает от всего видимого. Ибо не дерзаем наименовать этого преизлиянием благодати, как осмелился назвать один излюбленных эллинов,

¹ В некоторых списках вместо слов: *по власти* (τῇ ἐξουσίᾳ) читалось: *по сущности* (τῇ γενοῦσίᾳ).

который, любомудрствуя о первой и второй Причине, ясно выразился: «...как чаша льется через края»¹.

Не дерзаем из опасения, чтоб не ввести непроизвольного рождения и как бы естественного и неудержимого исторжения, что всего менее сообразно с понятиями о Божестве. Посему, не выходя из данных нам пределов, вводим Нерожденного, Рожденного и от Отца Исходящего, как говорит в одном месте Сам Бог Слово (Ин 15, 26).

Но когда это *рождение* и *исхождение*? — Прежде самого *когда*. Если же надобно выразиться несколько смелее: тогда же, как и Отец. Но когда Отец? — Никогда не было, чтоб не был Отец. А также никогда не было, чтоб не был Сын и не был Дух Святой. Еще спросишь меня; и опять отвечу тебе. Когда родился Сын? — Когда не родился Отец. Когда исшел Дух? — Когда не исшел Сын, но родился вне времени и неизглаголанно, хотя не можем представить себе того, что выше времени, даже желая избежать выражений, означающих время, потому что слова *когда*, *прежде*, *после*, *сперва* не исключают времени, как ни усиливаемся в этом; разве возьмем вечность, то есть продолжение, которое простирается наравне с вечным, а не делится на части и не измеряется

¹ Плотин. Эннеады. V, кн. 2, гл. 1.

ни каким-либо движением, ни течением солнца, что свойственно времени.

Но если Сын и Дух совечны Отцу, то почему же не собезначальны? Потому что они от Отца, хотя не после Отца. Правда, что безначальное вечно; но вечному нет необходимости быть безначальным, как скоро возводится к Отцу, как к началу. Итак, Сын и Дух не безначальны относительно к Виновнику¹. Известно же, что Виновнику нет необходимости быть первоначальнее Тех, для Кого он Виновник; потому что и солнце не первоначальнее света. И вместе Сын и Дух безначальны, относительно ко времени, хотя ты и пугаешь этим людей простодушных. Ибо не под временем Те, от Которых время.

Каким же образом рождение бесстрастно? — Таким, что оно не телесно. Ибо если телесное рождение страстно, то бестелесное — бесстрастно. Но и я спрошу у тебя: каким образом Сын есть Бог, если Он тварь? Ибо творимое — не Бог. Не говорю уже, что и в творении, если оно берется телесно, имеет место страдание, как то: время, желание, образование, забота, надежда, скорбь, опасность, неудача, поправка; все это и еще многое другое, как всякому известно, бывает при творении. Но дивлюсь, что ты не отваживаешься

¹ В греческом — Αἰτία, то есть: причина.

придумать каких-нибудь сочетаний, сроков чревоношения, опасностей преждевременного рождения и даже признать рождение невозможным, если бы Бог рождал иначе, или еще, перечислив образы рождения у птиц на суше и на воде, подчинить какому-либо из этих [способов] рождения рождение Божеское и невысказанное или, вследствие нового своего предположения, вовсе уничтожить Сына? И ты не можешь приметить того, что Кто по плоти имеет особый способ рождения (ибо где нашел ты по своим началам Богородицу Деву?), для Того иное и духовное рождение. Лучше же сказать, Кто имеет не такое же бытие, Тот имеет и особый способ рождения.

Какой отец не начинал быть отцом? — Тот, Которого бытие не начиналось. А у кого началось бытие, тот начал быть и отцом. Бог Отец не впоследствии стал Отцом, потому что не начинал быть Отцом. Он в собственном смысле Отец; потому что не есть вместе и Сын; равно как и Бог Сын в собственном смысле Сын, потому что не есть вместе и Отец. Ибо у нас отцы и сыны не в собственном смысле, но каждый и отец, и сын, и не в большей мере отец, чем сын, и мы происходим не единственно от отца, но от отца, который вместе и сын, а потому и сами делимся, постепенно становимся людьми, но какими не желали бы и рождающие, и рождаемые, так что у нас

остаются одни отношения, лишенные действительности.

Но ты говоришь: «Сами слова: *родил* и *родился* что иное вводят, как не начало рождения?» Что ж, если не скажем: *родился*, но *рожден от начала*, чтоб удобнее было избежать твоих тонких возражений, в которых ты везде отыскиваешь время? Ужели будешь обвинять нас, что перетолковываем сколько-нибудь Писание и истину? Но всякому можно видеть, что в изречениях, выражающих время, нередко ставятся времена одно вместо другого, особенно это употребительно в Божественном Писании, и не только в рассуждении времени прошедшего или настоящего, но и будущего. Например, сказано: *зачем мнутя народы* (Пс 2, 1), когда еще не метались; и еще: *через реку пройдут стопами* (Пс 65, 5), когда уже прошли. Продолжительно было бы перечислять все подобные выражения, которые замечены людьми трудолюбивыми.

Таково рассмотренное нами их возражение. Каково же следующее? Не до крайности ли привязчиво и бесстыдно? Они говорят: «Отец восхотев ли родил Сына, или нехотя?» Потом оба слушая, как представляется им, завязывают в узел, впрочем не крепкий, но слабый, и продолжают: «Если нехотя, то по принуждению. Кто ж принудивший, и как принужденный — Бог? А если по

хотению, то Сын есть сын хотения. Как же Он от Отца?»

И вместо Отца выдумывают какую-то новую мать — хотение. У рассуждающих таким образом приятно слышать одно, а именно, что, отступившись от страдания, прибегают к воле; но воля уже не страдание. Посмотрим же затем, как твердо их рассуждение. И всего лучше наперед сойтись с ними как можно ближе. Ты, который без затруднения говоришь все, что захочется, сам от какого родился отца, от хотящего или от нехотящего? Если от нехотящего, то ему сделано принуждение. Какое насилие! И кто ж принудивший его? Верно, не скажешь, что природа; ибо в природе — быть и целомудренным. А если от хотящего, то за несколько слогов пропал у тебя отец; ты стал сыном хотения, а не отца. Но перехожу к Богу и к тварям, и вопрос твой передаю на суд твоей мудрости. Бог сотворил мир по хотению или принужденно? Если принужденно, то и здесь насилие и насильственно действующий. А если по хотению, то лишены Бога как прочие твари, так больше всех ты, изобретатель таких умозаключений, вдающийся в подобные мудрования, потому что между тварями и Творцом становится преградой посредствующее хотение. Но думаю, что иное есть хотящий и иное — хотение, иное рождающий и иное — рождение,

иное говорящий и иное — слово; если только мы в трезвом уме. Первый есть движущий, а последнее — род движения. Поэтому то, чего хотелось, не от хотения, потому что не всегда следует за хотением, и рожденное — не от рождения, и слышимое — не от произношения, но от хотящего, рождающего, говорящего. А что в Боге, то выше и этого всего. В Нем хотение рождать есть уже, может быть, само рождение, а не что-либо посредствующее; если только вполне дадим место хотению, а не скажем, что рождение выше хотения. Хочешь ли, сделаю применение к Богу Отцу? — у тебя заимствую такую дерзость. Отец — хотящий или нехотящий Бог? И как избежать обоюдного твоего довода! Если хотящий, то когда начал хотеть? Не прежде, чем существовать. Ибо прежде ничего не было. Или в Нем одно хотело, а другое определялось хотением; и потому состоит Он из частей? Не будет ли и Он, по-твоему, плодом хотения? А если не хотящий, что принудило Его быть (Богом)? И как Он — Бог, если принужден, и принужден не к иному чему, а к тому самому, чтобы быть Богом?

Спрашиваешь: «Как Сын рожден?» — Но как Он и сотворен, если, по-твоему, сотворен? И здесь затруднение тоже. Скажешь, может быть, что сотворен волей и словом. Но ты не все еще сказал, ибо остается договорить одно: откуда воля

и слово имеют силу исполнения, потому что человек не так творит? Как же Сын рожден? — Не важно было бы Его рождение, если б оно было удобопостижимо и для тебя, который не знает собственного своего рождения, или и постигает в нем нечто, но не многое и такое, что об этом стыдно и говорить, а потом почитает себя всезнающим. Тебе надобно приложить много труда, прежде чем откроешь законы отвердения, образования, явления на свет, союз души с телом, ума с душой, слова с умом, движение, возрастание, претворение пищи в плоть, чувство, память, припоминание и прочее, из чего состоишь ты, а также прежде чем найдешь, что принадлежит обоим — душе и телу, что разделено между ними и что они заимствуют друг у друга. Ибо в рождении положены основания всему тому, что усовершенствуется впоследствии. Скажи же, что это за основания? Но и после этого не любоумудрствуй о рождении Бога, потому что это небезопасно. Ибо если знаешь свое рождение, то из этого не следует, что знаешь и Божие. А если не знаешь своего, то как тебе знать Божие? Ибо сколько Бог неудобопознаваем в сравнении с человеком, столько и горнее рождение непостижимее твоего рождения. Если же Сын не родился потому только, что для тебя это непостижимо, то кстати тебе исключить из ряда существ многое, чего

ты не постигаешь, и притом прежде всего Самого Бога. Ибо при всей своей дерзости, как ни отважно пускаешься в излишние исследования, ты не скажешь, что такое Бог. Отбрось свои течения, отделения, рассечения и что еще представляешь о нетелесном естестве, как о теле, и тогда, может быть, представишь нечто достойное Божия рождения. Как родился? — Опять с негодованием скажу то же: Божие рождение да почтено будет молчанием! Для тебя важно узнать и то, что Сын родился. А как? Не согласимся, чтоб это разумели и Ангелы, не только ты. Хочешь ли, объясню тебе, как родился? — Как ведают это родивший Отец и рожденный Сын. А что кроме этого, закрыто облаком и недоступно твоей близорукости.

Существовавшего ли Сына родил Отец или несуществовавшего? — Какое пустословие! Такой вопрос идет ко мне и к тебе, которые, хотя были чем-то, как Левий в чреслах Авраамовых (Евр 7, 10), однако же родились, а потому составились некоторым образом из сущего и не сущего. Противное этому должно сказать о первобытном веществе, которое явным образом сотворено из не сущего, хотя некоторые и представляют его не начавшим бытия. Но здесь¹ рождение сливается с бытием,

¹ В рождении Бога Сына.

и оно *от начала* (1 Ин 1, 1). А потому, где найдет себе место твой отовсюду обрывистый вопрос? Есть ли что старше того, что *от начала*, чтоб нам в этом старшем положить бытие или небытие Сына? Ибо в обоих случаях уничтожится у нас *от начала*; если только, когда спросим и об Отце: из сущих Он или из не сущих? — и тебе не угрожает опасность согласиться, что или два Отца, один предсуществовавший и другой существующий, или Отец терпит одно с Сыном, то есть Сам из не сущих, вследствие твоих ребяческих вопросов и этих построек из песка, которым не устоять и при слабом ветре. А я не принимаю ни того, ни другого¹ и говорю, что нелеп вопрос, а не ответ труден. Если же тебе, по правилам твоей диалектики, кажется необходимым во всяком случае одно из двух признавать истинным, то дай место и моему не важному вопросу: в чем время — во времени или не во времени? Если во времени, то в каком? Что это за время сверх времени, и как содержит в себе время? А если не во времени, что за чрезмерная мудрость вводить невременное время? И в этом предложении: «я теперь лгу» — уступи что-нибудь одно только, то есть признай его или истинным, или ложным

¹ То есть что Сын рожден или как существовавший, или как несуществовавший.

(а того и другого вместе мы не уступим). Но это невозможно, ибо, по всей необходимости, или лгущий скажет правду, или говорящий правду солжет. Что ж удивительного, как здесь сходятся противоположности, так и там обоим положениям быть ложными? А таким образом, и мудрое твое окажется глупым. Но реши мне еще один загадочный вопрос. Находился ли ты сам при себе, когда рождался, находишься ли при себе и теперь или и тогда не находился и теперь не находишься? Но если находился и находишься, то кто находящийся и при ком находится? Как один стал тем и другим?.. А если не находился и не находишься, то как отделяешься от самого себя? И какая причина этого разлучения? Скажешь: глупо и допытываться об одном, находится ли он при себе или нет, так можно говорить о других, а не о себе. Так знай же, что еще глупее доискиваться о Рожденном *от начала*, существовал ли Он или не существовал до рождения. Ибо так можно говорить о вещах, разделенных временем!

Но ты говоришь: «Нерожденное и рожденное не одно и то же. А если так, то и Сын не одно с Отцом». Нужно ли говорить, что по этому умствованию явно отъемлется Божество у Сына или у Отца? Ибо если нерожденность есть сущность Божия, то рожденность уже не сущность; а если последняя есть сущность, то первая — не сущность.

Кто оспорит это? Итак, новый богослов, выбирай которое угодно из двух нечестивых положений, если у тебя непременная мысль нечестивовать. Потом и я спрошу: в каком смысле взяв нерожденное и рожденное называешь их нетождественными? Если в смысле несозданного и созданного, то и я согласен, ибо безначальное и созидаемое нетождественны по естеству. А если называешь нетождественными родившего и рожденного, то положение несправедливо, потому что они по всей необходимости тождественны. Само естество родителя и его порождения требуют, чтобы порождение по естеству было тождественно с родившим. Или еще так: в каком смысле берешь нерожденное и рожденное? Если подразумеваешь саму нерожденность и рожденность, то они не тождественны. А если тех, кому принадлежит нерожденность и рожденность, то почему же им не быть тождественными? Глупость и мудрость не тождественны между собой, однако же бывают в одном человеке, и сущность ими не делится, но сами они делятся в той же сущности. Ужели и бессмертие, и непорочность, и неизменяемость составляют сущность Божию? Но если так, то в Боге сущностей много, а не одна; или Божество сложено из них, потому что не без сложения они в Боге, если только составляют сущности Его. Но этого не называют сущностью

Божией, потому что оно бывает принадлежностью и других существ. Сущность же Божия есть то, что единому Богу принадлежит и Ему свойственно. Правда, что нерожденность приписывать единому Богу не согласились бы те, которые вводят и нерожденное вещество и нерожденную идею (а манихейская тьма да не приближается и к мысли нашей!); впрочем, пусть она будет принадлежностью одного Бога. Что же скажешь об Адаме? Не он ли один — Божие создание? — Без сомнения, так. Но он ли один — человек? — Нимало. Почему же? Потому что сотворение не единственный способ к произведению человека; и рожденное есть также человек. Подобно этому не одно нерожденное есть Бог, хотя нерожденность и принадлежит единому Отцу. Напротив, хотя ты и чрезмерный любитель нерожденности, допусти, что и Рожденное есть Бог, потому что и Оно от Бога. Кроме того, почему называешь сущностью Божией не положение существующего, но отрицание несуществующего? Ибо слово: «нерожденный» показывает только, что в Боге нет рождения, а не объясняет, что такое Он по естеству, не говорит, что такое не имеющий рождения. Итак, что же есть сущность Божия? Твоему высокоумию — отвечать на это, потому что ты любопытствуешь о рождении. А для нас велико, если узнаем это и впоследствии, когда, по

обетованию *Неложного* (Тит 1, 2), рассеется в нас мгла и дебелость¹.

Об этом да помышляют, на это да надеются очистившиеся до такой степени. Мы же осмелимся сказать одно: если велико для Отца — ни от кого не происходить, то для Сына не менее важно — происходить от такого Отца, потому что, как произошедший от Безвиновного, участвует Он в славе Безвиновного, но к этому присовокупляется и рождение, которое само по себе велико и досточтимо для умов не вовсе пресмыкающихся по земле и огрубевших.

Но говорят: «Если Сын тождествен с Отцом по сущности, а Отец нерожден, то и Сын будет нерожден». — Это справедливо, если нерожденность есть сущность Божия. Тогда Сын будет новое смешение — рожденно-нерожденное. Но ежели эта разность не в самой сущности, то почему ты выдаешь свое умозаключение за неизблемое? Ужели и ты отец своему отцу, чтоб тебе, будучи тождественным с ним по сущности, ни в чем не отставать от своего отца? Не очевидно ли лучше искать нам, что такое сущность Божия (если только найдем), оставляя непреходящими личные свойства? Еще и так можешь удостовериться,

¹ В греческом — *παχύτης*, то есть: *тучность, грубость, плотность*.

что нерожденность и Бог не тождественны. Если бы они были тождественны, то следовало бы, поскольку Бог есть Бог некоторых, и нерожденности быть нерожденностью некоторых, или, поскольку нерожденность не есть нерожденность некоторых, и Богу не быть Богом некоторых, потому что о совершенно тождественном и говорится подобно. Но нерожденность не есть нерожденность некоторых. Ибо чья она? А Бог есть Бог некоторых; потому что Он Бог всех. Следовательно, как же Богу и нерожденности быть тождественными? И еще: поскольку нерожденность и рожденность противоположны между собой, как обладание и лишение, то необходимо будет ввести и противоположные между собой сущности, а этого никто не допускает. Или еще: поскольку обладание первоначальнее лишения, а лишением уничтожается обладание, то сущность Сына, вследствие твоих предположений, не только первоначальнее сущности Отца, но даже уничтожается ею.

Какой же есть еще у них неотразимый довод, к которому, может быть, прибегнут они в заключение всего? «Если Бог не перестал рождать, то рождение несовершенно. И когда Он перестанет? А если перестал, то, без сомнения, и начал». — Опять плотские говорят плотское. А я, как не говорю — вечно или не вечно рождается Сын, пока не вникну тщательнее в сказанное: *прежде всех*

холмов рождает Меня (Притч 8, 25), так не вижу необходимого следствия в доказательстве. Ибо если имеющее прекратиться, по словам их, началось, то не имеющее прекратиться, без сомнения, не начиналось. А потому, что скажут о душе или об ангельской природе? Если они начались, то и прекратятся. А если не прекратятся, то, как видно из их положения, и не начинались. Но они и начались, и не прекратятся. Следовательно, несправедливо их положение, что имеющее прекратиться началось.

Наше учение таково: как для коня, вола, человека и для каждой вещи одного рода существует одно понятие, и что подходит под это понятие, к тому оно и прилагается в собственном смысле, а что не подходит, к тому или не прилагается, или прилагается не в собственном смысле, так одна есть Божия сущность, одно Божие естество, одно Божие именование (хотя имена и различаются вследствие различных некоторых умопредставлений), и что в собственном смысле именуется Богом, то действительно есть Бог, а равно, что по естеству есть Бог, то истинно именуется Богом; если только истина состоит у нас не в именах, а в вещах. Но они, как бы опасаясь, чтоб не все уже подвинуть против истины, когда бывают к тому принуждены разумом и свидетельствами, исповедуют Сына Богом, но Богом

по соименности, то есть по участию в одном наименовании.

Когда же возражаем им: а что? ужели Сын не в собственном смысле Бог, подобно тому как животное на картине не собственно животное? И как Он Бог, если не в собственном смысле Бог? — тогда они отвечают: что ж препятствует, чтоб одни и те же были и соименны, и именовались каждый в собственном смысле? При этом представляют в пример пса, живущего на суше, и пса морского, которые носят одно и то же имя и именуются каждый псом в собственном смысле. Правда, что между соименными составляет некоторый род как подобное этому, так и иное что-нибудь, если оно, хотя и различно по естеству, впрочем, носит то же имя и равно в нем участвует. Но там, подводя под одно наименование два естества, не утверждаешь ты, наилучший, чтоб одно было лучше другого, чтоб одно предшествовало, а другое в меньшей мере было тем, чем оно называется. С ними не сопрягается ничего такого, что делало бы это необходимым. Первый пес не больше, а второй не меньше первого есть пес, то есть и морской пес — живущего на суше, и обратно, живущий на суше — морского (да и почему, или на каком основании было бы это?); напротив, общее наименование имеют предметы равночестные и различные. Но здесь, с понятием

о Боге сопрягая досточтимость и превосходство над всякой сущностью и естеством (что принадлежит единому Богу и составляет как бы естество Божества), а потом, приписав это Отцу и отняв у Сына (через что ставишь Его ниже и уделяешь Ему второстепенное чествование и поклонение), хотя на словах придаешь Ему богоподобие, на самом же деле отсекаешь у Него Божество и от соименности, заключающей в себе равенство, со злым умыслом переходишь к соименности, которой связываются вещи неравные. А таким образом, по твоим умозаключениям, человек на картине и человек живой ближе изображают Божество, нежели представленные в пример псы. Или уступи Обоим как общение в наименовании, так и равночестность естеств, хотя и признаешь их различными; тогда уничтожатся у тебя псы, которых придумал ты в объяснение неравенства. Да и что пользы в соименности, если разделяемые тобой не будут иметь равночестности? Ибо не в доказательство равночестности, но в доказательство неравночестности прибегаешь ты к соименности и к псам. Можно ли больше этого изобличить в себе и противоречие с самим собой и противление Божеству?

Если же к сказанному нами: «Отец больше Сына, как Причина», присовокупив положение: «но Причина по естеству», выводят они

закключение: «Отец больше Сына по естеству», то не знаю, самих ли себя больше обманывают они или тех, к кому обращают слово. Ибо не безусловно все то, что говорится о чем-нибудь, должно быть сказуемым и подлежащее ему, но надобно различать, о чем говорится и что. Иначе что препятствует и мне, сделав такое положение: «Отец больше по естеству» и потом присовокупив: «а что по естеству, то не всегда больше и не всегда отец», вывести из этого заключение: «большее не всегда больше, или отец не всегда отец». А если угодно, буду рассуждать так: Бог есть сущность, но сущность не всегда Бог, отсюда сам выведи заключение: Бог не всегда Бог. Но думаю, что это — ложное умозакключение, на учебном языке обыкновенно называемое «от относительного к безусловному». Ибо когда даем им понятие о большинстве виновника по естеству, они вводят понятие о большинстве по естеству. Здесь то же, как если бы мы сказали: известный человек мертв, а они бы просто сделали заключение: человек мертв.

Но как умолчать нам о том, что не меньше предыдущего заслуживает быть упомянутым? Они говорят: «Отец есть имя Божие по сущности или по действию?» и в обоих случаях хотят связать нас. Если скажем, что имя Божие по сущности, то с этим вместе допустим иносущие Сына;

потому что сущность Божия одна и ее, как говорят они, предвосхитил уже Отец. А если — имя по действию, то очевидно признаем Сына творением, а не рождением. Ибо где действующий, там непременно и произведение. «И может ли сотворенное быть тождественно с Сотворившим?» — скажут они с удивлением. — Весьма бы уважил и я сам ваше разделение, если бы необходимо было принять одно из двух. Но справедливее будет, избежав того и другого, сделать третье положение, а именно сказать вам, премудрые, что Отец есть имя Божие не по сущности и не по действию, но по отношению, какое имеют Отец к Сыну или Сын к Отцу. Ибо эти наименования как у нас показывают близость и сродство, так и там означают соестественность Родившего с Рожденным.

Но пусть будет слово «Отец», в угоду вам, означать и некоторую сущность, тогда, по общим понятиям и по силе этих наименований, Он введет с Собой и Сына, а не отчуждит Его. А если угодно, пусть будет именем по действию, и в этом случае не переспорите нас. Мы утверждаем, что это самое, то есть единосущие, и было действием Отца, или иначе понятие о таковом действии заключало бы в себе нелепость.

Видишь ли, что мы избегаем ваших ухищрений, как ни хотелось вам одолеть нас? Но поскольку мы узнали уже, сколь непреодолимы

твои умозаключения и ухищренные доводы, то посмотрим, какова крепость твоих доказательств из слова Божия, если станешь убеждать нас ими.

Ибо мы и познали, и проповедуем Божество Сына, руководствуясь великими и высокими словами. Какими же? Следующими: Бог, Слово, в начале, с началом начало (*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*; Ин 1, 1. И: *с Тобой начало*, Пс 103, 4. И еще: *Кто от начала вызывает роды*¹ Ис 41, 4).

А также наименования: Сын едиnorodный (*Едиnorodный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил*, Ин 1, 18); Путь, Истина, Жизнь, Свет (*Я есмь путь, истина и жизнь*, Ин 14, 6; и еще: *Я свет миру*, Ин 8, 12); Премудрость, Сила (*Христос Божия сила и Божия премудрость*, 1 Кор 1, 24); Сияние, Образ, Печать (*Сей будучи сияние славы, и образ ипостаси Его*, Евр 1, 3; и еще: *Образ благодости*; Прем 27, 6; и еще: *Отец на нем положил*

¹ Илиия после этих слов читал еще следующие: «Ибо пророк вводит Самого Бога и Отца, Который задолго прежде описывает послание к нам Единородного Сына, совершенное по Божию совету, и говорит так: *Кто возстави от восток правду, призва ю к ногам своим, и пойдет? Даст пред языки, и цари ужасит; и прожест я, и пройдет с миром путь ног его: кто содела и сотвори сия? Призва ю, призывая ю от родов начало. Аз Бог первый, и в грядущая Аз есмь* (Ис 41, 2–4)».

печать Свою, Бог, Ин 6, 27); Господь, Царь, Сущий, Вседержитель (*и Господь полил дождем огонь от Господа*, Быт 19, 24; и еще: *жезл правоты, жезл царства Твоего*, Пс 44, 7; и еще: *Который есть и был и грядет, Вседержитель*, Откр 1, 8) ясно приписываются Сыну, равно как и другие имеющие с этими одинаковую силу и принадлежащие к числу тех, из которых ни одно не есть приобретенное и впоследствии присвоенное Сыну или Духу, так же как и Самому Отцу, потому что Он совершен не через приращение и не было, когда бы Он был без Слова, не было, когда бы Он был не Отец, не было, когда бы Он был не истинен, или не премудр, или не всемогущ, или лишен жизни, или светлости, или благодати.

Перечисли же и ты в противоположность этим словам те, которые отыскивает твоя неблагодарность! Таковы суть: *Бог мой и Бог ваш* (Ин 20, 17), *[Отец] более [Меня]* (Ин 14, 28), *создал* (Притч 8, 22), *сотворил* (Деян 2, 36), *освятил* (Ин 10, 36). А если угодно, и следующие: *раб* (Ис 49, 3), *послушен* (Флп 3, 7), *отдал* (Ин 5, 22; 10, 29), *навык* (Евр 5, 8), *заповедал* (Ин 14, 31), *послал* (Ин 10, 36; 17, 3), *не может от Себя ничего творить* (Ин 5, 30), или говорить (Ин 12, 49), или судить (Ин 12, 47), или даровать (Мф 20, 23), или хотеть (Мф 26, 39). А еще и те, в которых приписывается Сыну неведение (Мк 13, 32), покорность (1 Кор 15, 28), молитва (Лк 6, 12), вопрошение

(Ин 11, 34), преуспевание (Лк 2, 52), совершенствование (Евр 5, 9). Присовокупи, если хочешь, и больше этих унижительные выражения, например: спит (Мф 8, 24), алчет (Мф 4, 2), утруждается (Ин 4, 6), плачет (Ин 11, 35), находится в борении (Лк 22, 44), укрывается (Ин 8, 59). А может быть, обратишь ты в укоризну даже смерть и крест. Ибо не коснешься, как думаю, воскресения и вознесения, потому что в них найдется нечто и в нашу пользу. Но и кроме этого можешь собрать многое, если захочешь ты себе составить соименного и сопричтенного Бога, когда у нас есть Бог, истинный и равночестный Отцу.

Если и каждое из этих выражений разбирать в отдельности, то нетрудно будет объяснить тебе их в смысле благочестном, устранив все, что в Писаниях служит для тебя преткновением, ежели только действительно ты претыкаешься, а не с намерением толкуешь криво. Вообще же выражения более возвышенные относи к Божеству и к природе, которая выше страданий и тела, а выражения более унижительные — к Тому, Кто Сложен, за тебя истощил Себя и воплотился, а не хуже сказать, и очеловечился, потом же превознесен, чтоб ты, истребив в догматах своих все плотское и пресмыкающееся по земле, научился быть возвышеннее и восходить умом к Божеству, а не останавливаться на видимом, возносился

к мысленному и знал, где речь о естестве Божиим и где — о Его домостроительстве. Ибо было, когда Этот, тобой ныне презираемый, был выше тебя. Ныне он Человек, а был и несложен. Хотя пре-был и тем, чем был Он, однако же восприял и то, чем не был. Вначале был Он без причины; ибо что может быть причиной Бога? Но впоследствии начал бытие по причине, и причиной было — спасти тебя — ругателя, который презирает Божество за то, что Оно приняло на Себя твою грубость и посредством ума вступило в общение с плотью; и дольний человек стал Богом, после того как соединился с Богом и стал с Ним единым, потому что победило лучшее, дабы и мне быть Богом, поскольку Он стал человеком. Он родился; но и прежде был рожден, — родился от жены, но и от Девы, — родился человечески, рожден Божески; здесь без отца, но и там без матери; а все это есть знак Божества. Он носим был во чреве, но узнан пророком, который сам был еще во чреве, и *выз-грал* перед Словом, для Которого получил бытие (Лк 1, 44). Он повит был пеленами, но, воскресши, сложил с Себя гробные пелены. Положен был в яслях, но прославлен Ангелами, указан звездой, почтен поклонением от волхвов. Как же ты находишь преткновение в видимом, не обращая внимания на умосозерцание? Он спасался бегством в Египет, но и все египетское обратил в бегство.

Для иудеев не имеет ни вида, ни величия (Ис 53, 2), но для Давида прекраснее сынов человеческих (Пс 44, 3), но на горе молниеносен и светозарнее солнца, чем и тайноводствует к будущему. Он крещен как человек; но разрешил грехи как Бог; — крещен не потому, что Сам имел нужду в очищении, но чтоб освятить воды. Он был искушаем как человек, но победил как Бог, но повелевает дерзать, как Победивший мир (Ин 16, 33). Алкал, но напичкал тысячи, но Сам есть хлеб жизни и небесный (Ин 6, 33–35). Жаждал, но и возгласил: *если кто жаждет, иди ко Мне и пей*, но и обещал, что верующие источат воды живые (Ин 7, 39). Утруждался, но Сам есть упокоение *труждающихся и обремененных* (Мф 11, 28). Его отягощал сон, но Он легок на море, но Он запрещает ветрам, но Он подымлет утопающего Петра. Дает дань, но из рыбы, но царствует над собирающими дани. Его называют самарянином и имеющим беса, однако же Он спасает шедшего из Иерусалима и попавшего к разбойникам (Лк 10, 30), однако же Он познается бесами, изгоняет бесов, посылает в бездну легион духов и видит вождя бесовского как молнию спавшего (Лк 10, 19). В Него бросают камни, но не могут взять Его. Он молится, но и внемлет молитвам. Плачет, но и прекращает плач. Спрашивает, где положен Лазарь, потому что был человек, но и воскрешает Лазаря, потому что был Бог.

Он продается, и за самую низкую цену — за тридцать сребренников, но искупает мир, и высокой ценой — собственной Своею кровью. *Как овца веден был на заклание* (Ис 53, 7), но Он — Слово, возвещаемое *гласом вопиющего в пустыне* (Ис 40, 3). *Был мучим и изъязвлен* (Ис 59, 5), но *исцеляет всякую болезнь и всякую немощь* (Мф 4, 23). Возносится на древо и пригвождается; но восстанавливает нас древом жизни, но спасает распятого с Ним разбойника, но омрачает все видимое. Его поят уксусом, Он вкушает желчь, но кто же Он? — Претворивший воду в вино, истребитель горького вкушения, *сладость и весь желание* (Песн 5, 16). Предаёт душу, но *имеет власть принять ее обратно* (Ин 10, 18), но раздирается завеса, потому что горнее делается открытым, но распадаются камни, но восстают мертвые. Умирает, но животворит и разрушает смертью смерть. Погребаётся, но восстает. Нисходит в ад, но возводит из него души, но восходит в небеса, но придет судить живых и мертвых и подвергнуть истязанию подобные твоим слова. Если одни высказывания служат для тебя поводом к заблуждению, то другие да рассеют твое заблуждение!

Такой даем ответ говорящим загадочно — даем неохотно (потому что для верных неприятно пустословить и препираться словами — для них довольно и одного противника (1 Тим 5, 14), однако же

даем по необходимости, для нападающих (потому что и лекарства существуют для болезней), чтоб узнали они, что не во всем они мудры и не неодолимы в своих излишних и упраздняющих Евангелие мудрованиях. Ибо когда, оставив веру, предпочитаем ей силу слова и несомненность Духа уничтожим своими вопросами, а потом слово наше побеждено будет величием предметов (это же необходимо последует, когда словом движет немощное орудие — наша мысль); тогда что бывает? — Немощь слова представляется нам недостаточностью самого таинства; и таким образом, изящество слова обращается в уничтожение Креста, как рассуждает об этом и Павел (1 Кор 1, 17). Ибо восполнение нашего учения есть вера.

Но Ты, *объясняющий значения и разрешающий узлы* (Дан 5, 12), наводящий и нас на разум, как сводить наросты насильственно вторгающихся учений, наиболее изменив их, сделай хитрословов верными и именуемых ныне — христианами! К этому и убеждаем вас, об этом и *от имени Христа* просим: *примиритесь с Богом* (2 Кор 5, 20) и *Духа не угашайте* (1 Фес 5, 19), лучше же сказать, да примирится с вами Христос, и хотя поздно, да воссияет вам Дух! Если же вы чрезмерно упорны, то по крайней мере для себя самих спасаем мы Троицу и спасаемся Троицею, пребывая чистыми и непреткновенными (Флп 1, 10) до совершенного

явления того, что для нас вожделенно, о Самом Христе, Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

СЛОВО 30

О богословии четвертое, о Боге Сыне второе

Ухищренные твои доводы и сплетения умо-
заключений достаточно поколебал я силой
Духа, а также на возражения и противополо-
жения из Божественных Писаний (которыми
святотатцы истины, похищая смысл написан-
ного, склоняют на свою сторону многих и воз-
мущают путь истины) дано уже мной общее ре-
шение, и решение, сколько сам себя уверяю, для
благомыслящих не неясное, а именно те изрече-
ния Писания, которые более возвышенны и бо-
гоприличны, приложил я к Божеству, а те, ко-
торые более низки и человекообразны, отнес к
новому нас ради Адаму и к Богу, сделавшему-
ся страждущим в борьбе с грехом. Но, поспешая
словом, не рассмотрел я каждого из таковых вы-
ражений в отдельности. Поскольку же ты, чтоб
не увлечься толкованиями, имеющими вид ве-
роятности, требуешь кратких решений и на эти
выражения, то, для облегчения памяти разделив
числами, подведу их под общий обзор.

Первое и особенно готовое у них изречение есть следующее: *Господь созда мя начало путей Своих в дела Своя* (Притч 8, 22)¹. Как отвечать на это? Не станем ни обвинять Соломона, ни отвергать прежнего за последнее его падение, ни толковать, что здесь представлена говорящею Премудрость, то есть то ведение и тот изобретательный ум, по которым все сотворено. Ибо Писание часто олицетворяет многие даже и бездушные вещи, например, *море говорит* то и то (Ис 23, 4) и *бездна говорит: не во мне она* (Иов 28, 14); также *небеса* представлены *проповедующими славу Божию* (Пс 18, 1) и мечу повелевается нечто (Зах 13, 7), горы и холмы вопрошаются о причинах скакания (Пс 113, 6). Но не будем отвечать подобным этому образом, хотя некоторые прежде нас и выдавали это за нечто основательное. Напротив, положим, что это слова Самого Спасителя — истинной Премудрости. И рассмотрим их несколько внимательнее. Какое из существ не имеет причины? Божество. Ибо никто не скажет нам причины Бога; иначе она была бы первоначальнее Самого Бога. Но какая причина тому, что Бог ради нас приемлет человечество? — Та, чтоб все мы были спасены. Ибо какой

¹ В русском Синодальном переводе этот стих читается так: *Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони.*

быть иной причине? Итак, поскольку здесь находим и слово: *создал*, и другое ясное выражение: *рождает меня* (Притч 8, 25), то объяснение просто. Сказанное с присовокуплением причины припишем человечеству, а сказанное просто, без присовокупления причины, отнесем к Боже-ству. Но не слово ли: *создал* сказано с присо-вокуплением причины? Ибо Соломон говорит: *создал меня началом путей Своих прежде соз-даний Своих* (Притч 8, 22). *Дела же рук Его — ис-тина и суд* (Пс 110, 7), для которых помазан Он Бо-жеством, потому что это помазание относится к человечеству. Но слово: *рождает меня*, употреб-лено без присовокупления причины, иначе ука-жи, что к нему прибавлено. Итак, кто будет спо-рить, что Премудрость называется творением по земному рождению и рождаемой — по рожде-нию первому и более непостижимому?

Из этого происходит и то, что Сыну дается наименование раба, *благослужащего многим* (Ис 53, 11), и что Ему *веле* есть назваться *рабом Божиим* (Ис 49, 6). Ибо действительно, для наше-го освобождения послужил Он плоти, рождению, немощам нашим и всему, чем спас содержимых под грехом. А для низости человека что выше того, как соединиться с Богом и через такое со-единение стать Богом и столько быть посещен-ным *Востоком свыше* (Лк 1, 78), чтоб и *рождаемое*

Святое нареклось Сыном Вышнего (Лк 1, 35), и даровано было Ему имя, выше всякого имени (а это что иное, как не то же, что быть Богом?), чтоб всякое колено преклонилось (Флп 2, 9–10). Истощившему Себя за нас и образ Божий Соединившему с образом раба, чтоб знал весь дом Израилев, что и Господом и Христом Его Бог сделал (Деян 2, 36). Ибо это было как по действию Рожденного, так и по благоволению Родителя.

А что занимает второе место между важными для них и непреодолимыми изречениями? — *Ибо надлежит Ему царствовать, доколе, и проч. (1 Кор 15, 25); небо должно принять до времен совершения всего (Деян 3, 21) и сидеть одесную до покорения врагов (Евр 1, 13). Что ж после того? Перестанет царствовать? Сойдет с небес? Кто ж, и по какой причине, положит конец Его царствованию? Какой ты дерзкий и не терпящий над собой царя толкователь! Впрочем, и ты знаешь, что Царству Его не будет конца (Лк 1, 33). Но впадешь в заблуждение по незнанию, что слово доколе не всегда противопоставляется будущему времени, а напротив, означая время до известного предела, не исключает и последующего за этим пределом. Иначе (не говорю о другом чем) как будешь понимать слова: буду с вами до скончания века (Мф 28, 20)? Ужели так, что после этого не будет Он с нами? Что за*

рассуждение! Но ты грешишь не от одного этого незнания, но и оттого, что не различаешь значений. Сын именуется царствующим, — в одном смысле как Вседержитель и Царь хотящих и нехотящих, а в другом как приводящий нас к покорности и подчинивший Своему царствию тех, которые добровольно признают Его Царем. И Царствию Его, если понимать его в первом значении, не будет конца, а если понимать во втором, будет ли какой конец? — Тот, что нас, спасенных, примет под руку Свою (ибо покорившихся нужно ли еще приводить к покорности?), а потом восстанет *Судией земли* (Пс 93, 3) и разделит спасаемое от погибающего, потом станет Бог посреди богов спасенных, чтоб рассудить и определить, кто такой достоин славы и обители. Присовокупи к этому и ту покорность, какой ты покоряешь Сына Отцу! Что говоришь? Разве Сын не покорен теперь? Но, будучи с Богом, Он совершенно должен покорствовать Богу. Или о каком разбойнике и противнике Божиим слово у тебя? Напротив, прими во внимание следующее. Как за меня назван *клятвой* (Гал 3, 13) разрешающий мою клятву и *грехом* (2 Кор 5, 21), *Берущий грех мира* (Ин 1, 29), и Адам из ветхого делается новым; так и мою непокорность, как Глава целого тела, делает Он Своею непокорностью. Поэтому пока я непокорен и волнуем

своими страстями и тем, что отрекаюсь от Бога, до тех пор и Христос, единственно из-за меня, называется непокорным. А когда все будет покорено Ему (покорится же, поскольку познает Его и переменится), тогда и Он, приведя меня спасенного, исполнил Свою покорность. Ибо в этом именно, по моему по крайней мере рассуждению, состоит покорность Христова — в исполнении воли Отчей. Покоряет же и Сын Отцу, и Отец Сыну, поскольку Один действует и Другой благоволит (как сказано мной прежде). И таким образом, Покоривший представляет покоренное Богу, усваивая Себе нашу покорность.

Такое же, кажется мне, значение имеют слова: *Боже, Боже мой, внемли Мне, для чего ты оставил Меня* (Пс 21, 1)? Ибо не Сам Он оставлен или Отцом, или собственным Божеством, Которое (как думают некоторые) убоялось будто бы страдания и потому скрылось от страждущего (кто принудил Его или вначале родиться на земле, или взойти на крест?), но (как говорил уже я) в лице Своем изображает нас. Мы были прежде оставлены и презренны, а ныне восприняты и спасены страданиями Бесстрастного. Подобно этому усваивает Он Себе и наше неразумие, и нашу греховность, как видно из продолжения псалма, потому что двадцать первый псалом явно относится ко Христу.

Под тот же взгляд подходит и то, что Он *навык послушанию*, а также Его вопль, слезы, молитва, услышание и благоговение (Евр 5, 7–8) — все это совершается и чудесным образом присовокупляется от нашего лица. Сам Он, как Слово, не был ни послушлив, ни непослушлив (так как то и другое свойственно подчиненным и второстепенным, и одно добронравным, а другое достойным наказания), но, как *образ раба* (Флп 2, 7), снисходит к товарищам по рабству и рабам, приемлет на Себя чужое подобие, представляя в Себе всего меня и все мое, чтоб истощить в Себе мое худшее, подобно тому как огонь истребляет воск, или солнце — земной пар, и чтоб мне, через соединение с Ним, приобщиться к тому, что Ему свойственно. Поэтому собственным Своим примером возвышает Он цену послушания и испытывает его в страдании, потому что недостаточно бывает одного расположения, как недостаточно бывает и нам, если не сопровождаем его делами, ибо дело служит доказательством расположения. Но, может быть, не хуже предположить и то, что Он подвергает испытанию наше послушание и все измеряет Своими страданиями, водясь искусством Своего человеколюбия, дабы на собственном опыте узнать, что для нас возможно и сколько должно с нас взыскивать, и нам извинять, если при страданиях принята будет во внимание и немощь. Ибо

ежели и Свет, который по причине покров¹ *свтит во тьме* (Ин 1, 5), то есть в этой жизни, гоним был другой тьмой (имею в виду лукавого и искусителя), то тем более потерпит это из-за своей немо²щи тьма². И что удивительного, если мы, когда Свет совершенно избежал, бываем несколько настигаемы? По правому об этом рассуждению, для Него больше значит быть гонимым, нежели для нас — быть настигнутыми. Присовокуплю к сказанному еще одно место, которое приходит мне на память и очевидно ведет к той же мысли, а именно: *как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь* (Евр 2, 18).

Будет же Бог *все во всем* (1 Кор 15, 28) во время *совершения* (Деян 3, 21), то есть не один Отец, совершенно разрешивший в Себя Сына, как свечу, которая извлечена на время из большого ко¹стра, а потом опять в него вложена (савеллиане не соблазнят нас таким изречением), но всецелый Бог, притом когда и мы, которые теперь, по своим движениям и страстям, или вовсе не имеем в себе Бога, или мало имеем, перестанем быть многим, но сделаемся всецело богоподобными, вмещающими в себе всецелого Бога и Его единого. Вот то совершенство, к которому мы стремимся!

¹ Плоти.

² Человек.

И о нем-то особенно намекает сам Павел. Ибо что говорит он здесь неопределенно о Боге, то в другом месте ясно присваивает Христу. В каких же словах? — *Где нет Еллина, ни Иудея, ни обрезания и ни необрезания, варвара и Скифа, раба и свободного, но все и во всем Христос* (Кол 3, 11).

В третьем месте поставь выражение: *[Отец] более [Меня]* (Ин 14, 28), и в четвертом: *Богу Моему и Богу вашему* (Ин 20, 17).

Если бы сказано было: *более*, но не сказано: *равен* (Ин 5, 18–21), то это выражение имело бы, может быть, у них некоторую силу. Когда же находим то и другое сказанным ясно, что возразят эти неустрашимые? Чем подкрепятся? Как согласуют несогласуемое? Ибо невозможно, чтоб одно и то же в рассуждении одного и того же и в одинаковом отношении было и больше и равно. Не явно ли, что Отец больше Сына по виновности¹ и равен по естеству? А это и исповедуем мы весьма здравомысленно. Разве иной, подвизаясь еще крепче за наше учение, присовокупит: имеющее бытие от такой Причины не меньше Беспричинного, ибо что от Безначального, то причастно славы Безначального, а к этому присовокупляется и рождение, которое для имеющих ум само по себе важно

¹ В греческом — τῆς αἰτίας, то есть: *по причине*. Смысл выражения таков: Отец больше Сына в силу того, что является Причиной бытия Сына.

и досточтимое. Но мысль, что Отец больше Сына, рассматриваемого по человечеству, хотя справедлива, однако же маловажна. Ибо что удивительного, если Бог больше человека?

Таков наш ответ да будет тем, которые много кричат о слове *более*, о слове же *Бог* скажем: Отец называется Богом не Слова, но видимого (ибо как быть Богом Того, Кто в собственном смысле Бог?), равно как и Отцом не видимого, но Слова. Ибо во Христе два естества; а потому в отношении к обоим естествам имена Бог и Отец употребляются отчасти в собственном смысле, отчасти же в несобственном, и противоположно тому, как говорится это о нас; потому что Бог есть наш Бог в прямом смысле, но Отец наш — не в прямом. И именно это, то есть сочетание имен, и притом имен, из которых одни другими заменяются по причине соединения естеств, вводит в заблуждение еретиков. А доказательством такой замены служит то, что когда естества различаются в понятиях, тогда разделяются и имена. Послушай, как говорит Павел: *Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы* (Еф 1, 17). Бог Христа, а славы Отец, хотя то и другое одно, но не по естеству, а по совокупности их. Что может быть яснее этого?

В-пятых, считай выражения, по которым Сын приемлет жизнь, или суд (Ин 5, 26–27), или наследие народов (Пс 2, 8), или власть над всякой плотью,

или славу, или учеников (Ин 17, 2, 6, 22), или тому подобное. И это относится к человечеству. А если припишешь и Богу, не будет несообразности, потому что припишешь не как приобретенное, но как от начала принадлежавшее, и притом по естеству, а не по благодати.

В-шестых, положи выражение: *Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего* (Ин 5, 19). В рассуждении должно заметить, что слова *может* и *не может* не в одном смысле употребляются, но многозначны. Иное называется невозможным по недостатку сил в известное время и на известное действие; например, ребенок не может бороться, щенок — видеть или драться с таким-то, но со временем будет, может быть, и бороться, и видеть, и драться с таким-то, хотя с другим драться и тогда останется для него невозможным. Иное бывает невозможным в большей части случаев, например *не может укрыться город, стоящий наверху горы* (Мф 5, 14). Но в ином случае мог бы он и укрыться, если бы загорожен был большой горой. Иное невозможно по несообразности, например *могут ли поститься сыны чертога брачного, пока в доме жених* (Мф 9, 15; Мк 2, 19), или телесно видимый Жених (ибо в Его присутствие время не злостраданий, но веселья), или умосозерцаемое Слово (ибо должны

ли телесно поститься очищенные Словом?). 109
Иное невозможно по недостатку воли, напри- ☩
мер *не мог там сотворить знамений из-за не-*
верия приемлющих (Мф 13, 58; Мк 6, 5–6). Поскольку
при исцелениях нужны и вера врачуемых и сила
врачующего, то по недостатку одного делалось
невозможным и другое. Но не знаю, не причис-
лить ли и это к невозможному по несообразно-
сти? Ибо несообразно было бы исцелить повреж-
денных неверием. Невозможность по недостатку
воли выражается также в словах: *вас мир не мо-*
жет ненавидеть (Ин 7, 7); и: *как вы можете го-*
ворить добро, будучи злы (Мф 12, 34)? Ибо почему
было бы невозможно то или другое, если не по-
тому, что нет на это воли? А иногда называется
невозможным и то, что, хотя невозможно по
природе, однако же могло бы стать возможным
по воле Божией, например невозможно тому
же человеку родиться в другой раз (Ин 3, 4) и не-
возможна игла, принимающая в себя верблю-
да (Мф 19, 24). Ибо что препятствовало бы и этому
быть, если бы стало то угодно Богу? Но вне всех
этих невозможностей совершенно невозможное
и несбыточное, и оно-то составляет предмет на-
стоящего изыскания. Как признаем невозмож-
ным, чтоб Бог был зол или не существовал (это
показывало бы в Боге бессилие, а не силу), или
чтоб существовало не существующее, или чтоб

дважды два было вместе и четыре и десять; так невозможно и ни с чем не совместимо, чтоб Сын творил что-либо такое, чего не творит Отец. Ибо все, что имеет Отец, принадлежит Сыну; как и наоборот, принадлежащее Сыну принадлежит Отцу. Итак, ничего нет собственного; потому что все общее. И само бытие у Них общее и равночестное, хотя бытие Сына и от Отца. Потому и говорится: *Я живу Отцом* (Ин 6, 57) не в том смысле, что жизнь и бытие Сына поддерживаются от Отца, но в том, что Сын от Отца существует одновременно и безвиновно. Что же значат слова: как видит творящего Отца, так и творит? Ужели и здесь то же, что видим в списывающих картины или письма, которые не иначе могут написать верно, как смотря на подлинник и им руководствуясь? Возможно ли Премудрости иметь нужду в Учителе или то одно и делать, чему научена? Как же творит или творил Отец? Ужели Он создал другой мир прежде настоящего и создаст будущий, а Сын, смотря на них, как настоящий создал, так и будущий создаст? Итак, по этому рассуждению четыре мира: два — творение Отца, и два — творение Сына. Какое неразумие! Но Сын очищает проказы, освобождает от бесов и болезней, животворит мертвых, ходит по морю и совершает все прочее, что Им сотворено; над кем же и когда совершал это прежде

Сына Отец? Не явно ли, что одни и те же дела Отец предназначает, а Слово приводит в исполнение, не рабски и слепо, но с ведением и со властью¹, точнее же сказать, отечески. Так понимаю я слова: что сотворено бывает Отцом, это и Сын творит также, не в подражание сотворенному, но по равночестию власти. И это означает, может быть, словами: *доныне и Отец делает, и Сын* (Ин 5, 17), в которых, впрочем, разумеется не одно сотворение, но также домостроительство и сохранение сотворенного, как видно из слов: *творит ангелами Своими духов и ставит землю на твердых основах* (Пс 103, 4–5), тогда как земля водружена и Ангелы сотворены однажды; также образует гром и творит ветер (Ам 4, 13)², тогда как закон для них дан однажды, действие же и ныне постоянно продолжается.

В-седьмых, считай выражение, что Сын сошел с небес не для того, чтобы творить волю Свою, но волю Пославшего (Ин 6, 38). Если бы это сказано было не Самим Снисшедшим, то мы ответили бы, что слова эти произнесены от лица человека, не какого разумею мы в Спасителе (Его воля как всецело обоготворенная не противна

¹ В греческом — δεσποτικῶς, буквально: *деспотически*.

² В русском Синодальном переводе этот стих читается так: *образует горы и творит ветер*.

Богу), но подобного нам, потому что человеческая воля не всегда следует, но весьма часто противоречит и противоборствует воле Божией. Ибо так понимаем и слова: *Отче, если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу*, но да превозможет воля Твоя (Мф 26, 39); да и невероятно, чтоб Христос не знал, что возможно и что нет, и чтоб стал противопоставлять одну волю другой. Но поскольку это речь Воспринявшего (что значит слово: «снисшедший»), а не воспринятого, то дадим следующий ответ: это говорится не потому, что собственная воля Сына действительно есть отличная от воли Отца, но потому, что нет такой воли, и смысл, заключающийся в словах, таков: «Да не творю волю Мою, потому что у Меня нет воли, отдельной от Твоей воли, но есть только воля общая и Мне, и Тебе. Как Божество у Нас одно, так и воля одна». Ибо много таких выражений, в которых говорится вообще, и не утвердительно, но отрицательно. Например: *ибо не мерою дает Бог Духа* (Ин 3, 34), между тем как ни Бог не дает, ни Дух неизмеряем, потому что Бог не измеряется Богом. И еще: *не за грех мой, не за преступление мое* (Пс 58, 4), тогда как речь не о действительном грехе, но о таком, которого нет. Также: *не ради правд наших, яже сотворихом* (Дан 9, 18), то есть потому, что мы не сотворили правды. То же самое открывается и из

последующего. Ибо что называется волею Отца? — *Что всякий верующий в Сына спасен будет и сподобится последнего воскресения* (Ин 6, 40). Ужели же на это есть воля Отца, а воли Сына нет? Или и то не по воле Сына, что о Нем благовествуют или в Него веруют? Но кто этому поверит? Иначе такую же имеет силу и то, что слово, слышимое от Сына, не есть слово Сына, но Отца (Ин 14, 24). Но с какой стороны ни смотрю, не могу найти, а думаю, не найдет и другой кто, каким бы образом общее было собственностью кого-либо одного. Если так будешь рассуждать о воле, то рассуждение твое будет правильно и весьма благочестиво, в чем я уверяю и что подтвердит всякий благомыслящий.

В-восьмых, представляют они изречения: *да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного тобою Иисуса Христа* (Ин 17, 3); *и: никто не благ, как только один Бог* (Лк 18, 19). Но мне кажется, что весьма легко дать на это ответ. Ибо если слова: *единого истинного* приложить к Отцу, то какое дашь место самосущей Истине? А если таким же образом понимать будешь слова: *единому премудрому Богу* (1 Тим 1, 17), *единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете* (1 Тим 6, 16); *царю веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу* (1 Тим 1, 17); то погибнет у тебя Сын, осужденный на смерть, или

на тьму, или на то, чтоб не быть ни премудрым, ни царем, ни невидимым, ни, что главнее всего, вовсе Богом. А вместе с прочим, как ни утратить Ему и благодати, которая преимущественно принадлежит единому Богу? Но думаю, что слова *единого истинного Бога* сказаны для отличия от богов несуществующих, но [лишь] именуемых богами. Ибо не было бы присовокуплено: *и посланного тобою Иисуса Христа*, если бы выражение *истинного Бога* противопоставлялось Христу, а не вообще шла речь о Божестве. Слова же *никто не благ* заключают в себе ответ вопрошающему законнику, который признавал благодать во Христе, как в человеке. Он говорит, что добро в высочайшей степени принадлежит единому Богу, хотя и человек называется добрым, например: *добрый человек из доброго сокровища выносит доброе* (Мф 12, 35) и: *дам царство лучшему тебя* (1 Цар 15, 28), говорит Бог Саулу, имея в виду Давида. Также: *Благотвори, Господи, добрым* (Пс 124, 4). Сюда же относятся места, где похвалены те из нас, до которых достигли потоки первого Блага, хотя и не непосредственно. Итак, если я убедил тебя, то хорошо, а если нет, что скажешь, по своим предположениям, в ответ утверждающим, что в других местах Писания Сын называется единым Богом! А где именно? — в следующих словах: *Сей есть Бог твой, и никто другой*

не сравнится с Ним, и вскоре потом: после Он явился на земле и обращался между людьми (Вар 3, 36, 38). Что это сказано не об Отце, а о Сыне, это доказывает последнее добавление. Ибо Сын общался с нами телесно и пребывал с дольными. Если же одержит верх та мысль, что это сказано не против мнимых богов, а против Отца, то в рассуждении Отца будем побеждены тем самым, что старались противопоставить Сыну. Но что может быть бедственнее и вреднее того, как уступить над собой такую победу?

В-девятых, указывают следующее выражение: *будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать о нас* (Евр 7, 25). Что ж? И весьма таинственно и весьма человеколюбиво! Ибо ходатайствовать значит здесь не отмщения искать, по обычаю многих ходатаев (что было бы некоторым образом унизительно), но молить за нас, в качестве посредника, как и о Духе говорится, что Он ходатайствует о нас (Рим 8, 26), ибо *един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус* (1 Тим 2, 5). Ибо Он, как человек (потому что еще с телом, какое воспринял) и ныне молится о моем спасении, пока не сделает меня богом силой Своего человечества, хотя мы не знаем Его *по плоти* (2 Кор 5, 16) — понимаю под этим плотские немощи и все наше, кроме греха. Так и *ходатая имеем Иисуса* (1 Ин 2, 1) не в том смысле, что

Он унижается за нас перед Отцом и рабски припадает (да будет далека от нас такая подлинно рабская и недостойная Духа мысль! Несвойственно и Отцу этого требовать, и Сыну терпеть это, да и несправедливо думать так о Боге), но в том, что, пострадав за нас как человек, убеждает этим нас к терпению как Слово и Советник. Это понимаю я под именем ходатайства¹.

В-десятых, ставится у них неведение, и то, что никто не знает последнего дня или часа, ни сам Сын, только Отец (Мк 13, 32). Но как чего-либо из сущих не знать Премудрости, Творцу веков, Совершителю и Обновителю, Тому, Кто есть конец всего сотворенного, и так же знает Божие, как дух человека знает, что в нем (1 Кор 2, 11)? Ибо что совершеннее такого знания? Да и как Сыну, Который подробно знает, что будет перед последним часом и как бы во время конца, не знать самого конца? Это походило бы на загадку и равнялось тому, как если бы сказать о ком, что он подробно знает находящееся перед стеной, но не знает самой стены или хорошо знает конец дня, но не знает начала ночи, хотя знание об одном необходимо влечет за собой знание о другом. Ибо для всякого явно, что Сын знает как Бог, приписывает

¹ В греческом — *παράκλησις*, то есть: *увещание, просьба о помощи*.

же Себе незнание как человек, поскольку только видимое может быть отделяемо от умопредставляемого. Такую мысль подает и то, что наименование Сына поставлено здесь отрешенно и безотносительно, то есть без присовокупления, чей Он Сын, чтоб понимали мы это неведение в смысле более сообразном с благочестием и приписывали его человечеству, а не Божеству. Итак, если достаточно этого объяснения, остановимся на нем и не будем входить в дальнейшие исследования, а если нет, представим и второе толкование. Как все прочее, так и ведение важнейших тайн относим к Причине из уважения к Родителю. Но мне кажется, что и тот составил себе не низкое понятие, кто, с одним из наших любословов, стал бы читать это место так: и Сын не по иному чему знает день или час, как потому, что знает Отец. Ибо какое из этого заключение? Поскольку знает Отец, а поэтому знает и Сын, то явно, что ни для кого это не известно и не постижимо, кроме первой Причины.

Оставалось бы объяснить нам те места, в которых говорится, что Сыну заповедано (Ин 14, 31), что Им соблюдены заповеди (Ин 15, 10), что Сын всегда делает что Отцу угодно (Ин 8, 28), также те, в которых приписывается Сыну совершенствование (Евр 5, 9), вознесение (Деян 2, 33), через страдания приобретение навыка к послушанию (Евр 5, 8),

первосвященство (Евр 9, 4), *приношение* (Еф 5, 2), *моление к Могущему спасти Его от смерти* (Евр 6, 7), *борение, кровавый пот* (Лк 22, 44), *молитва* и другое тому подобное; оставалось бы, говоря, объяснить такие места, если бы не было очевидно для всякого, что выражения эти относятся к естеству, которое подлежит страданиям, а не к естеству, которое неизменяемо и выше страдания. И как о противоположных выражениях сказано столько, что может это служить некоторым корнем и указанием для имеющих более искусства обработать предмет совершеннее; так, может быть, стоит труда и сообразно со сказанным до сих пор не оставить без рассмотрения наименования Сына (которые и многочисленны и взяты от различных умопредставлений о Сыне), но объяснить значение каждого и открыть тайну имен. Начать же это должно со следующего.

Божество неименуемо. Не один разум показывает это, но, насколько можно догадываться, мудрейшие и древнейшие из евреев. Ибо те, которые почтили Божество особенными начертаниями и не потерпели, чтоб теми же буквами были писаны и имя Божие, и имена тварей, которые ниже Бога, дабы Божество даже и в этом с ними было не сообщимо, могли ли когда решиться рассеивающимся голосом произнести имя естества неразрушаемого и единственного?

Как никто и никогда не вдыхал в себя всего воздуха, так ни ум не вмещал совершенно, ни голос не обнимал Божией сущности. Напротив, к изображению Бога заимствуя некоторые черты из того, что окрест Бога, составляем мы какое-то неясное и слабое, по частям собранное из того и другого представление, и лучший у нас Богослов не тот, кто все нашел (эти узы¹ не вместят в себя всего!), но тот, чье представление обширнее и кто образовал в себе более полное подобие или оттенок (или как бы ни назвать это) истины. Поэтому, насколько для нас доступно познание, наименования Суций и Бог являются некоторым образом наименованиями сущности, особенно же таково имя Суций, не потому только, что Вещавший Моисею на горе, когда вопрошен был об имени, как именовать Его, Сам нарек Себе это имя и повелел сказать народу: Суций послал меня (Исх 3, 14), но и потому, что наименование это находим наиболее свойственным Богу. Ибо имя *Бог* (Θεός), которое искусные в корнесловии производят от *бежать* (θεέν) или *жечь* (αἵθειν), по причине приснодвижимости и силы истреблять худое (почему Бог именуется и огнем истребляющим (Втор 4, 24)), есть имя относительное, а не отрешенное, подобно как и имя *Господь*,

¹ То есть тело человеческое.

которое также принадлежит к наименованиям Божиим. Ибо сказано: Я Господь, это — Мое имя (Ис 42, 8); также: Господь имя Ему (Ам 4, 13). Но мы ищем имя, которым бы выражалось естество Божие, или самобытность, и бытие, ни с чем другим не связанное. А имя *Сущий* действительно принадлежит собственно Богу и всецело Ему одному, а не кому-либо прежде и после Него, потому что и не было и не будет чем-либо ограничено или пресечено. Что касается других имен Божиих, то некоторые очевидным образом означают власть, а другие домостроительство, и последнее — частью до воплощения, частью после воплощения. Например, Вседержитель и Царь или славы (Ис 23, 10), или веков (1 Тим 1, 17), или сил, или возлюбленного (Пс 67, 13), или царствующих (1 Тим 6, 15) и Господь Саваоф, или, что то же Господь воинств¹ (Ис 3, 15), или сил (Ам 6, 8), или господствующих (1 Тим 6, 15) — явным образом суть имена власти. А Бог еже спасати (Пс 67, 21), Бог отмщений (Пс 93, 1), или мира (Рим 10, 20), или правды (Пс 4, 2), Бог Авраама, Исаака, Иакова (Исх 3, 6) и всего духовного Израиля, который видит Бога, — суть имена домостроительства. Поскольку нами

¹ У пророка Исаии (Ис 3, 15) в славянском переводе читается: *говорит Господь Саваоф*, а по некоторым греческим изданиями читается: *φησὶ Κύριος, Κύριος στρατιῶν*, то есть: *говорит Господь, Господь воинств*.

управлять можно посредством страха наказаний, надежды спасения, а также славы и через упражнение в добродетелях, то отсюда заимствованы предыдущие имена, и имя Бога отмщений назидает в нас страх, имя Бога спасений — надежду, и имя Бога добродетелей — подвижничество, чтоб преуспевающий в чем-либо из сказанного, как бы нося в себе Бога, тем более спешил к совершенству и сближению с Богом посредством добродетелей. Сверх того, имена эти суть общие наименования Божества; собственное же имя Безначального есть Отец, безначально Рожденного — Сын и нерожденно Исшедшего или Исходящего — Дух Святой.

Но перейдем к именованиям Сына, о которых и предположено говорить в слове. Мне кажется, что Он именуется:

Сыном, потому что он тождествен с Отцом по сущности, и не только тождествен, но и от Отца.

Единородным (Ин 1, 18), потому что Он не только Единый из Единого и единственно Единый, но и единственным образом, а не как тела.

Словом (Ин 1, 1), потому что Он так относится к Отцу, как слово к уму, не только по бесстрастному рождению, но и по соединению с Отцом и потому, что изъясляет Его. А иной сказал бы, может быть, что относится к Отцу, как определение к определяемому, потому что и определение

называется словом. Ибо сказано, что познавший (таково значение слова *видевший*, Ин. 14, 9) Сына познал Отца, и Сын есть сокращенное и удобное выражение Отчего естества, так как и всякое порождение есть безмолвное слово родившего. Но не погрешит в слове, кто скажет, что Сын именуется Словом, как соприсущий всему существу. Ибо что стоит не Словом?

Премудростью (1 Кор 1, 25), как ведение Божественных и человеческих дел. Ибо Сотворившему возможно ли не знать законов сотворенного им?

Силой (1 Кор 1, 25), как Охранитель тварей и Податель сил к продолжению бытия.

Истиной (Ин 14, 6), как единое, а не множественное, по естеству (ибо истинное единственно, а ложь многообразна), как чистая печать и нежливейший образ Отца.

Образом (2 Кор 4, 4), как Единосущный, и потому что Он от Отца, а не Отец от Него, ибо сама природа образа состоит в том, чтоб быть подражанием первообразу и тому, чьим называется он образом. Впрочем, здесь более обыкновенного образа. Ибо там и недвижимое бывает образом движимого, а здесь живого Бога — живой Образ, более имеющий с Ним сходства, нежели Сиф с Адамом и всякое порождение — с родившим. Ибо такова природа существ простых, что

они не могут в одном быть сходными, а в другом — нет, напротив, целое бывает изображением целого, и притом более похожим, нежели слепок.

Светом (Ин 8, 12), как светлость душ, очищенных в уме и жизни. Ибо если неведение и грех — тьма, то ведение и жизнь Божественная — свет.

Жизнью (Ин 14, 6), потому что Он свет, опора и осуществление всякой разумной природы. *Ибо мы Им живем и движемся и существуем* (Деян 17, 28), по двоякой силе одухотворения — и по дыханию жизни, которое вдохнул Он во всех, и по Духу Святому, Которого дает вмещающим и по мере того, как отверзаем уста разумения.

Правдой (1 Кор 1, 30), потому что разделяет по достоинству, правдиво судит и тех, которые под законом, и тех, которые под благодатью, и душу и тело, чтоб одна начальствовала, а другое состояло под начальством, чтоб лучшее владычествовало над худшим, а худшее не восставало против лучшего.

Освящением (1 Кор 1, 30), как чистота, чтобы Чистое вмещается чистотой.

Искуплением (1 Кор 1, 30), как освобождающий нас, содержимых под грехом, как давший Себя за нас в искупление, в очистительную жертву за Вселенную.

Воскресением (Ин 11, 25), как переселяющий нас отсюда и умерщвленных грехом вводящий в жизнь.

Эти имена принадлежат еще вообще и Сущему выше нас и Сущему ради нас, собственно же нам свойственные и принадлежащие воспринятому им человечеству суть следующие:

Человек (1 Тим 2, 5), чтоб Невместимый иначе для телесного, по причине необъемлемости естества, не только сделался вместиимым через тело, но и освятил Собой человека, сделавшись как бы закваской для целого смешения, всего человека освободил от осуждения, соединив с Собой осужденное, став за всех всем, что составляет нас, кроме греха, — телом, душою, умом, — всем, во что проникла смерть. А общее из всего этого есть человек, по умосозерцаемому видимый Бог.

Сын Человеческий (Ин 3, 18) и через Адама, и через Деву, от которых родился (от одного как от Праотца, от другой как от Матери) и по закону и сверх законов рождения.

Христос, по Божеству, ибо само помазание освящает человечество не действием своим, как в других помазанниках, но всецелым присутствием Помазующего. И следствием этого помазания то, что Помазующий именуется человеком, а помазуемое делается Богом.

Путь (Ин 14, 6), как через Себя ведущий нас.

Дверь (Ин 10, 9), как вводитель.

Пастырь (Ин 10, 11), как вселяющий на пажити злачные, воспитывающий на воде тихой (Пс 22, 2), путеводствующий отсюда, защищающий от зверей, обращающий заблудшего, отыскивающий погибшего, обвязывающий сокрушившегося, оберегающий крепкого (Иез 34, 4) и вещаниями пастырского искусства собирающий в тамошнюю ограду.

Овца (Ис 53, 7), как заклание.

Агнец (1 Пет 1, 19), как совершенный.

Архидиакон (Евр 4, 14), как дарующий нам доступ.

Мелхиседек (Евр 7, 3), как рожденный без матери по естеству высшему нашего и без отца — по естеству нашему, как не имеющий родословия по горнему рождению, ибо сказано: *род Его кто изъяснит?* (Ис 53, 8); как царь Салима, то есть мира, как царь правды и как приемлющий десятину от патриархов, которые мужественно подвизались против лукавых сил.

Имеешь перед собой наименования Сына. Шествуй по ним; и если они высоки, то шествуй — божественно, а если телесны, то — подобострастно, лучше же сказать, — совершенно божественно, чтоб и тебе стать богом, восшедшим от земли через Снисшедшего ради нас свыше. А более всего и прежде всего наблюдай сказанное, и не

погресишь в высоких и низких наименованиях.
Иисус Христос вчера и сегодня телесно, Тот же
духовно и во веки (Евр 13, 8) веков. Аминь.

СЛОВО 31

О богословии пятое, о Святом Духе

Таково слово о Сыне и так избежало побивающих камнями, *пройде посреди них* (Ин 8, 59), потому что слово не побивается камнями, но само, когда хочет, и камнями, и пращою поражает зверей, то есть учения, со злым умыслом приступающие к горе! Теперь спрашивают: «Что ж скажешь о Святом Духе? Откуда вводишь к нам чуждого и незнаемого по Писанию Бога?» И это говорят даже те, которые умеренно рассуждают о Сыне! Ибо что видим в дорогах и реках, которые и отделяются одна от другой, и вместе сходятся, это из-за переизбытка нечестия бывает и здесь: расходящиеся в одном соглашаются в другом, отчего невозможно доподлинно узнать, что приемлется ими и что оспаривается.

Правда, что слово о Духе не без затруднений, не только потому, что противники, обессиленные словами о Сыне, еще с большим жаром борются против Духа (а им непременно надобно в чем-нибудь кощунствовать, иначе и жизнь для них

не жизнь), но и потому, что мы сами, подавленные множеством вопросов, находимся в таком же положении, в каком бывают люди, которые теряют охоту к пище, так скоро одна снедь возбудила в них к себе отвращение. Как для них равно неприятна всякая пища, так и для нас всякое слово. Впрочем, подаст Дух, и слово потечет, и Бог прославится. Но тщательно разыскивать и разбирать, в скольких значениях берутся и употребляются в Божественном Писании слова *Дух* и *Святой*, собирать свидетельства в пользу умозрения и доказывать, что кроме этого в особенном смысле берется выражение, составленное из обоих моих слов, именно *Дух Святой*, — предоставляю другим, которые любомудрствовали об этом и для себя, и для нас, так как и мы любомудествуем об этом для них. А сам обращаюсь к продолжению слова.

Те, которые негодуют на нас за Духа Святого, будто бы вводим какого-то чуждого и неподлинного Бога, и которые крепко стоят за букву, пусть знают, что они убоялись страха, где нет страха (Пс 13, 5), и пусть ясно поймут, что их привязанность к букве есть только прикрытие нечестия, как вскоре окажется, когда по мере сил опровергнем их возражения. А мы так смело верим Божеству Духа, Которому и поклоняемся, что, относя к Троице одни и те же изречения (хотя это и кажется для иных несколько дерзновенным),

начнем богословие так: *Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир* (Ин 1, 9), то есть Отец. *Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир*, то есть Сын. *Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир*, то есть другой Утешитель. *Был, и был, и был, но был едино. Свет, и Свет, и Свет, но единый Свет, единый Бог.* То же самое еще прежде представил и Давид, сказав: *во свете Твоем мы видим свет* (Пс 35, 10). И мы ныне увидели и проповедуем краткое, ни в чем не излишествующее богословие Троицы, от Света — Отца приняв Свет — Сына во Свете — Духе. *Грабитель пусть грабит, опустошитель пусть опустошает* (Ис 21, 2), но мы что поняли, то и проповедуем. Если не услышат нас внизу, взойдем на высокую гору и оттуда будем вопиять. Превознесем Дух, не убоимся. А если убоимся, то — безмолвствовать, а не проповедовать. Если было, когда не был Отец, то было, когда не был Сын. Если было, когда не был Сын, то было, когда не был Дух Святой. Если Один был от начала, то были Три. Если низлагаешь одного, то смею сказать и говорю: не утверждай, что превозносишь Двоих. Ибо что пользы в несовершенном Божестве? Лучше же сказать, что за Божество, если Оно несовершенно? А как может быть совершенным,

если недостает чего-либо к совершенству? Но недостает чего-то Божеству, не имеющему святого. И как иметь это не имея Духа? Ежели есть другая какая святость, кроме Духа, то пусть скажут, что под нею понимать должно. А если эта самая, то можно ли не быть ей от начала? Разве лучше для Бога быть никогда несовершенным и без Духа? Если Дух не от начала, то Он ставится наряду со мной или немного выше меня; потому что временем отделяемся мы от Бога. Если ставится в один ряд со мной, то как Он меня делает богом или как соединяет с Божеством?

Но лучше полюбомудрствую с тобой о Духе, начав несколько выше, ибо о Троице мы уже рассуждали. Саддукеи не признавали даже и бытия Духа (так как не признавали ни Ангелов, ни воскресения); не знаю, почему презрели они столь многие свидетельства о Духе в Ветхом Завете. Лучшие же и наиболее близкие к нам эллинские богословы имели представление о Духе, как мне это кажется, но не соглашались в наименовании и называли Его Умом мира, Умом внешним и подобно тому. Что же касается мудрецов нашего времени, то одни почитали Его энергией, другие творением, иные Богом, а иные не решались сказать о Нем ни того, ни другого из уважения, как говорят они, к Писанию, которое будто бы ничего не выразило об этом ясно; почему

они не почитают и не лишают чести Духа, оставаясь к Нему в каком-то среднем, вернее же сказать, весьма жалком расположении. Даже из признавших Его Богом одни благочестивы только в сердце, а другие осмеливаются чтить [Его] и устами. Но слышал я о других еще более мудрых измерителях Божества, которые, хотя согласно с нами исповедуют Трех умосозерцаемых, однако же настолько разделяют их между собой, что Одного полагают беспредельным и по сущности и по силе, Другого — беспредельным по силе, но не по сущности, а Третьего — ограниченным в том и другом, подражая, в ином только виде, тем, которые именуют их Создателем, Сотрудником и Служителем, из порядка имен и благодати заключая о постепенности именуемых. Ни слова не скажем как не допускающим даже бытия Духа, так и эллинским пустословам, чтобы не умащать слова елеем грешных, а с прочими побеседуем следующим образом.

Необходимо должно предположить, что Дух Святой есть что-нибудь или самостоятельное, или в другом представляемое; а первое сводящее в этом называют *сущностью*, последнее же — *принадлежностью*. Посему, если Дух есть принадлежность, то Он будет энергией Божией. Ибо чем назвать Его тогда, кроме энергии, и чьей энергией, кроме как Божией? Такое же

положение и приличнее и не вводит сложности. И если Он энергия, то, без сомнения, будет производимым, а не производящим, и вместе с производством прекратится. Ибо такова всякая энергия. Но как же Дух и *действует* (1 Кор 12, 11), и говорит (Мф 10, 20), и отделяет (Деян 13, 2), и оскорбляется (Еф 4, 30), и бывает *разгневан* (Ис 63, 10), и производит все то, что свойственно движущему, а не движению? Если же Дух есть сущность, а не принадлежность сущности, то надобно будет предположить, что Он или творение, или Бог, ибо среднего чего-либо между творением и Богом — или непричастного ни тому ни другому, или составленного из того и другого — не выдумают и те, которые созидают Трагелафов¹. Но если творение, то как же в Него веруем? Как в Нем совершаемся? Ибо не одно и то же значит веровать во что-то и верить чему-либо. Веруем мы в Божество, а верим всякой вещи. Но если Бог, а не творение, то Он уже не произведение, не сослужебное и вовсе не что-либо из носящих низкие имена.

Теперь за тобой слово, пусть мечут твои пращи; пусть сплетаются твои умозаключения! «Дух, без сомнения, есть или нерожденное, или рожденное. И если нерожденное, то [значит существует] два

¹ В греческом — *ὁ τραγέλαφος* — буквально: козлоолень (от *ὁ τράγος* — козел, и *ὁ ἔλαφος* — олень). Мифическое существо.

безначальных. А если рожденное, то (опять подразделяешь) рожден или от Отца, или от Сына. И если от Отца, то два Сына и Брата (придумай, если хочешь, что они или близнецы, или один старше, а другой моложе, ибо ты крайне плотолубив!). А если от Сына, то [скажешь] явился у нас Бог-внук? Но может ли что быть страннее этого?» Так рассуждают те, которые *умны на зло* (Иер 4, 25), а доброго написать не хотят. Но я, находя деление необходимым, принял бы именуемых, не убоившись имен. Ибо когда Сын есть Сын в некотором высшем отношении и, кроме этого имени, никаким другим не можем означить того, что от Бога единосущно с Богом, то не должно думать, что уже необходимо переносить на Божество и все дольные наименования даже нашего родства, или, может быть, ты предположишь и Бога-мужа на том основании, что Бог именуется и Отцом, и Божественность, по силе самого наименования, признаешь чем-то женским. Духа же — ни мужем, ни женой, потому что не рождает. А если еще дашь волю своему воображению и скажешь по старым бредням и басням, что Бог родил Сына от хотения Своего, то вот уже у нас введен Бог — вместе муж и жена, как у Маркиона и Валентина, выдуманного новые Эоны. Но поскольку мы не принимаем первого твоего деления, по которому не допускается ничего среднего между нерожденным

и рожденным, то твои братья и внуки тотчас исчезают вместе с этим пресловутым делением и, подобно многосложному узлу, у которого распущена первая петля, сами собой распадаются и удаляются из богословия. Ибо скажи мне, где поместить Исходящее, Которое в твоём делении оказывается средним членом и введено лучшим Богословом — нашим Спасителем, если только следуя третьему своему завету, не исключил уже ты из Евангелия и этого выражения: *Дух Святой, Который от Отца исходит* (Ин 15, 26)? Поскольку Он от Отца исходит, то не тварь. Поскольку не есть рожденное, то не Сын. Поскольку есть среднее между Нерожденным и Рожденным, то Бог. Так, избежав сетей твоих умозаключений, оказывается Он Богом, Который сильнее твоих делений!

«Поэтому что же есть исхождение?» Объясни ты мне нерожденность Отца, тогда и я отважусь естествословить о рождении Сына и об исхождении Духа, тогда, проникнув в тайны Божии, оба мы придем в изумление, — мы, которые не могут видеть у себя под ногами и *исчислить песок морей и капли дождя и дни вечности* (Сир 1, 2), не то что вдаваться в глубины Божии и судить о естестве столь невысказанном и неизъяснимом.

Ты говоришь: «Чего же недостает Духу, чтоб быть Сыном? Ибо если бы ни в чем не было недостатка, то он был бы Сыном». — Мы не говорим,

чтоб чего-нибудь не доставало. Ибо в Боге нет недостатка. Но разность (скажу так) проявления или взаимного соотношения производит разность и их наименований. Ибо и Сыну ничего не недостает, чтоб быть Отцом (так как Сыновство не есть недостаток), но он не есть еще поэтому Отец. В противном случае и Отцу недостает чего-то, чтоб быть Сыном, потому что Отец — не Сын. Но это не означает недостатка (откуда быть ему?) и убавления в сущности. Это самое — быть нерожденным, рождаться и исходить дает наименования, первое — Отцу, второе — Сыну, третье — Святому Духу, о Котором у нас слово, так что неслитность трех Ипостасей соблюдается в едином естестве и достоинстве Божества. Сын не Отец, потому что Отец один, но то же, что Отец. Дух не Сын, хотя и от Бога, потому что Единородный один, но то же, что Сын. И Три — едино по Божеству, и Единое — три по личным свойствам, так что нет ни единого — в смысле Савеллиевом, ни трех — в смысле нынешнего лукавого разделения.

«Итак, что же? Дух есть Бог?» — Без сомнения. «И единосущен?» — Да, потому что Бог. «Укажи же мне, — продолжаешь ты, — чтоб от одного и того же один был сын, а другой не сын, и притом оба были единосущны, тогда и я допущу Бога и Бога». — Укажи же и ты мнимого Бога и иное

Божие естество, и тогда представлю тебе саму Троицу с теми же именами и именуемыми. А если Бог один, и высочайшее Естество одно, — то откуда возьму для тебя подобие? Или станешь опять искать его в вещах дольних и окружающих тебя? Хотя крайне стыдно, и не только стыдно, но большей частью бесполезно, подобие горнего брать в дольном, неподвижного — в естестве текучем, и, как говорит Исаия, *спрашивать мертвых о живых* (Ис 8, 19), однако же попытаюсь угодить тебе и отсюда извлечь нечто в помощь слову. Но об ином думаю умолчать; хотя из истории животных можно представить много (частью нам, частью немногим) известного о том, как искусно устроила природа рождения животных, ибо говорят, что не только от однородных рождаются тождеродные, а от разнородных инородные, но и от разнородных тождеродные, а от однородных инородные. А если кто верит легенде, то есть и иной образ рождения, именно: животное само себя истребляет и само из себя рождается. Но есть и такие животные, которые по щедрости природы перерождаются, из одного рода превращаясь и превращаясь в другой.

Даже от одного и того же иное есть не порождение, а другое порождение, впрочем то и другое единосущно, что некоторым образом ближе подходит к настоящему предмету. Но я, представив

один пример, собственно нас касающийся и всем известный, перейду к другому рассуждению. Что был Адам? — Творение Божие. А Ева? — Часть этого творения. А Сиф? — Порождение обоих. Итак, не замечаешь ли, что творение, часть и порождение тождественны? — Как не видеть? — И единосущны они или нет? — Почему же не так? — Итак, признано, что и различно произошедшие могут быть одной сущности. Говорю же это не с тем, чтоб творение, или отделение, или иное что-нибудь телесное перенести и на Божество (да не нападает на меня еще какой-нибудь словоборец!), а чтоб все это служило как бы образом умо-созерцаемого. Но невозможно, чтоб взятое для сравнения во всем совершенно соответствовало истине. «И к чему это?» — спрашиваешь. — «Не одного лица было одно порождением, а другое чем-то иным». Что ж из этого? Разве Ева и Сиф не от одного Адама? — От кого же иного? — Или оба они порождение Адама? — Несомненно. — А что же такое? — Ева — часть, а Сиф — порождение. — Однако же оба они тождественны между собой, потому что оба люди, в чем никто не будет спорить. Итак, перестанешь ли препираться против Духа и утверждать, что Он непременно или порождение, или не единосущен и не Бог, хотя и в сродном человеку открываем возможность вашего мнения? И ты, думаю, одобрил бы его, если

бы не обучился слишком упорствовать и спорить против очевидности.

Но ты говоришь: «Кто поклонялся Духу? Кто из древних или из новых? Кто молился Ему? Где написано, что должно Ему поклоняться и молиться? Откуда ты взял это?» — Удовлетворительнейшую на это причину представлю тебе впоследствии, когда буду рассуждать о неписаном. А теперь достаточно будет сказать одно то, что в Духе мы поклоняемся и через Него молимся. Ибо сказано: *Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине* (Ин 4, 24). И еще: *ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными* (Рим 8, 26). И еще: *стану молиться Духом, стану молиться и умом* (1 Кор 14, 15), то есть во уме и в Духе. Итак, поклонение, или моление Духом, по моему мнению, означает не иное что, а то, что Дух Сам Себе приносит молитву и поклонение. Неужели не одобрит этого кто-нибудь из мужей богодухновенных, хорошо знающих, что поклонение Единому есть поклонение Трем, по равночестности в Трех достоинства и Божества.

Меня не устрасит и то, что, по сказанному, все получило бытие через Сына (Ин 1, 3), как будто под словом *все* заключается и Дух Святой. Ибо не просто сказано: *все*, но: *все, что начало быть*.

Не Сыном Отец, не Сыном и все то, что не имело начала бытия. Поэтому докажи, что Дух имел начало бытия, и потом отдавай Его Сыну и сопричисляй к тварям. А пока не докажешь этого, всеобъемлемостью слова нимало не поможешь нечестию. Ибо если Дух имел начало бытия, то, без сомнения, Христом, я сам не буду отрицать этого. А если не имел, то почему заключаться Ему под словом *все* или быть через Христа? Итак, перестань и худо чествовать Отца, восставая против Единородного (ибо худое то чествование, когда лишаешь Его Сына и вместо Сына даешь превосходнейшую тварь), и худо чествовать Сына, восставая против Духа. Сын не создатель Духа, как чего-то Ему сослужебного, но прославляется с Ним как с равночестным. Не ставь наряду с собой ни Единого из Троицы, чтоб не отпасть тебе от Троицы, и ни у Единого не отнимай Божеского естества и равной достопоклоняемости, чтоб с отнятием Единого из Трех не было отнято все, лучше же сказать, чтоб тебе не отпасть от всего. Лучше иметь недостаточное понятие о единстве, нежели со всей дерзостью предаваться нечестию.

Теперь касается слово мое самого главного. И хотя скорблю, что ныне возобновляется вопрос, давно уже умерший и уступивший место вере, однако же на нас, которые имеют Слово и стоят за

Духа, лежит необходимость противостать привязчивым охотникам до споров и не отдаваться беззащитно в плен. Они говорят: «Если Бог, Бог и Бог; то как же не три Бога? И Прославляемое тобой не есть ли многоначалие?» — Кто ж говорит это? Те ли, которые достигли совершенства в нечестии, или и те, которые занимают второе место, то есть те, которые благомысленнее других рассуждают о Сыне? Хотя есть у меня общее слово к тем и другим; однако же есть и особенное к последним, именно же следующее. Что скажете нам, троебожникам, вы, которые чтите Сына, хотя и отступились от Духа, разве и вы не двоебожники? Если отречетесь и от поклонения Единородному, то явно станете на стороне противников. И тогда нужно ли будет оказывать вам человеколюбие, как будто не совершенно еще умершим? А если вы чтите Сына и в этом отношении еще здравы, то спросим вас, чем защитите свое двоебожие, если бы кто стал обвинять вас? Ежели есть у вас слово смышленное, отвечайте, укажите и нам путь к ответу. Тех же доводов, какими отразите вы от себя обвинение в двоебожии, достаточно будет и для нас против обвинения в троебожии. А таким образом одержим мы верх, употребив вас — обвинителей в защитники себе. Что же благороднее этого? Какой же у нас общий ответ, какое общее слово тем и другим?

У нас один Бог, потому что Божество одно. И к Единому возводятся сущие от Бога, хотя и веруется в Трех, потому что как Один не больше, так и Другой не меньше есть Бог, и Один не прежде, и Другой не после: Они и в воле не рассекаются¹, и по силе не делятся, и все то не имеет места, что только бывает в вещах делимых. Напротив, если выразиться короче, Божество в Разделенных неделимо, как в трех солнцах, которые заключены одно в другом, одно растворение света. Поэтому когда имеем в мысли Божество, первопричину и единоначалие, тогда представляемое нами — одно. А когда имеем в мысли Тех, в Которых Божество, Сущих от первой Причины, и Сущих от Нее довременно и равночестно, тогда Поклоняемых — три.

Скажут: «Что ж? Не одно ли Божество и у эллинов, как учат те из них, которые совершеннее других любомудрствовали? И у нас целый род — одно человечество. Однако же у язычников богов, как и у нас людей, много, а не один». — Но там, хотя общность и имеет единство, представляемое, впрочем, мысленно, однако же неделимых много, и они разделены между собой временем, страстями и силой. Ибо мы не только сложны, но и противоположны как друг другу, так и сами себе; не говоря уже о целой жизни, даже и одного

¹ То есть Лица Святой Троицы имеют единую волю.

дня не бываем совершенно теми же, но непрестанно течем и изменяемся и по телу, и по душе. А не знаю, едва ли не таковы же Ангелы и всякое, кроме Троицы, горнее естество, хотя они просты и по близости своей к верховному Благу крепко утверждены в добре. А что касается чтимых элинами богов и, как сами называют, демонов, то нам нет нужды быть их обвинителями; напротив, по обличению собственных их богословов, они преданы страстям, мятежам, преисполнены злом и превратностями, состоят в противоборстве не только сами с собой, но и с первыми причинами, как называют они Океанов, Тефиев, Фанетов и еще не знаю кого, а напоследок какого-то детоненавистника — бога, который из властолюбия и ненасытности пожирает всех прочих, чтоб стать отцом всех людей и богов, несчастно поглощенных и изbleванных. — Если же, как сами они говорят во избежание срамословия, все это басни и некие иносказания, что скажут в объяснение того, что все у них разделено трехчастно и над каждой частью существ начальствует иной бог, отличный от прочих и веществом, и достоинством? Но не таково наше учение. *Не такова доля Иакова*, говорит мой Богослов (Иер 51, 19). Напротив, каждое из Них¹, по тождеству сущности

¹ Из Лиц Божества.

и силы, имеет такое же единство с Соединенным, как и с Самим Собой. Таково понятие этого единства, насколько мы постигаем его. И если понятие это твердо, то благодарение Богу за умозрение! А если не твердо, поищем более твердого.

А твои доводы, которыми разоряешь наше единство, не знаю как назвать, — шуткой ли или чем дельным? И что у тебя за доказательство? — Говоришь: «Единосущные счисляются, а неединосущные не счисляются (под счислением же разумеешь собрание в одно число), а поэтому неизбежно заключение, что у вас, на этом основании, три Бога, тогда как нам нет этой опасности, потому что не называем единосущными». — Итак, одним словом, избавил ты себя от трудов и одержал худую победу. Поступок твой походит несколько на то, когда иной от страха смерти сам надевает на себя петлю. Чтоб не утрудиться, стоя за единоначалие, отрекся ты от Божества и предал врагам, чего они искали. Но я, хотя бы потребовалось и потрудиться несколько, не предам Достопоклоняемого. А здесь не вижу даже и труда. Ты говоришь: счисляются единосущные, а не имеющие единосущия воображаются единицами. Откуда ты взял это? У каких учителей и сказочников? Разве не знаешь, что всякое число показывает количество предметов, а не природу вещей? А я так прост, или, лучше сказать,

такой неуч, что три вещи, хотя бы они и различные были по природе, в отношении к числу называю тремя. Но одно, одно и одно, хотя они и не сопрягаются по сущности, именую столькими же единицами, взирая не столько на вещи, сколько на количество счисляемых вещей. Поскольку же ты чрезмерно держишься Писания, хотя и противишься Писанию, то вот тебе доказательства и отсюда. В Притчах *трое имеют стройную походку*, лев, козел и петух, *четвертый, царь среди народа своего* (Притч 30, 29–31), не говорю уже о других поименованных там четверочислиях, между тем как пересчитанные вещи различны по природе. И у Моисея нахожу двух херувимов, посчитанных по отдельности (Исх 25, 19). Как же, по твоему правилу об именовании, тех назвать тремя, когда они столь несходны между собой по природе, а последних считать по отдельности, когда они настолько между собой однородны и близки? А если Бога и маммону, которые столь далеки между собой, подводя под одно число, назову двумя господами (Мф 6, 24), то, может быть, ты еще более посмеешься такому счислению. Но ты говоришь: «У меня те предметы называются счисляемыми и имеющими ту же сущность, которых и имена произносятся соответственно, например: три человека и три Бога, а не три какие-нибудь вещи, ибо какая тут ответственность?»

Это значит давать правило об именах, а не учить истине. Поэтому и у меня Петр, Павел и Иоанн и не три и не единосущны, пока не именуются тремя Петрами, тремя Павлами и столькими же Иоаннами. Ибо или, что наблюдал ты в рассуждении имен более родовых, того мы, следуя твоей выдумке, потребуем в рассуждении имен более частных, или, не уступив нам того, что уступлено было самому, поступишь несправедливо. А что же Иоанн? Когда в Соборных посланиях говорит он, что *три свидетельствуют на земле: дух, вода, кровь* (1 Ин 5, 8), ужели, по твоему мнению, выражается нескладно, во-первых, потому что осмелился пересчитывать неединосущные вещи, тогда как это присвоено тобой только единосущным (ибо кто скажет, чтоб поименованные вещи были одной сущности?), а во-вторых, потому, что сочинил слова не соответственно, а напротив, слово *три*¹ поставив в мужском роде, вопреки правилам и уставам, как твоим, так и грамматическим, привел три имени среднего рода?² Но какая в том разность, сказать ли слово *три* в мужском роде и потом представить одно, одно и одно, или, сказав: один,

¹ В греческом: *τρεῖς*.

² В греческом языке слова дух (*τὸ πνεῦμα*), вода (*τὸ ὕδωρ*) и кровь (*τὸ αἷμα*) — среднего рода.

один и один, наименовать их тремя не в мужском, а в среднем роде, — что находишь ты неприличным для Божества? А что твой рак, — рак животное, рак орудие и рак созвездие?¹ Что твой пес, — пес, живущий на суше, пес морской и пес небесный? Не думаешь ли, что их можно назвать тремя раками и псами? — Без сомнения, так. — Ужели же они поэтому и единосущны? Кто из здравомыслящих скажет это? Видишь ли, как рушилось твое доказательство, взятое от исчисления, и рушилось неоднократно опровергнутое? Ибо если и единосущные не всегда счисляются, и неединосущные могут счисляться, а имена произносятся о тех и других, то какие приобретения твоего учения? Но я принимаю в рассмотрение еще следующее, и может быть, не без основания. Одно и одно не слагается ли в два? И два опять не разлагаются ли на одно и одно? — Очевидно, так. — Но если, по твоему началу, слагаемые единосущны, а разделяемые иносущны, то какое из этого заключение? То, что одни и те же предметы и единосущны и иносущны.

Смешны мне также твои первочисленности и нижечисленности, о которых так высоко ты думаешь, как будто в порядке имен заключается

¹ В греческом языке слово *ὁ καρκίνος* может означать: 1) рак, краб; 2) созвездие Рак; 3) щипцы, клещи.

порядок именуемых. Ибо если последнее справедливо, то тогда в Божественном Писании одни и те же, по равночестности естества, считаются то впереди, то впоследствии, мешает ли что одному и тому же, на том же основании, быть и честнее и малочестнее себя самого?

Такое же у меня рассуждение о словах *Бог и Господь*, также о предлогах: *из*, *через* и *в*, по которым ты так ухищренно различаешь Божество, относя первый предлог к Отцу, второй – к Сыну, третий – к Духу Святому. Но что сделал бы ты, если бы каждый из этих предлогов постоянно присваивался одному, когда доказываешь ими такое неравенство в достоинстве и естестве, тогда как, насколько известно упражнявшимся в этом, все они и обо всех употребляются?

И этого довольно для людей не вовсе несознательных. Но поскольку тебе, однажды ринувшись в борьбу против Духа, всего труднее удерживать свое стремление и, как не робкий вепрь, ты хочешь упорствовать до конца и напирать на меч, пока рана не дойдет до внутренности, то посмотрим, что остается еще сказать тебе.

Опять и уже не раз повторяешь ты нам: «Не известен по Писанию». Хотя доказано, что Дух Святой не есть странность и нововведение, но был известен и открыт как древним, так и новым, и доказано уже многими из рассуждавших об

этом предмете, притом людьми, которые занимались Божественным Писанием не слегка и не поверхностно, но сквозь букву проникали во внутреннее, удостоились видеть сокровенную красоту и озарились светом ведения, однако же и я покажу это как бы мимоходом и, насколько можно стараясь не подать мысли, что берусь за лишний труд и щедр более надлежащего, когда могу строить на чужом основании. Если же побуждением к хуле и причиной чрезмерной болтливости и нечестия служит для тебя то, что в Писании Дух не весьма ясно именуется Богом и не так часто упоминается, как сперва Отец, а потом Сын, я излечу тебя от этой болезни, полюбоумудрствовав с тобой несколько об именуемых и именах, особенно соображаясь с употреблением Писания.

Из именуемого — иного нет, но сказано в Писании; другое есть, но не сказано; а иного нет и не сказано, другое же есть и сказано. Потребуешь у меня на это доказательств? — готов представить. По Писанию, Бог спит (Пс 43, 24), пробуждается (Дан 9, 14), гневается (Втор 11, 17), ходит и престолом имеет Херувимов (Ис 37, 16). Но когда Он имел немощи? И слышал ли ты, что Бог есть тело? Здесь представлено то, чего нет. Ибо, соразмеряясь со своим понятием, и Божие назвали мы именами, взятыми с себя самих. Когда Бог, по причинам Ему Самому известным, прекращает Свое

попечение и как бы не заботится о нас, это значит — Он спит, потому что наш сон есть подобная бездейственность и беспечность. Когда, наоборот, вдруг начинает благодетельствовать, значит — Он пробуждается, потому что пробуждение есть прекращение сна, так же как внимательное рассмотрение есть конец отвращения. Он наказывает; а мы сделали из этого — гневается, потому что у нас наказание бывает по гневу. Он действует то здесь, то там; а по-нашему — Он ходит, потому что хождение есть движение от одного к другому. Он почивает и как бы обитает во святых Силах, мы называли это сидением и сидением на Престоле, что также свойственно нам. А Божество ни в чем так не упокоивается, как во святых. Быстродвижность названа у нас летанием, зрение наименовано лицом, даяние и приятие — рукой. А также всякая другая Божия сила и всякое другое Божие действие изображены у нас чем-либо взятым с телесного. И, с другой стороны, откуда взял ты слова: *нерожденное* и *безначальное* — эти твердыни твои; откуда и мы берем слово *бессмертное*? Укажи мне их буквально; иначе или твои отвергнем, а свое изгладим, потому что их нет в Писании, и тогда с уничтожением имен пропал и ты от своих предположений, погибла и эта стена прибежища, на которую ты надеялся; или, очевидно, что, хотя и не сказано этого в Писании, однако же оно

взято из слов, то же в себе заключающих... Из каких же именно? *Я первый и Я последний* (Ис 44, 6), *прежде Меня не было Бога и после Меня не будет* (Ис 43, 10); ибо Мое *есть* всецело, оно не началось и не прекратится. Держась этого, поскольку ничего нет прежде Бога и Он не имеет причины, которая бы Ему предшествовала, назвал ты Его безначальным и нерожденным, а поскольку он не перестанет быть, — бессмертным и негибнущим. Таковы и такого свойства первых два случая. Чего же нет и не сказано? Того, что Бог зол, что шар четырехуголен, что прошедшее настало, что человек не сложен. Ибо знавал ли ты человека, который бы дошел до такого расстройтва в уме, что осмелился бы помыслить или произвести что-нибудь подобное? — Остается показать, что есть и сказано, — Бог, человек, Ангел, суд, суета, то есть подобные твоим умозаклучения, извращение веры, упразднение таинства.

А когда такая разница между именами и именуемыми, для чего ты так много раболепствуешь букве и предаешься иудейской мудрости, гоняясь за слогами и оставляя вещь? Если ты скажешь: дважды пять и дважды семь, а я из сказанного выведу: десять и четырнадцать или если животное разумное и смертное заменю словом *человек*, то неужели подумаешь, что говорю вздор? Да и как это, если говорю твое же? Ибо слова эти

не столько принадлежат мне, который произносит их, сколько тебе, который заставляет произнести. Поэтому, как здесь смотрел я не столько на сказанное, сколько на понимаемое, так не преминул бы выговорить и другое что-нибудь, если бы нашлось хотя не сказанное или неясно сказанное, но подразумеваемое в Писании, и не побоялся бы тебя — охотника спорить об именах. Такой дадим ответ людям наполовину благомыслящим (а тебе нельзя сказать и этого, ибо ты, отрицающий наименования Сына, как они ни ясны, ни многочисленны, конечно, не уважишь наименований Духа, хотя бы указали тебе гораздо яснейшие и многочисленнейшие известных), теперь же, возведя слово несколько выше, объясню и вам, мудрецам, причину всей неясности.

В продолжение веков были два знаменитых преобразования жизни человеческой, называемые двумя Заветами и, по известному изречению Писания, потрясениями земли (Агг 2, 7). Одно вело от идолов к закону, а другое от закона — к Евангелию. Благовествую и о третьем потрясении — о перемещении от здешнего к тамошнему, непоколебимому и незыблемому. Но с обоими Заветами произошло одно и то же. Что именно? Они вводились не вдруг, не по первому приему за дело. Для чего же? Нам нужно было знать, что нас не принуждают, а убеждают. Ибо

что не произвольно, то и непрочно, как поток или растение не надолго удерживаются силой. Добровольное же и прочнее, и надежнее. И первое — это дело употребляющего насилие, а последнее — собственно наше. Первое свойственно насильственной власти, а последнее — Божию правосудию. Поэтому Бог определил, что не для нехотящих должно делать добро, но — благодетельствовать желающим. Потому Он, как детоводитель и врач, иные отеческие обычаи отменяет, а другие дозволяет, попуская иное и для нашего услаждения, как врачи дают больным лекарство, искусно приправленное чем-нибудь приятным, чтоб оно было принято. Ибо нелегко переменить что вошло в обычай и долговременно было уважаемо. Что ж имею в виду? То, что первый Завет, запретив идолов, допустил жертвы, а второй, отменив жертвы, не запретил обрезания. Потом те, которые однажды согласились на отмену, уступили и уступленное, одни — жертвы, другие — обрезание, и стали из язычников иудеями и из иудеев христианами, будучи увлекаемы к Евангелию постепенными изменениями. В этом да убедит тебя Павел, который от обрезания и очищения достиг того, что сказал: *За что гонят меня, братия, если я и теперь проповедую обрезание?* (Гал 5, 11). То было нужно для домостроительства, а это для совершенства.

Этому хочу уподобить и богословие, только в противоположном отношении, ибо там преобразование достигалось через отмену, а здесь совершенство — через прибавления. Но дело в том, что Ветхий Завет ясно проповедовал Отца, но не с такой ясностью Сына; Новый открыл Сына и дал указания о Божестве Духа, ныне пребывает с нами Дух, даруя нам яснейшее о Нем познание. Не безопасно было прежде, нежели исповедано Божество Отца, ясно проповедовать Сына, и прежде, нежели признан Сын (выражусь несколько смело), обременять нас проповедью о Духе Святом и подвергать опасности утратить последние силы, как бывает с людьми, которые обременены пищей, принятой не в меру, или слабое еще зрение устремляют на солнечный свет. Надлежало же, чтоб Троичный свет озарял просветляемых постепенными прибавлениями, как говорит Давид, *восхождениями* (Пс 83, 6), *продвижениями* от славы в славу и *преуспеваниями*. По этой-то, думаю, причине и на учеников нисходит Дух постепенно, соразмеряясь с силой приемлющих: в начале Евангелия, после страданий [Христовых], после вознесения, то совершает через них силы (Мф 10, 1), то подается им через дуновение (Ин 20, 22), то является в огненных языках (Деян 2, 3). Да и Иисус возвещает о Нем постепенно, как сам ты увидишь

при внимательнейшем чтении. *Умолю*, говорит, *Отца, и иного Утешителя* пошлет вам (Ин 14, 16–17), чтоб не сочли Его противником Богу и говорящим по иной какой-либо власти. Потом, хотя и употребляем слово *пошлет*, но присовокупляя: *во имя Мое* (Ин 14, 26) и оставив слово *умолю*, удерживает слово *пошлет*. Потом говорит: *пошлю* (Ин 15, 26), показывая собственное достоинство. Потом сказал *приидет* (Ин 16, 13), показывая власть Духа. Видишь постепенно воссиявшие нам озарения и тот порядок богословия, который и нам лучше соблюдать, не все вдруг высказывая и не все до конца скрывая, ибо первое неосторожно, а последнее безбожно; и одним можно поразить чужих, а другим — оттолкнуть своих. Присовокуплю к сказанному и то, что хотя, может быть, приходило уже на мысль и другим, однако же считаю плодом собственного ума. У Спасителя и после того, как многое проповедал Он ученикам, было еще нечто, чего, как Сам Он говорил, ученики (может быть, по причинам, выше мной изложенным) не могли тогда *вместить* (Ин 16, 12), и что поэтому скрывал Он от них. И еще Спаситель говорил, что будем всему научены снисшедшим Духом (Ин 16, 13). Сюда-то отношу я и Само Божество Духа, ясно открытое впоследствии, когда уже ведение это сделалось благовременным

и удобовместимым, по прославлении¹ Спасителя, после того как не с неверием стали принимать чудо. Да и что большее этого или Христос обещал бы, или Дух преподал бы, если надобно признавать великим и достойным Божия величия и обетованное, и проповеданное?

Так уверен в этом сам я и желал бы, чтоб со мной всякий, кто мне друг, чтит Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святого, три Личности, единое Божество, нераздельное в славе, чести, сущности и царстве, как Любомудрствовал один из богоносных мужей, живших незадолго до нас. Или да *не видит*, как говорит Писание, *рассвета* (Иов 3, 9), ни славы будущего озарения, кто верит иначе или, соображаясь с обстоятельствами, бывает то тем, то другим и о важнейших предметах судит не здраво. Если Дух не достопоклоняем, то как же меня делает Он богом в крещении? А если достопоклоняем, то как же не досточтим? А если досточтим, то как же не Бог? Здесь одно держится другим, это подлинно золотая и спасительная цепь. От Духа имеем мы возрождение, от возрождения — воссоздание, от воссоздания — познание о достоинстве Воссоздавшего.

¹ В греческом — μετὰ τὴν τοῦ σωτῆρος ἀποκατάστασιν. Буквально: *после восстановления (возвращения, посвящения) Спасителя.*

Все это можно было бы сказать о Духе в том предположении, что Он не засвидетельствован Писанием. Но теперь выступит перед тобой и рой свидетелей, из которых всякому, кто не слишком тупоумен и чужд Духа, ясно будет видно, что Божество Духа весьма открыто в Писании. Обрати внимание на следующее. Рождается Христос — Дух предваряет (Лк 1, 35). Христос принимает крещение — Дух свидетельствует (Ин 1, 33–34). Искушается Христос — Дух возводит Его [в пустыню] (Мф 4, 1). Совершает силы Христос — Дух сопутствует. Возносится Христос — Дух преемствует. Чего великого и возможного единому Богу не может совершить Дух? И из имен Божиих какими не именуется Он, кроме нерожденности и рождения? Но эти свойства должны были оставаться при Отце и Сыне, чтоб не произошло слитности в Божестве, Которое приводит в устройство как все прочее, так и само нестроение. Прихожу в трепет, когда представляю в уме и богатство наименований и то, что противящиеся Духу не стыдятся и такого числа имен. Он именуется: *Дух Божий, Дух Христов* (Рим 8, 9), *Ум Христов* (1 Кор 2, 16), *Дух Господень* (Ис 61, 1), *Сам Господь* (2 Кор 3, 17), *Дух усыновления* (Рим 8, 15), *истины* (Ин 14, 17), *свободы* (2 Кор 3, 17), *Дух премудрости, разума, совета, крепости, ведения, благочестия, страха Божия* (Ис 11, 2–3), потому что все

это производит. Он все *исполняет* сущностью, все *содержит* (Прем 1, 7) — исполняет мир в отношении к сущности и неместим для мира в отношении к силе. Он есть *Дух благий* (Пс 142, 10), *правый* (Пс 50, 12), *владычественный* (Пс 50, 14) — по естеству, а не по усвоению, освящающий, но не освящаемый, измеряющий, но не измеряемый, заимствуемый, но не заимствующий, исполняющий, но не исполняемый, содержащий, но не содержимый, наследуемый (Еф 1, 14), прославляемый (1 Кор 6, 19–20), вместе счисляемый (Мф 28, 19), угрожающий (Деян 5, 1–10; Мф 12, 31–32). Он есть *перст Божий* (Лк 11, 20), *огонь* (Мф 3, 11; Деян 2, 3), как Бог, и думаю, для обозначения единосущия. Он есть *Дух сотворивший* (Иов 33, 4), *воссоздающий* [нас] в крещении (Тит 3, 5) и *воскресении* (Рим 8, 11), *Дух, Который все ведает* (1 Кор 2, 11), *всему учит* (Ин 14, 26), *дышит, где хочет* и *сколько хочет* (Ин 3, 8), *Дух наставляющий* (Ин 16, 3), *говорящий* (Мф 10, 20), *посылающий* (Деян 13, 4), *отделяющий* (Деян 13, 2), *прогневаемый* (Ис 63, 10), *искушаемый* (Деян 5, 9), *подаватель откровений* (1 Кор 2, 10), *просвещения* (Евр 6, 4), *жизни* (Рим 8, 11), лучше же сказать, *сам свет и сама жизнь*. Он *делает меня храмом* (1 Кор 6, 19), *творит богом*, *ведет к совершенству*, *почему и крещение предваряет* (Деян 10, 44), и *по крещении взыскуется* (Деян 19, 5–6); Он производит все то, что производит Бог. Он разделяется в огненных языках

(Деян 2, 3) и разделяет дары (1 Кор 12, 11), творит апостолов, пророков, благовестников, пастырей, учителей (Еф 4, 11); Он есть *Дух разума, многочастный, ясный, светлый, нескверный, невозбранен* (что равнозначно, может быть, словам: премудрый, многообразный в действиях, делающий все ясным и светлым, свободный и неизменяемый), *всесильный, всевидящий и проникающий все умные, чистые, тончайшие духи* (Прем 7, 22–23), то есть, сколько понимаю, силы ангельские, а также пророческие и апостольские, в то же время и не в одном месте, но там и здесь находящиеся, чем и означает неограниченность. И как же бы ты думал? Те, которые говорят это и учат этому, а кроме того именуют Духа *другим Утешителем* (Ин. 14, 16), как бы иным Богом, знают что только хула на Духа непростительна (Мф 12, 31); Ананию же и Сапфиру, когда они солгали Духу Святому, оглашают солгавшими Богу, а не человеку (Деян 5, 4), — то ли исповедуют о Духе, что Он Бог, или иное что? О, сколько ты в действительности груб и далек от Духа, если сомневаешься в этом и требуешь еще Учителя! Итак, наименования эти весьма многочисленны и многозначащи (ибо нужно ли приводить тебе места Писания буквально?); а если в Писании и встречаются унижительные выражения: *дается* (Деян 8, 18), *посылается* (Ин 14, 26), *делится* (Деян 2, 3), дарование,

дар (Деян 2, 38), дуновение (Ин 20, 21), обетование (Деян 2, 33), ходатайство (Рим 8, 26) и другие тому подобные, то (не говоря о каждом из этих выражений) надобно их возводить к первой Причине, чтоб видеть, от Кого Дух, а не принять трех начал подобно многобожникам. Ибо равно нечестиво и соединять с Савеллием, и разделять с Арием, — соединять относительно лица, разделять относительно естества.

Чего я ни рассматривал сам с собой в любоведущем уме своем, чем ни обогащал разума, где ни искал подобия для этого, но не нашел, к чему бы земному можно было применить Божие естество. Если и отыскивается малое некое сходство, то гораздо большее ускользает, оставляя меня внизу вместе с тем, что избрано для сравнения. По примеру других представлял я себе родник, ключ и поток и рассуждал: не имеют ли сходства с одним Отец, с другим Сын, с третьим Дух Святой? Ибо родник, ключ и поток неразделимы во времени и совместное их бытие непрерывно, хотя и кажется, что они разделены тремя свойствами. Но убоялся, во-первых, чтоб не допустить в Божестве какого-то течения, никогда не останавливающегося; во-вторых, чтоб таким подобием не ввести и численного единства. Ибо родник, ключ и поток в отношении к числу составляют одно, различны же только в образе

представления. Брал опять в рассмотрение солнце, луч и свет. Но и здесь опасение, чтобы в несложном естестве не представить какой-либо сложности, примечаемой в солнце и в том, что от солнца; во-вторых, чтоб, приписав сущность Отцу, не лишить самостоятельности прочие лица и не сделать их силами Божиими, которые в Отце существуют, но не самостоятельны. Потому что и луч, и свет суть не солнце, а некоторые солнечные излияния и существенные качества солнца. В-третьих, чтоб не приписать Богу вместе и бытия, и небытия (к какому заключению может привести этот пример), а это еще нелепее сказанного прежде. Слышал я также, что некто находил искомое подобие в солнечном отблеске, который является на столе и сотрясается от движения вод, когда луч, собранный воздушной средой и потом рассеянный отражающей поверхностью, приходит в странное колебание, ибо от многочисленных и частых движений перебегаёт он с места на место, составляя не столько одно, сколько многое, и не столько многое — сколько одно; потому что по быстроте сближений и расхождений ускользает прежде, нежели уловит его взор. Но, по моему мнению, нельзя принять и этого. Во-первых, потому что здесь слишком видно приводящее в движение, но первоначальнее Бога нет ничего, что приводило бы Его в движение, потому что

Сам Он причина всего, а не имеет причины, которая была бы и Его первоначальнее. Во-вторых, потому что и этим подобием наводится прежняя мысль о движении, о сложности, о естестве непостоянном и зыблющемся, тогда как ничего подобного не должно представлять о Божестве. И вообще ничего не нахожу, что при рассмотрении представляемого остановило бы мысль на избираемых подобиях, разве кто с должным благоразумием возьмет из образа что-нибудь одно и отбросит все прочее. Наконец заключил я, что всего лучше отступить от всех образов и теней, как обманчивых и далеко не достигающих до истины, держаться же образа мыслей более благочестивого, остановившись на немногих изречениях, иметь руководителем Духа, и какое озарение получено от Него, то, сохраняя до конца, с Ним, как с искренним сообщником и собеседником, проходить настоящий век, а по мере сил и других убеждать, чтоб поклонялись Отцу, и Сыну, и Святому Духу — единому Божеству и единой Силе. Богу всякая слава, честь, держава во веки веков.

Аминь.

СЛОВА НА ЦЕРКОВНЫЕ ПРАЗДНИКИ

СЛОВО 38

На Богоявление, или на Рождество Спасителя

Христос рождается — славьте! Христос с небес — встречайте! Христос на земле — возноситесь! *Воспойте Господу, вся земля* (Пс 95, 1)! И скажу обоим в совокупности: *да веселятся небеса, и да торжествует земля* (там же, ст. 11) ради Небесного, потом Земного! Христос во плоти — с трепетом и радостью возвеселитесь: с трепетом по причине греха, с радостью по причине надежды. Христос от Девы — сохраняйте, жены, целомудрие, чтобы стать вам матерями Христовыми! Кто не поклоняется Сущему от начала? Кто не прославляет Последнего? Опять рассеивается тьма, опять является свет; опять Египет наказан тьмой, опять Израиль озарен столпом. *Люди, сидящие во тьме неведения,*

да видят великий свет ведения (Мф 5, 16). *Древнее прошло, теперь все новое* (2 Кор 5, 17). Буква уступает, дух преобладает; тени проходят, их место занимает истина. Приходит Мельхиседек, рожденный без матери рождается без отца: в первый раз без матери, во второй без отца. Нарушаются законы естества, мир горний должен наполниться. Христос повелевает, не будем противиться. *Восплещите руками все народы* (Пс 46, 2); *ибо младенец родился нам — Сын дан нам; владычество на раменах Его, ибо возносится со крестом, и нарекут имя Ему: Великого Совета — совета Отчего — Ангел* (Ис 9, 6). Да провозглашает Иоанн: *приготовьте путь Господу* (Мф 3, 3)! И я провозглашу силу дня. Бесплотный воплощается. Слово отвердевает. Невидимый становится видимым, Неосязаемый осязается. Безлетный начинается. Сын Божий делается Сыном Человеческим; *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр 13, 8).

Пусть иудеи соблазняются, эллины смеются, еретики притупляют язык! Тогда они уверуют, когда увидят Его восходящим на небо; если же и не тогда, то непременно, когда узрят Его грядущего с неба и воссевшего судить. Но это будет после, а ныне — праздник Богоявления, или Рождества, ибо так и иначе называется день этот, и два наименования даются одному торжеству, потому

что Бог явился человекам через рождение. Он — Бог, как Сущий и Присносущный от Присносущного, Высший причины и слова (потому что нет слова, которое было бы выше Слова); и Он является ради нас, родившись впоследствии, чтобы Тот, Кто даровал бытие, даровал и благобытие, лучше же сказать, чтобы мы, ниспавшие из благобытия через грех, снова возвращены были в него через воплощение. А от явления наименование Богоявления, и от рождения — Рождества.

Таково наше торжество, это празднуем ныне — пришествие Бога к людям, чтобы нам переселиться или (точнее сказать) возвратиться к Богу, да, отложив ветхого человека, облечемся в нового (Еф 4, 22–23), и как умерли в Адаме, так будем жить во Христе (1 Кор 15, 22), со Христом рождаемые, распинаемые, погребаемые и совосстающие. Ибо мне необходимо претерпеть это спасительное изменение, чтобы, как из приятного произошло скорбное, так из скорбного вновь возникло приятное. *А когда умножился грех, стала преизобилывать благодать* (Рим 5, 20). И если вкушение было причиной осуждения, то не тем ли более оправдало Христово страдание?

Итак, будем праздновать не пышно, но божественно, не по-земному, но премирно, не наш праздник, но праздник Того, Кто стал нашим, лучше же сказать, праздник нашего Владыки,

не праздник болезни, но праздник исцеления, не праздник создания, но праздник воссоздания. Как же исполнить это? Не будем венчать преддверия домов, соединяться в хоры, украшать улицы, пресыщать зрение, оглашать слух свирелями, нежить обоняние, осквернять вкус, тешить осязание — эти краткие пути к пороку, эти врата греха. Не будем уподобляться женам, ни мягкими и волнующимися одеждами, которых все изящество в бесполезности, ни игрой камней, ни блеском золота, ни ухищрением подкрашиваний, приводящих в подозрение естественную красоту и изобретенных в поругание образа Божия. Не будем предаваться ни *пированиям и пьянству*, с которыми, как знаю, сопряжены *сладострастие и распутство* (Рим 13, 13), ибо у худых учителей и уроки худы, или, лучше сказать, от негодных семян и нивы негодны. Не будем устилать древесными ветвями высоких лож, устраивая роскошные трапезы в угождение чреву, не будем высоко ценить благоухания вин, поварских приправ и многоценности благовония. Пусть ни земля, ни море не приносят нам в дар дорогой грязи — так научился я величать предметы роскоши! Не будем стараться превзойти друг друга невоздержанностью (а все то, что излишнее и сверх нужды, по моему мнению, есть невоздержанность), особенно когда

другие, созданные из одного с нами праха и состава, алчут и терпят нужду. Напротив, представим все это эллинам, эллинской пышности и эллинским торжествам. Они и богами именуют услаждающихся туком, а сообразно с этим служат божеству чревоугодием, как лукавые изобретатели, жрецы и почитатели лукавых демонов. Но если чем должно насладиться нам, которые поклоняются Слову, то насладимся словом, и Божиим законом, и сказаниями как об ином, так и о причинах настоящего торжества, чтобы наслаждение у нас было собственно свое и не чуждое Создавшему нас.

Или, если угодно, я, который ныне у вас распорядителем пира, вам — добрым соучастникам пира предложу об этом слово, сколь могу, обильно и щедро, чтобы вы знали, как может пришелец угощать природных жителей, поселянин — городских обитателей, не знакомый с роскошью — роскошных, бедняк и бездомный — знаменитых своим изобилием. Начну же с этого: желающие насладиться предложенным да очистят и ум, и слух, и сердце, потому что у меня слово о Боге и Божие, да очистят, чтобы выйти отсюда, насладившись действительно не чем-нибудь тщетным. Само же слово будет и весьма полно и вместе весьма кратко, так что ни скудостью не огорчит, ни излишеством не наскучит.

Бог всегда был, есть и будет, или, лучше сказать, всегда есть, ибо слова *был* и *будет* означают деления нашего времени и свойственны естеству преходящему, а *Сущий* — всегда. И этим именем именует Он Сам Себя, беседуя с Моисеем на горе, потому что сосредоточивает в Себе Самом всецелое бытие, которое не начиналось и не прекратится. Как некое море сущности, неопределимое и бесконечное, простирающееся за пределы всякого представления о времени и естестве, одним умом (и то весьма неясно и недостаточно, не в рассуждении того, что есть в Нем Самом, но в рассуждении того, что вокруг Него), через набрасывание некоторых очертаний, оттеняется Он в один какой-то облик действительности, убегающий прежде, нежели будет уловлен, и ускользающий прежде, нежели будет представлен умом, настолько же обнимающий сиянием владычественное в нас¹, если оно очищено, насколько быстрота летящей молнии освещает сиянием взор. И это, кажется мне, для того, чтобы постигаемым привлекать к Себе (ибо совершенно непостижимое безнадежно и недоступно), а непостижимым приводить в удивление, через удивление же возбуждать большее желание, и через желание очищать, и через очищение сделать богоподобными;

¹ То есть душу.

а когда сделаемся такими, уже беседовать как с вечными (дерзнет снова изречь нечто смелое) — беседовать Богу, вступившему в единение с богами и познанному ими, может быть настолько же, насколько Он знает познанных Им (1 Кор 13, 12).

Итак, Божество беспредельно и неудобосозерцаемо. И лишь это одно в Нем постижимо — Его беспредельность; хотя иной и почитает принадлежностью естества — быть или вовсе непостижимым, или совершенно постижимым. Но исследуем, что составляет сущность простого естества, потому что простота еще не составляет его естества, точно так же, как и в сложных существах не составляет естества одна только сложность. Разум, рассматривая беспредельное в двух отношениях — в отношении к началу и в отношении к концу (ибо беспредельное простирается далее начала и конца и не заключается между ними), когда устремляет взор свой в горнюю бездну и не находит на чем остановиться и где положить предел своим представлениям о Боге, тогда беспредельное и не поддающееся исследованию называет безначальным; а когда, устремившись в дольную бездну, испытывает подобное прежнему, тогда называет Его бессмертным и нетленным; когда же сводит в единство то и другое, тогда именует вечным; ибо вечность не есть ни время, ни часть времени; потому что она неизмерима. Но что для

нас время, измеряемое течением солнца, то для вечных вечность, нечто сопротяженное с вечными существами и как бы некоторое временное движение и расстояние.

Этим да ограничится ныне любомудрствование наше о Боге, потому что нет времени более распространяться, и предмет моего слова составляет не богословие, но Божие домостроительство. Когда же именую Бога, имею в виду Отца и Сына и Святого Духа, как не разделяя Божества далее этого числа Лиц, чтобы не ввести множества богов, так не ограничивая меньшим числом, чтобы не осуждали нас в скудости Божества, когда впадем или в иудейство, защищая единоначалие, или в язычество, защищая многоначалие. В обоих случаях зло равно, хотя от противоположных причин. Таково Святое Святых, закрываемое и от самих Серафимов и прославляемое тремя Святителями, которые сходятся в единое Господство и Божество, о чем другой некто прекрасно и весьма высоко любомудрствовал прежде нас.

Но поскольку для Благости не довольно было упражняться только в созерцании Себя Самой, а надлежало, чтобы благо разливалось, шло далее и далее, чтобы число благодетельствованных было как можно больше (ибо это свойство высочайшей Благости), то Бог измышляет, во первых, ангельские и Небесные Силы. И мысль

стала делом, которое исполнено Словом и совершено Духом. Так произошли вторые светлости, служители первой Светлости, понимать ли под ними или разумных духов, или как бы невестественный и бесплотный огонь, или другое какое естество, наиболее близкое к сказанным. Хотел бы я сказать, что они неподвижны ко злу и имеют лишь движение к добру, как сущие вокруг Бога и непосредственно озаряемые от Бога (ибо земное пользуется вторичным озарением), но признавать и называть их не неподвижными, а трудно подвижными убеждает меня ангел по светлости, а за превозношение ставший и называемый тьмой, с подчиненными ему богоотступными силами, которые через свое удаление от добра стали виновниками зла и нас в иное вовлекают.

Так и по таким причинам сотворен Богом умный мир, насколько могу об этом Любомудрствовать, малым умом взвешивая великое. Поскольку же первые твари были Ему благоугодны, то измышляет другой мир — вещественный и видимый; и это есть стройный состав неба, земли и того, что между ними, удивительный по прекрасным качествам каждой вещи, а еще более достойный удивления по стройности и согласию целого, в котором и одно к другому и все ко всему состоит в прекрасном отношении, служа к полноте единого мира. А этим Бог показал, что Он

силен сотворить не только сродное Себе, но и совершенно чуждое естество. Сродны же Божеству природы умные и одним умом постигаемые, совершенно же чужды творения подчиненные чувствам, а из этих последних еще дальше отстоят от Божественного естества создания вовсе неодушевленные и неподвижные.

«Но что нам до этого?» — скажет, может быть, какой-нибудь чрезмерно ревностный любитель праздников. Гони коня к цели — любомудрствуй о том, что относится к празднику и для чего мы собрались ныне. — Так и сделаю, хотя начал несколько отдаленно, к чему принужден усердием и словом.

Итак, ум и чувство, столь различные между собой, стали в своих пределах и выразили собой величие Зиждительного Слова, как безмолвные хранители и первые проповедники великолепия. Но еще не было смешения из ума и чувства, сочетания противоположных — этого опыта высшей Премудрости, этой щедрости в образовании естеств, и не все богатство Благости было еще обнаружено. Восхотев и это показать, Искусное Слово созидает живое существо, в котором приведены в единство то и другое, то есть невидимое и видимая природа; созидает, говорю, человека, и, из сотворенного уже вещества взяв тело, а от Себя вложив жизнь (что в слове Божиим известно

под именем разумной души и образа Божия), творит как бы некоторый второй мир — в малом великий, ставит на земле иного ангела, из разных природ составленного поклонника, зрителя видимой твари, свидетеля твари умосозерцаемой, царя над тем, что на земле, подчиненного горнему царству, земного и небесного, временного и бессмертного, видимого и умопостигаемого, ангела, который занимает середину между величием и низостью, один и тот же есть дух и плоть — дух ради благодати, плоть ради превозношения; дух, чтобы пребывать и прославлять Благодетеля; плоть, чтобы страдать и, страдая, припоминать и учиться, насколько одарен он величием; творит живое существо, здесь уготовляемое и переселяемое в иной мир и (что составляет конец тайны) через стремление к Богу достигающее обожествления. Ибо умеренный здесь свет истины служит для меня к тому, чтобы видеть и сносить светлость Божию, достойную Того, Кто связывает и разрешает и опять соединит превосходнейшим образом.

Этого человека, почтив свободой, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чем и вложившему семена его, Бог поставил в раю (что бы ни означал этот рай) творцом бессмертных растений — может быть, божественных помыслов, как простых, так и более совершенных;

поставил нагим по простоте и безыскусственной жизни, без всякого покрова и ограждения, ибо таковым надлежало быть первозданному. Дает и закон для упражнения свободы. Законом же была заповедь, какими растениями ему пользоваться и какого растения не касаться. А последним было древо познания, и посаженное вначале не злонамеренно, и запрещенное не по зависти (да не отверзают при этом уст богоборцы и да не подражают змию!), напротив, оно было хорошо для употребляющих благовременно (потому что древо это, по моему умозрению, было созерцание, к которому безопасно могут приступать только те, кто приобрел опыт), но не хорошо для безыскусных еще и для неумеренных в своем желании, подобно как и совершенная пища не полезна для слабых и требующих молока.

Когда же, из-за зависти диавола и обольщения жены, которому она сама подверглась как слабейшая и которое произвела как обладающая искусством убеждать (о немощь моя! ибо немощь прародителя есть и моя собственная), человек забыл данную ему заповедь и был побежден горьким вкушением, тогда через грех делается он изгнанником, удаляемым в одно время и от древа жизни, и из рая, и от Бога; облекается в кожаные ризы (может быть, в грубейшую, смертную и противоборствующую плоть), в первый раз познает

собственный стыд и укрывается от Бога. Впрочем, и здесь приобретает нечто, именно смерть — в пресечение греха, чтобы зло не стало бессмертным. Таким образом, само наказание делается человеколюбием. Ибо так, в чем я уверен, наказывает Бог.

Но в преграждение многих грехов, какие произрастали от корня повреждения от разных причин и в разные времена, человек и прежде вразумляем был многообразно: словом, законом, пророками, благодеяниями, угрозами, карами, наводнениями, пожарами, войнами, победами, поражениями, знамениями небесными, знамениями в воздухе, на земле, на море, неожиданными переворотами в судьбе людей, городов, народов (все это имело целью загладить повреждение); наконец, стало нужно сильнейшее лекарство, по причине сильнейших недугов: человекоубийств, прелюбодеяний, клятвопреступлений, муженеистовства и этого последнего и первого из всех зол — идолослужения и поклонения твари вместо Творца. Поскольку все это требовало сильнейшего способа, то и дается сильнейший. И он был следующим: Само Божие Слово, превечное, невидимое, непостижимое, бестелесное, начало от начала, свет от света. Источник жизни и бессмертия, отпечаток первообразной Красоты, печать непереносимая, образ неизменяемый, определение и слово

Отца, приходит к Своему образу, носит плоть ради плоти, соединяется с разумной душой ради моей души, очищая подобное подобным; делается человеком по всему, кроме греха. Хотя и носит во чреве Дева, в Которой душа и тело предочищены Духом (ибо надлежало и рождение почтить, и целомудрие предпочесть), однако же произошедший есть Бог и с воспринятым от Него¹ — единое из двух противоположных — плоти и Духа, из которых Один обожествил, а Другая обожествлена.

О новое смешение! О чудное растворение! Сущий начинает бытие, Несозданный создается, Необъемлемый объемлется через разумную душу, посредствующую между Божеством и грубой плотью, Обогащающий нищает — нищает до плоти моей, чтобы мне обогатиться Его Божеством, Наполненный опустошается — опустошается ненадолго в славе Своей, чтобы мне быть причастником полноты Его. Какое богатство благодати! Что это за таинство обо мне? Я получил образ Божий и не сохранил Его, Он воспринимает мою плоть, чтобы и образ спасти, и плоть обессмертить. Он вступает во второе с нами общение, которое гораздо необычнее первого, поскольку тогда даровал нам лучшее, а теперь воспринимает худшее; но это боголепнее первого, это выше для имеющих ум!

¹ Человеческим естеством.

Что скажут нам на это клеветники, злые ценители Божества, порицатели достохвального, объятые тьмой при Самом Свете, невежды при Самой Мудрости, те, за которых Христос напрасно умер, неблагодарные твари, создания лукавого? Это ставишь ты в вину Богу — Его благодеяние? Потому Он мал, что для тебя смирил Себя? Что к заблудшей овце пришел *Пастырь добрый, полагающий жизнь свою за овец* (Ин 10, 11), пришел на те горы и холмы, на которых приносил ты жертвы, и что обрел заблудшего, и обретенного взял на те же плечи (Лк 15, 4–5), на которых понес крест, и воспринятого опять привел к горней жизни, и приведенного сопричислил к пребывающим в чине своем? Что возжег свечу — плоть Свою, и подмел комнату — очищая мир от греха, и нашел драхму — Царский образ, заваленный страстями; по обретении же драхмы созывает пребывающие в любви Его Силы, делает участниками радости тех, которых сделал свидетелями тайн Своего домостроительства (Лк 15, 8–9)? Что лучезарнейший Свет следует за предтекшим светильником, Слово — за гласом, Жених — за провожающим невесту, приготавливающим Господу *народ особенный* (Тит 2, 14) и предпочищающим водой для Духа? Это ставишь в вину Богу? За то считаешь Его низшим, что *препоясуется полотенцем* (Ин 13, 4–5), и умывает ноги учеников, и указывает совершеннейший путь к возвышению — смирение?

Что смиряется ради души, преклонившейся до земли, чтобы возвысить с Собой склоняемое к земле грехом? Как не поставишь в вину того, что Он ест с мытарями и у мытарей, что учениками имеет мытарей, да и Сам приобретает нечто? Что же приобретает? Спасение грешников. Разве и врача обвинит иной за то, что наклоняется к ранам и терпит зловоние, только бы вернуть здоровье больным? Обвинит и того, кто из сострадания наклонился к яме, чтобы по закону (Исх 23, 2; Лк 14, 5) спасти упавший в нее скот?

Правда, что Он был послан, но как человек (потому что в Нем два естества; так Он утомлялся, и алкал, и жаждал, и был в борении, и плакал — по закону телесной природы); а если послан и как Бог, что из этого? Под посольством понимай благоволение Отца, к Которому Он относит дела Свои, чтобы почтить вечное начало и не показаться противником Богу. О Нем говорится, что предан (Рим 4, 25); но написано также, что и Сам Себя предал (Еф 5, 2, 25). Говорится, что Он воскрешен Отцом и вознесен (Деян 3, 15; 1, 11), но написано также, что Он Сам Себя воскресил и взошел опять на небо (1 Фес 1, 14; Еф 4, 10), — первое по благоволению, второе по власти. Но ты выставляешь на вид уничижительное, а обходишь молчанием возвышающее. Рассуждаешь, что Он страдал, а не присовокупляешь, что страдал

добровольно. Сколько и ныне страдает Слово! Одни почитают Его как Бога и соединяют, другие бесчестят Его как плоть и разделяют. На которых же больше прогневается Он, или, лучше сказать, которым отпустит грех? Тем ли, которые объединяют, или тем, которые рассекают злочестиво? Ибо и первым надлежало разделить, и последним соединить — первым относительно к числу, последним относительно к Божеству. Ты соблазняешься плотью? И иудеи также соблазнялись. Не назовешь ли Его и Самарянином? О том, что далее, умолчу. Ты не веруешь в Божество Его? Но в Него и бесы веровали, о ты, который невернее бесов и несознательнее иудеев! Одни наименование Сына признавали означаящим равночестие, а другие в изгоняющем узнавали Бога, ибо убеждало в этом претерпеваемое от Него. А ты ни равенства не принимаешь, ни Божества не исповедуешь в Нем. Лучше было бы тебе обрезать и стать бесноватым (скажу нечто смешное), нежели в необрезании и в здравом состоянии иметь лукавые и безбожные мысли.

Вскоре потом увидишь и очищающегося в Иордане Иисуса — мое очищение, или, лучше сказать, через это очищение делающего чистыми воды, ибо не имел нужды в очищении Сам Он — *взявший грех мира* (Ин 1, 29); увидишь и *разверзающиеся небеса* (Мк 1, 10); увидишь, как Иисус

и приемлет свидетельство от сродственного Ему Духа, и искушается, и побеждает, и окружен служащими Ему Ангелами, и *исцеляет всякую болезнь и всякую немощь* (Мф 4, 23), и животворит мертвых (о если бы оживотворил и тебя — умершего зловерием!), и изгоняет бесов, то Сам, то через учеников, и немногими хлебами насыщает тысячи, и ходит по морю, и предается, и распинается, и сораспинает мой грех, приводится как агнец и приводит как иерей, как человек погребается и восстает как Бог, а потом и восходит на небо, и придет со славою Своею. Сколько торжеств доставляет мне каждая тайна Христова! Во всех же в них главное одно — мое совершение, воссоздание и возвращение к первому Адаму!

А теперь окажи почтение чревоношению и скачи, если не как Иоанн во чреве, то как Давид при упокоении Киота; уважь перепись, по которой и ты вписан на небесах; поклоняйся Рождеству, через которое освободился ты от уз рождения; воздай честь малому Вифлеему, который опять привел тебя к раю; преклонись перед яслями, через которые ты, сделавшийся бессловесным, воспитан Словом. Познай (повелевает тебе Исаия), как *вол Владетеля* и как *осел ясли Господина своего* (Ис 1, 3). Принадлежишь ли к числу чистых, и законных, и *жующих жвачку* (Лев 11, 3) слова, и годных в жертву, или к числу еще нечистых,

не употребляемых ни в пищу, ни в жертву, и составляешь достояние язычества — иди со звездой, принеси с волхвами дары: золото, и ладан, и смирну — как Царю, и как Богу, и как умершему ради тебя; прославь с пастырями, ликуй с Ангелами, воспой с Архангелами; да составитсѧ общее торжество Небесных и земных Сил. Ибо я уверен, что Небесные Силы радуются и торжествуют ныне с нами; потому что они человеколюбивы и боголюбивы, — как и Давид представляет их восходящими со Христом после страдания Его, встречающимися и повелевающими друг другу *поднять врата* (Пс 23, 7). Одно только можешь ненавидеть из бывшего при Рождестве Христовом — это Иродово детоубийство, лучше же сказать, и в нем окажи почтение жертве ровесников Христа, которая предварила новое заклание. Бежит ли Христос в Египет, с Ним и ты охотно беги. Хорошо бежать со Христом гонимым. Задержится ли Он во Египте, призывай Его из Египта, воздавая Ему там доброе поклонение. Шествуй непорочно по всем возрастам и силам Христовым. Как Христов ученик очистись, обрежься, сними лежащее на тебе с рождения покрывало, потом учи в храме, изгони торгующих святыней. Претерпи, если нужно, побивание камнями, хорошо знаю, что укроешься от мечущих камни и пройдеши посреди них как Бог, потому что слово не побивается

камнями. Приведен ли будешь к Ироду — не отвечай ему больше. Твое молчание уважит он более, нежели длинные речи других. Будешь ли бит бичами — домогайся и прочего, вкуси желчь за первое вкушение, испей уксус, ищи оплеваний, прими удары по щеке и побои. Увенчайся тернием — суровостью жизни по Богу, оденься в багряную ризу, прими трость, пусть преклоняются перед тобой смеющиеся над истиной. Наконец, охотно распнись, умри и прими погребение со Христом, да с Ним и воскреснешь, и прославишься, и воцаришься, видя Бога во всем Его величии и Им зримый, — Бога в Троице поклоняемого и прославляемого, Которого молим, да будет и ныне, насколько это возможно для узников плоти, явлен нам о Христе Иисусе, Господе нашем.

Ему слава во веки. Аминь.

СЛОВО 44

На Неделю новую¹, на весну
и в память мученика Маманта

Почитать день Обновления — это древний и с доброй целью установленный закон. Лучше же сказать, с днем Обновления

¹ То есть на Неделю вторую по Пасхе (Антипасху).

читать новые благодеяния и чтить не однажды, но многократно, всякий раз как с новым обращением года возвращается тот же день, дабы дарованное благо со временем не изгладилось из памяти и не исчезло, потерявшись в глубине забвения. Обновляются, как читаем у Исаии, *острова к Богу* (Ис 41, 1) и что бы ни надлежало понимать под этими островами, а по моему мнению понимать должно Церкви, недавно устроенные из язычников, возникающие из горького неверия и получающие твердость, доступную для Бога. Обновляется, у другого пророка (Иер 1, 18), *медная стена*, то есть, как думаю, душа твердая и златовидная, новоутвержденная в благочестии. Мы имеем повеление *петь Господу песнь новую* (Пс 149, 1), увлечены ли мы были грехом в Вавилон, в это лукавое смешение, и потом счастливо возвратились во Иерусалим, и как там, будучи на земле чужой, не могли петь божественной песни, так здесь составили и новую песнь, и новый образ жизни, или постоянно пребывали и преуспевали в добре и иное уже совершили, а иное еще совершаем при помощи Святого и обновляющего Духа. Обновляется, и притом весьма великолепно, Скиния свидетельства, которую Бог показал, Веселиил совершил, а Моисей водрузил. Обновляется и царство Давидово, и не однажды, но в первый раз при помазании, а в другой — при

провозглашении Давида царем. *Был же праздник обновления в Иерусалиме, и была зима* (Ин 10, 22), то есть зима неверия. И пришел Иисус — Бог и храм, Бог вечный, храм новый, в один день разоряемый, в три дня восстанавливаемый и пребывающий вовеки, да буду я спасен, воззван от древнего падения и сделаюсь новой тварью, воссозданный таковым человеколюбием. Божественный Давид желает сердца чистого, в нем создаемого, и духа правого, обновляемого во утробе его, не потому, чтобы не имел (кому же и иметь, как не великому Давиду?), но потому, что признает новым настоящее, непрестанно прилагаемое к прошедшему. Но какая мне нужда говорить о большем числе обновлений? Могу объяснять настоящее Обновление, которое ныне празднуем — от смерти переходя к жизни. Обновление, обновление наш праздник, братья; да повторяется это неоднократно от удовольствия. И какое еще обновление? Кто знает, пусть научит этому, а не знающий да обновит слух!

Бог есть Свет неприступный. Он непрерывен, не начинался, не прекратится; Он неизменяем, вечносияющ и трисиятелен; немногие (думаю же, едва ли и немногие) созерцают Его во всей полноте. Силы, окружающие Бога, и служебные духи — суть вторые светы, отблески Света первого. А свет, который у нас, не только начался впоследствии,

но пресекается ночью и сам равномерно пресекает ночь. Он вверен зрению, разлит в воздухе и сам принимает то, что отдает, ибо доставляет зрению возможность видеть и первый бывает видим посредством зрения, разлитый же вокруг видимых предметов сообщает им видимость. Бог, восхотевший устроить этот мир, который состоит из видимого и невидимого и служит великим и дивным проповедником Его величия, этот Бог для существ вечных Сам есть Свет, а не иной кто (ибо нужен ли свет вторичный для тех, которые имеют Свет высочайший?). А существа земные и нас окружающие прежде всего осияет Он этим видимым светом. Ибо великому Свету прилично было начать мироздание сотворением света, которым уничтожает Он тьму и бывшие дотоле нестройность и беспорядок. И, как рассуждаю, вначале Бог сотворил не этот органический и солнечный свет, но не заключенный в теле и в солнце, а потом уже данный солнцу освещать всю Вселенную. Когда для других тварей осуществил Он прежде вещество, а впоследствии облек в форму, дав каждому существу устройство частей, очертание и величину; тогда, чтобы сделать еще большее чудо, осуществил здесь форму¹ прежде вещества (ибо форма солнца — свет), а потом уже

¹ В греческом — *ε* *δοξ* — *внешний вид, облик, образ*.

присовокупляет вещество, создав око дня, то есть солнце. Поэтому к дням причисляется нечто первое, второе, третье и так далее до дня седьмого, дающего успокоение от дел, и этими днями разделяется все сотворенное, приводимое в устройство по неизреченным законам, а не мгновенно производимое Всемогущим Словом, для Которого помыслить или изречь значит уже совершить дело. Если же последним явился в мир человек, почтенный Божиим рукотворением и образом, то это нимало не удивительно, ибо для него, как для царя, надлежало приготовить царскую обитель и потом уже ввести в нее царя в сопровождении всех тварей. Итак, если бы мы пребыли тем, чем были, и сохранили заповедь, то сделались бы тем, чем не были, и пришли бы к древу жизни от древа познания. Чем же бы мы сделались? Бессмертными и близкими к Богу. Но поскольку *завистью лукавого смерть в мир вошла* (Прем 2, 24) и овладела человеком через обольщение, то Бог, став человеком, страждет, как человек, и нищает до восприятия плоти, чтобы мы обогатились Его нищетой. Отсюда смерть, и гроб, и воскресение. Отсюда новая тварь и после Праздника праздник¹; и я опять учредитель торжества, праздную обновление моего спасения.

¹ После Пасхи — Неделя новая (Антипасха).

«Что же? — скажешь. — Разве не обновления день был и первый воскресный день, последовавший за этой священной и светоносной ночью? Для чего даешь это наименование нынешнему дню, о празднолюбец, вымышляющий многие веселья?» — То был день спасения, а это день воспоминания спасения. Тот день разграничивает собой погребение и воскресение, а этот есть только день нового рождения, чтобы, как первое творение начинается днем недельным (а это видно из того, что седьмой от него день делается субботой, потому что он день упокоения от дел), так и второе творение начиналось опять тем же днем, потому что он есть первый в числе последующих за ним и восьмой в числе предшествующих ему — день из высоких высокий, из дивных дивный, ибо ведет к горнему состоянию. Об этом дне, мне кажется, гадают и божественный Соломон, повелевая давать *часть семи*, то есть настоящей жизни, и *восьми* (Еккл 11, 2), то есть жизни будущей, как от здешнего благоделания, так и от тамошнего восстановления. Но и великий Давид в честь этого же дня воспекает псалмы свои о *восьмом* (Пс 6 и 11), так как этому же дню обновлений воспекает другой псалом (29-й), именуя какое-то обновление дому, а этот дом — мы, которые удостоились быть, именоваться и сделаться храмом Божиим.

Вот вам слово о дне Обновления! Но и сами обновитесь и, совлекишись ветхого человека, в обновленной жизни (Рим 6, 4) жительствуйте, наложив узду на все, от чего бывает смерть, обучив все члены, возненавидев или изблевав всякую негодную пищу от древа и для того только памятуя древнее, чтобы избегать его: *Прекрасен на вид и хорош для пищи был тот плод, который умертвил меня. Будем избегать цветущей внешности, станем смотреть на самих себя. Да не победит тебя влечение к красоте, да не будешь увлечен ресницами* (Притч 6, 25), если можно, даже и при беглом взгляде, помня Еву, эту сладкую приманку, драгоценную отраву. Спасет ли того чужая, кого погубила своя? Да не услаждается гортань твоя, в которой бывает поглощено все, что дают ей, и многоценное, прежде нежели ею принято, делается ничего не стоящим по принятии. Тебя изнежило обоняние? Избегай благовоний. Расслабило осязание? Откажись от всего, что гладко и мягко. Убедил слух? Затвори двери всякой обольстительной и праздной беседе. *Открывай уста твои слову Божию* (Притч 31, 81), чтобы привлечь Дух, а не похитить себе смерти. Если обольщает тебя что-нибудь запрещенное, вспомни, кто ты был и от чего погиб. Если хотя несколько уклонился ты от здравого смысла, войди в себя, пока не совершенно обезумел и подвергся смерти,

из ветхого стань новым и празднуй обновление души. Гнев питай на одного только змия, через которого ты пал. Всю страстную силу твою устреми к Богу, а не к чему-либо иному злокозненно-му и обманчивому. Во всем да начальствует рассудок, и лучшее в тебе да не будет увлечено худшим. Не питай ненависти, и притом без причины, к брату своему, за которого Христос умер и, будучи Богом и Владыкой, стал твоим братом. Не завидуй благоуспевшему ты, который сам возбудил к себе зависть, поверил, что тебе завидуют, и через то низложен. Не презирай слез ты, который сам претерпел достойное многих слез и потом помилован. Не отталкивай от себя бедного ты, который обогащен Божеством; в противном случае по крайней мере не обогащайся во вред бедному, ибо и это уже много значит при нашей ненасытности. Не презирай странника, за которого Христос был странником (а у Христа все мы странники и пришельцы), да не будешь по-прежнему устранен из рая. Нуждающемуся в крове, пище и одежде доставь это ты, который пользуется этим, и еще сверх нужды. Не люби богатства, если оно не помогает бедным. Прощай — получивший прощение, милуй — помилованный. Человеколюбием приобретай человеколюбие, пока есть к тому время. Да обновится у тебя вся жизнь, да обновятся тебе пути твоей деятельности.

Живущие под игом супружества! Дайте нечто и Богу, потому что вы связаны. Девы! Отдайте Богу все, потому что вы свободны. Не будьте хищницами рабского сластолюбия, избегающие свободы тем, что живете с мужьями, хотя они вам не мужья. Не терплю, чтобы вы непрестанно страдали сладострастными воспоминаниями. Ненавижу знакомства через воздух. Сильные, убойтесь Сильнейшего; сидящие на высоких престолах, устрашитесь Вышнего! Не дивись тому, что постоянно. Не презирай того, что постоянно. Не сжимай крепко того, что, взятое в руки, расплывается. Не ревнуй о том, что достойно не зависти, а ненависти. Не возносись высоко, чтобы не пасть глубже. Не почитай для себя великим казаться лучше плохих, но скорби, что превосходят тебя добрые. Не смейся падению ближнего; сам ходи, сколько можешь, непреткновенно, но и лежащему на земле подавай руку. В печали не теряй надежды на благоденствие и при успешном течении дел жди печали. В один год бывают четыре времени года; одно мгновение производит многие перевороты. Удовольствие да пресекается у тебя заботой, а скорбь — лучшей надеждой. Так обновляется человек, так чествуется день обновления, таким наслаждением, такими яствами. *Да не являются, сказано, пред лице Мое с пустыми руками* (Исх 23, 15), но принесут с собой что-нибудь

доброе. А теперь явись новым, с иными нравами, всецело измененным. Древнее прошло, теперь все новое (2 Кор 5, 17). Этим плодоноси празднику, изменись добрым изменением и даже в таком случае не думай о себе высоко, но скажи с Давидом: *это изменение десницы Всевышнего* (Пс 76, 11), от Которого все благоуспешное в людях.

Слово Божие хочет, чтобы ты не на одном месте стоял, но находился в постоянном движении, был благодвижен, совершенно новосоздан и если грешишь, отворачивался от греха, а если благоуспеваешь, еще более напрягал силы. Вчера вера твоя была сообразна с обстоятельствами времени, ныне познай веру Божию. *Долго ли тебе хромать на оба колена* (3 Цар 18, 21)? Долго ли будешь готовить нужное к строению? Займись наконец самой постройкой. Вчера вменял ты себе в честь казаться, ныне вмени в большую себе честь быть тем на самом деле. Долго ли будут одни грезы? Позаботься когда-нибудь и о действительности! Вчера ты был любителем зрелищ; окажись ныне любителем созерцаний. Вчера был ты злоречив, нагл, ныне говори одно доброе и будь кроток. Вчера предавался ты пьянству, ныне служи целомудрию. Ныне пьешь вино, завтра пей воду. *Ныне нежишься на ложах из слоновой кости и мажешься наилучшими мастями* (Ам 6, 4–6), завтра ложись на голой земле и бодрствуй.

Из смеющегося сделайся задумчивым, вместо щегольских одежд надень рубище, вместо высокомерного и напыщенного вида прими простую наружность, из златоносца стань любителем нищеты, из высокомерного — поникшим к земле. Если так будешь рассуждать и поступать, то будет небо новое и земля новая для тебя, постигающего как прочее, так и этому основание.

Но перейдем уже и к тому, чтобы воспризнать прилично времени. Ибо все прекрасно собирается к торжеству и радуется. Смотри, каково видимое! Царица времен года выходит навстречу царице дней и приносит от себя в дар все, что есть прекраснейшего и приятнейшего. Ныне небо прозрачно, ныне солнце выше и златовиднее, ныне круг луны светлее и сонм звезд чище. Ныне вступают в примирение волны с берегами, облака с солнцем, ветры с воздухом, земля с растениями, растения со взорами. Ныне источники струятся прозрачнее, ныне реки текут обильнее, разрешившись от зимних уз, луг благоухает, растение цветет, трава скашивается и агнцы скачут на злачных полях. Уже корабль выводится из пристани с восклицаниями, притом большей частью благоугодными, и окрыляется парусом; дельфин, с возможным удовольствием переводя дыхание и поднимаясь наверх, играет около корабля и неумоимо сопровождает плывущих.

Уже земледелец водружает в землю плуг, возводя взор ввысь и призывая на помощь Подателя плодов; уже ведет он под ярмо вола-пахаря, прорезает пышную борозду и веселится надеждами. Уже пасущие овец и волов настраивают свирели, наигрывают пастушескую песнь и встречают весну под деревьями и на утесах, уже садовник ухаживает за деревьями, птицелов заготавливает клетки, осматривает лучки, замечает полет птиц, рыболов всматривается в глубины, очищает сетки и сидит на камнях. Уже трудолюбивая пчела, расправив крылья и оставив улей, показывает свою мудрость, летает по лугам, собирает добычу с цветов, и иная обделывает соты, переплетая шестиугольные и одна на другую поставленные чашечки и смыкая их попеременно то прямо, то под углом, вместе для красоты и для прочности; а иная складывает мед в эти хранилища и возделывает для пришлого гостя сладкий и без плуга возвращенный плод. О если бы поступили так и мы, Христос-Пчеловод, мы — имеющие перед собой такой образец мудрости и трудолюбия! Уже птица вьет себе гнездо, одна прилетает в него временно, другая живет в нем постоянно, а иная летает вокруг, оглашает лес и как бы разговаривает с человеком. Все воспеваает Бога и славит Его бессловесными гласами. И через меня за все приносится благодарение Богу. Таким образом, хвалебная их

песнь делается моею, от них и я беру повод к песнословию. Ибо ныне выражает радость свою все живущее и у нас наслаждается всякое чувство. Ныне гордый и горячий конь, которому наскучило стоять под кровлей, разорвал привязь, скачет по полю и красуется при реках.

Что еще? Ныне мученики под открытым небом совершают торжественное шествие, к светлым алтарям созывают народ христолюбивый и возвещают свои подвиги. К их числу принадлежит и мой венценосец (он мой, хотя и не у меня; да падет зависть! — говорю знающим), знаменитейший Мамант, и пастырь и мученик. Он прежде доил ланей, которые одна перед другой спешили наплатить праведника необыкновенным молоком; а теперь пасет народ матери городов и сегодня, среди многих тысяч отовсюду спешащих людей, празднует обновление весны — как отличающейся красотою добродетелей, так достойной пастырей и торжественных слов.

Скажу еще короче: ныне весна естественная, весна духовная, весна для душ, весна для тел, весна видимая, весна невидимая, и о если бы мы сподобились ее там, прекрасно изменившись здесь и обновленными придя в новую жизнь о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому всякая слава и честь и держава со Святым Духом, во славу Бога Отца. Аминь!

СЛОВО 45

На Святую Пасху

На стражу мою стану, — говорит чудный Аввакум (Авв 2, 1). Стану с ним ныне и я, по данным мне от Духа власти и созерцанию; *посмотрю* и узнаю, что будет мне показано и что сказано. Я стоял и смотрел: и вот муж, восшедший на облака, муж весьма высокий, и *образ его как образ Ангела* (Суд 13, 6), и одежда его, как блистание летящей молнии. Он воздел руку к востоку, воскликнул громким голосом (а глас его, как глас трубы, и вокруг него как бы воинство небесное) и сказал: «Ныне спасение миру, миру видимому и миру невидимому! Христос из мертвых — восстаньте с Ним и вы; Христос во славе Своей — восходите и вы; Христос из гроба — освобождайтесь от уз греха; отверзаются врата ада, истребляется смерть, отлагается ветхий Адам, совершается новый: *кто во Христе, тот новая тварь* (2 Кор 5, 17), обновляйтесь». Так говорил он, а другие воспели то же, что и прежде, когда явился нам Христос через дольнее рождение: *Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение* (Лк 2, 14).

С ними и я (о если бы иметь мне и голос, достойный ангельской песни и оглашающий концы мира!) вещаю вам так: Пасха! Господня Пасха!

И еще скажу в честь Троицы: Пасха! Она у нас праздников праздник и торжество торжеств; настолько превосходит все торжества, не только человеческие и земные, но даже Христовы и для Христа совершаемые, насколько солнце превосходит звезды. Прекрасно у нас и вчера блистало и сияло все светом, каким наполнили мы и частные дома, и места общественные, когда люди, всякого почти рода и всякого звания, щедрыми огнями осветили ночь, во образ великого света, света, которым небо сияет свыше, озаряя целый мир своими красотами, света премирного, который в Ангелах, первой светлой природе после Первого Естества, из Него исходит, — и Света в Троице, Которой составлен всякий свет, от неделимого Света разделяемый и украшаемый. Но прекраснее и блистательнее нынешняя светозарность, потому что вчерашний свет был предтечей великого и воскресшего Света и как бы предпраздничным весельем, а ныне празднуем само воскресение, не ожидаемое еще, но уже совершившееся и примиряющее собой весь мир.

Поэтому иные пусть принесут какие ни есть другие плоды и всякий пусть предложит времени свой дар — дар праздничный, большой или малый, недуховный и Богу угодный, сколько у каждого достанет на то сил. Ибо дар соразмерный достоинству едва ли принесут и Ангелы — существа

первые, духовные и чистые, зрители и свидетели горней славы, хотя они способны к совершеннейшему песнословию. А я принесу в дар слово, как лучшее и драгоценнейшее из всего, что имею, наипаче же, когда воспеваю Слово за благодеяние к разумному естеству. С этого и начну. Ибо, принося в жертву слово о великой Жертве и о величайшем из дней, не могу не прибегнуть к Богу и не в Нем положить для себя начало. И вы, услаждающиеся подобными предметами, чтобы выйти вам отсюда насладившимися действительно неудобоистощаемым, поскольку слово у меня о Боге и божественно, очистите и ум, и слух, и мысль. Слово же будет самое полное и вместе самое краткое, как не огорчит недостатком, так не наскучит и излишеством.

<...>¹

Для любителей учености и изящества неплохо, может быть, кратко разобрать наименование самой Пасхи, ибо такое отступление будет не недостойно слушания. Великая и досточтимая Пасха называется у евреев *фаской* на их языке (где

¹ Здесь у святителя Григория помещено пространное рассуждение о беспредельности Божества и о сотворении ангельского мира и человека, практически дословно совпадающее с аналогичным рассуждением в Слове 38 (На Богоявление, или на Рождество Христово). Здесь мы это место опускаем.

слово это значит *переход*) — исторически по причине бегства и переселения из Египта в Хананею, а духовно по причине прохождения и восхождения от дольного к горнему и в землю обетованную. Но во многих местах Писания встречаем, что некоторые названия из неясных изменены на яснейшие или из грубых на благоприличнейшие; то же видим и здесь. Ибо некоторые, приняв слово это за наименование спасительного страдания, потом приспособив к эллинскому языку, после изменения Ф на П, и К на Х, назвали этот день Пасхою¹. А привычка к измененному слову сделала его наиболее употребимым, потому что оно нравилось слуху народа как выражение более благочестивое.

Божественный апостол прежде нас еще сказал, что весь закон есть *тень будущего* (Кол 2, 17) и умопредставляемого. И Бог, говоривший с Моисеем, когда давал об этом законы, сказал: *Смотри, сделай все по образцу, показанному тебе на горе* (Исх 25, 40), давая этим понять, что видимое есть некоторый оттенок и предначертание невидимого. И я уверен, что ничего не установлено было напрасно, без основания, с целью низкой и недостойной Божия законодательства и Моисеева служения, хотя и трудно для каждой тени изобрести

¹ В греческом — *πάσχω* — *стражду*.

особое умозрение, объясняющее все подробности узаконенного относительно самой скинии, мер, вещества, левитов, носивших ее и служивших при ней, и касательно жертв, очищений и приношений. Это доступно созерцанию только тех, которые подобны Моисею добродетелью и наиболее приближаются к нему ученостью. Ибо и на самой горе является Бог людям, частью Сам нисходя со Своей высоты, а частью нас возводя от дольней низости, чтобы Недостижимый был постигнут смертной природой, хотя в малой мере и насколько для нее безопасно. Да и невозможно, чтобы тяжесть брэнного тела и ума-узника постигла Бога не иначе, как при Божией помощи. Поэтому и тогда не все, как известно, удостоены одинакового чина и места, но один удостоен того, а другой — другого, каждый же, как думаю, по мере своего очищения. А иные и совершенно были удалены и получили дозволение слышать один глас свыше — это те, которые нравами уподоблялись зверям и недостойны были Божественных таинств. Впрочем, мы, избрав середину между теми, которые совершенно грубы умом, и теми, которые слишком предаются умозрениям и парениям ума, чтобы не остаться вовсе недеятельными и неподвижными, а также и не стать пытливыми сверх меры, не уклониться и не удалиться от предположенного предмета (одно было бы нечто

иудейское и низкое, другое же походило бы на толкование снов, а то и другое равно предсудительно), будем беседовать об этом по мере возможности, не вдаваясь в крайние нелепости, достойные осмеяния.

Рассуждаю же так. Поскольку нас, которые вначале пали через грех и сластолюбие, вовлечены даже в идолопоклонничество и беззаконное кровопролитие, надлежало опять возвести и привести в первобытное состояние, по великому милосердию Бога, Отца нашего, не потерпевшего, чтобы оставалось поврежденным такое произведение руки Его — человек, то каким образом воссозидается он? И что при этом происходит? Не одобрено сильное врачевание, как неверное и способное произвести новые раны, по причине затвердевшей от времени опухоли; найден же для исправления кроткий и человеколюбивый способ врачевания, потому что и кривая ветвь не выносит внезапного перегиба и усилия выпрямляющей руки и скорее может переломиться, нежели выпрямиться. Горячий и старый конь не терпит мучительной узды без какой-нибудь лести и ласки. Поэтому дается нам в помощь закон, как бы стена, поставленная между Богом и идолами, чтобы отводить от идолов и приводить нас к Богу. И вначале позволяет он иное маловажное, чтобы приобрести важнейшее. Дозволяет пока жертвы,

чтобы восстановить в нас ведение о Боге. Потом, когда наступило время, отменяет и жертвы, постепенными лишениями премудро изменяя нас и привыкших уже к благопокорности приводя к Евангелию. Так и на этот случай появился написанный закон, собирающий нас ко Христу, и такова, по моему рассуждению, причина жертв!

Но чтобы познал ты глубину мудрости и богатство неисследимых судов Божиих, сами жертвы не оставил Бог вовсе неосвященными, несовершенными и ограничивающимися одним пролитием крови, но к подзаконным жертвам присоединяется великая и относительно к первому Естеству, так сказать, незакалываемая Жертва — очищение не малой части Вселенной и не на малое время, но целого мира и вечное. Для этого берется *агнец* (Исх 12, 5) по незлобию и как одеяние древней наготы, ибо такова Жертва, за нас принесенная, которая есть и именуется одеждой нетления. Совершенна не только по Божеству, в сравнении с Которым ничего нет совершеннее, но и по воспринятому естеству, которое помазано Божеством, стало тем же с Помазавшим и, осмелюсь сказать, вкупе Богом. Мужской пол, потому что приносится за Адама, лучше же сказать, потому что крепче крепкого, первого падшего во грехе, особенно же потому, что не имеет в Себе ничего женского, несвойственного мужу, а напротив,

по великой власти, силой расторгает девственные и материнские узы и рождается от пророчицы мужской пол, как благовестует Исаия (Ис 8, 3). *Однолетний, как солнце правды* (Мал 4, 2), или оттуда¹ выходящее, или описываемое видимым и к Себе возвращающееся, и как благословенный *венец благодати* (Пс 64, 12), повсюду Сам Себе равный и подобный, а сверх этого и как то, чем оживотворяется круг добродетелей, не приметно между собой сливающихся и растворяющихся по закону взаимности и порядка. Непорочный и нескверный, потому что врачует от позора и от недостатков и скверн, произведенных повреждением, ибо хотя воспринял на Себя наши грехи и понес болезни, но Сам не подвергся ничему требующему излечения. *Искушен* был во всем подобно нам, *кроме греха* (Евр 4, 15), потому что гонитель Света, светящегося во тьме, Его не объял (Ин 1, 5). Что еще? Упоминается первый месяц, или, лучше сказать, *начало месяцев* (Исх 12, 2), или потому что он был таким у евреев издавна, или потому что сделался таким впоследствии, с этого именно времени, и от таинства принял наименование первого. *В десятый день месяца* (Исх 12, 3) — это самое полное из чисел, первая из единиц совершенная единица и родительница совершенства. Соблюдается

¹ С небес.

до пятого дня (Исх 12, 6), может быть потому, что жертва моя есть очистительная для чувств, от которых мое падение и в которых брань, так как они приемлют в себе жало греха. Избирается же не *от агнец* только, но и из худшей природы, из стоящих по левую руку, *от козлиц* (Исх 12, 5), потому что закаляется не за праведных только, но и за грешных, и за последних, может быть, тем больше, что имеем нужду в большем человеколюбии. Ничуть же не удивительно, что особенно требуется *агнец* от каждого семейства, а если нет, то по бедности через складчину от нескольких домов. Ибо всего лучше, чтобы каждый сам собой достаточен был к приобретению совершенства и зовущему Богу приносил жертву живую, святую, всегда и во всем освящаемую. Если же нет, то должен привлечь к этому помощников, сродных ему по добродетели и подобных нравом. Это, как думаю, значит, в случае нужды, приобщать к жертве соседей. Потом священная ночь, соперница этой ночи — настоящей нераздельной жизни, ночь, в которую истребляется первородная тьма, все приходит во свет, в порядок и в свой вид, прежнее безобразие приемлет благообразность. Потом бежим от Египта, мрачного гонителя — греха, бежим от фараона, невидимого мучителя и от немилосердных надзирателей; переселяясь в горний мир, освобождаемся от работы с глиной

и кирпичами, от состава этой тленной и непостоянной плоти, всего чаще ничем не управляемой кроме бранных помыслов. Потом закаляется агнец и честной кровью запечатлеваются дела и ум, или сила и деятельность — эти косяки (Исх 12, 7) наших дверей, имею в виду движения мысли и мнения, прекрасно отверзаемые и заключаемые умозрением, потому что и для понятий есть некоторая мера. Потом последняя и тягчайшая казнь гонителям, подлинно достойная ночи: Египет плачет над первенцами собственных помыслов и дел, что называется в Писании племенем халдейским отнятым (Ис 48, 14) и вавилонскими младенцами, разбиваемыми и сокрушаемыми о камень (Пс 136, 9). Везде у египтян рыдание и вопль, а от нас отступит тогда их губитель, почитая помазание и страшась его. Потом отказ от квасного в продолжение семи дней (число самое таинственное и состоящее в близком отношении к этому миру), удален давнего и застаревшего заблуждения (а не хлебной и жизненной закваски), чтобы не иметь при себе в пути египетского теста и остатков фарисейского и безбожного учения. Египтяне будут плакать, а мы да съедим агнца вечером (Исх 12, 6), потому что при конце веков страдание Христово. И Христос, разрушая греховную тьму, вечером приобщает учеников таинству. Не вареный, но испеченный (Исх 12, 8–9), чтобы у

нас в слове не было ничего необдуманного и водянистого и легко распадающегося, но чтобы оно было твердо и плотно, искушено огнем очистительным, свободно от всего грубого и излишнего, чтобы добрыми углями, воспламеняющими и очищающими нашу мысленную способность, Пришедший помог нам *низвести на землю огонь* (Лк 12, 49), которым истребляются худые навыки, и Поспешающий возжечь его. А что в слове плотского и питательного, пусть будет съедено и потреблено с внутренностями и сокровенностями ума и подвергнуто духовному перевариванию — все от головы и до ног, то есть от первых умозрений о Божестве и до последних рассуждений о воплощении. Но ничего не вынесем, ничего не оставим *до утра* (Исх 12, 10), потому что многие из наших таинств не должны быть разглашаемы посторонним, потому что по прошествии этой ночи нет очищения, потому что не похвально до другого времени откладывать тем, которые приняли слово. Как хорошо и богоугодно, чтобы гнев не продолжался целый день, но прекращался до захода солнца (понимать ли это о действительном времени или таинственно, ибо не безопасно для нас, гневающихся, видеть зашедшим Солнце правды), так этого яства не следует оставлять на всю ночь и откладывать к следующему дню. А *кости* и несъедобное, то есть недоступное нашему

пониманию, да *не сокрушатся* (Исх 12, 10), через худое разделение и разумение (повременю говорить о том, что кости Иисуса не сокрушены и в историческом смысле, хотя распинатели и желали ускорить смерть по причине субботы), и да не будут извержены и расхищены, чтобы святыни не дать псам — злым терзателям слова, и не бросать свиньям того, что в слове светло, как бисер, но да сожжется это огнем, которым пополяются и все소жжения все испытующим и ведущим Духом истончаемые и соблюдаемые, а не гибнущие и не рассеиваемые по водам, как поступил Моисей с отлитой израильтянами главой тельца, в укоризну их жестокосердия.

Не должно оставить без внимания и образ вкушения, потому что закон не умолчал и этого, но и об этом сокрыл умозрение в букве. Потребим жертву с усердием, съедая с *пресным хлебом и с горькими травами* (Исх 12, 8), перепоясав чресла и надев обувь и подобно старцам опершись на *посохи* (Исх 12, 11). С усердием, чтобы не сделать того, что заповедь запрещает Лоту, не будем оглядываться и нигде [не будем] останавливаться в окрестности сей, будем спасаться на горе, чтобы не погибнуть от содомского и необычайного огня (Быт 19, 17), и да не отвердеем в соляной столп от возвращения к худшему, что производится задержкой. С горькими травами, потому

что жизнь по Богу горька и трудна, особенно для начинающих, и она презирует удовольствия. Ибо хотя новое *иго благо* и *бремя легко*, как слышишь (Мф 11, 30), но оно таково по причине надежды и воздаяния, которое несравненно щедрее, нежели чего заслуживало бы здешнее злострадание. А без этого кто не сознается, что Евангелие гораздо труднее и тягостнее законных постановлений? Закон возбраняет совершение грехов, а нам обращаются в вину и причины, почти как действия. Закон говорит: *не прелюбодействуй* (Мф 5, 27). А ты не имей и вожделения, не возжигай страсти любопытным и внимательным воззрением. В законе сказано: *не убивай* (Мф 5, 21). А ты не только не мсти за удар, но даже отдай себя в волю бьющему. Настолько последнее любомудреннее первого! Закон говорит: *не преступай клятвы* (Мф 5, 33). А ты вовсе не клянись, ни мало, ни много, потому что клятва рождает клятвопреступление. Закон говорит: *не прибавляй дом к дому, и поле к полю* (Ис 5, 8), *притесняя бедного* (Иез 22, 29). А ты отдай с готовностью и приобретенное правдой, обнажи себя для нищих, чтобы с легкостью взять тебе крест и обогатиться невидимым. Чресла несвязанные и неопоясанные пусть будут у бессловесных, потому что они не имеют разума, господствующего над сластолюбием (не говорю пока, что и они знают предел

естественного движения). А ты поясом и целомудрием укроти в себе похотливость и это *ржание*, как говорит Божественное Писание (Иер 5, 8), порицая гнусность страсти, чтобы тебе чистому вкусить Пасху, *умертвив земные члены* (Кол 3, 5) и подражая поясу Иоанна, пустынника, Предтечи и великого проповедника истины. Знаю и другой пояс, именно воинский и означающий мужество, по которому некоторые называются *добропоясниками*¹ (Нав 4, 13) и *единопоясниками*² *сириян* (4 Цар 24, 2). О нем и Бог говорит, беседуя с Иовом: *препояшь, как муж, чресла твои* (Иов 40, 2) и дай мужественный ответ. И божественный Давид хвалится, что Бог *препоясует его силой* (Пс 17, 33), и Самого Бога представляет он *облеченным могуществом и препоясанным* (Пс 92, 1), очевидно против нечестивых, если кому не угодно понимать под этим изобилие и вместе как бы ограничение силы, в каком смысле Бог и *светом одевается, как ризой* (Пс 103, 2). Ибо кто устоит перед неограниченным Его могуществом и светом? Спрашиваю, что общего между чреслами и истиной? Что имеет в виду святой Павел, говоря: *станьте,*

¹ В греческом — εὐζωνοί — буквально: красиво подпоясанные, изящно стянутые поясом. В данном контексте *добропоясник* означает тяжеловооруженного воина (в славянском переводе Библии: *вооруженными на рать*).

² В греческом — μονόζωνοί — легковооруженные воины.

препоясав чресла ваши истиной (Еф 6, 14)? Не то ли, что созерцательность обуздывает в нас силу вожделения и не позволяет ей стремиться в иное место? Ибо любовь к чему бы то ни было одному не позволяет с такой же силой стремиться к другим удовольствиям.

Кто намеревается вступить в землю святую и носящую на себе следы Божии, тот да снимет обувь, как и Моисей на горе (Исх 3, 5), чтобы не внести чего-либо мертвого и составляющего средостение между Богом и людьми. Также, если какой ученик посылается на благовествование, ему, как любомудренному и чуждому всякого излишества, должно не только не иметь при себе меди, жезла и более одной одежды, но и быть необутым, чтобы видны были прекрасные *ноги благовествующих мир* (Ис 52, 7) и все прочие блага. Но кто бежит от Египта и от всего египетского, тот должен быть в сапогах, для безопасности как от чего другого, так от скорпионов и змей, которых в Египте множество, чтобы не потерпеть вреда от подстерегающих пяту, на которых нам приказано наступать (Лк 10, 19). О жезле же и сокровенном его значении думаю так. Мне известен жезл, употребляемый для опоры, а также жезл пастырский и учительский, которым обращают на путь словесных овец. Но теперь повелевает закон взять тебе жезл для опоры, чтобы ты не преткнулся мыслью, когда

слышишь о крови, страдании и смерти Бога, и, думая стать защитником Божиим, не впал в безбожие. Напротив, смело и не сомневаясь ешь Тело и пей Кровь, если желаешь жизни. Без неверия внимай учению о Плоти и не соблазняясь слушай учение о страдании, стой опершись твердо, незыблемо, нимало не колеблясь перед противниками, нимало не увлекаясь учениями вероятности, поставь себя на высоту, поставь *ноги во вратах Иерусалима* (Пс 121, 2), утверди на камне, *да не колеблются стопы твои* (Пс 16, 5), шествующие по Богу. Что скажешь? Так угодно было Богу, чтобы ты вышел из *Египта, из печи железной* (Втор 4, 20), оставил тамошнее многобожие и веден был Моисеем — законодателем и военачальником.

Предложу тебе совет и неприличный мне, лучше же сказать, совершенно приличный, если будешь смотреть духовно. Возьми у египтян взаем золотые и серебряные сосуды и иди с ними, запасись на дорогу чужим, лучше же сказать, своим собственным. Тебе должно получить плату за рабство и делание кирпичей; ухитрись как-нибудь вытребовать ее, возьми у них обманом. Да! Ты здесь бедствовал, боролся с глиной — с этимременительным и нечистым телом, строил чужие и непрочные города, память которых погибает с шумом (Пс 9, 7). Что же? Ужели выйти тебе ни с чем, без вознаграждения? Ужели оставишь

египтянам и чуждым силам что они худо приобрели и еще хуже расточают? Это не их собственность, они насильно себе присвоили, похитили у Того, Кто сказал: *Мое серебро и Мое золото* (Агг 2, 9), Я дам его кому хочу. Вчера принадлежало им — так было разрешено, а ныне Владыка приносит и дает тебе, который употребит хорошо и спасительно. Приобретем сами себе *друзей богатством неправедным*, когда обнищаем — во время суда, возьмем свое назад (Лк 16, 9). Если ты Рахиль или Лия, душа патриаршеская и великая, — укради идолов, каких найдешь у отца своего, не для того, чтобы их сберечь, но чтобы уничтожить. Если ты мудрый израильтянин — перенеси их в землю обетованную. Пусть гонитель скорбит и об этом, и перехитренный узнает, что он напрасно тиранил и порабощал тех, кто лучше него.

Если так поступишь, то выйдешь из Египта; несомненно знаю, что столп огненный и облачный будет указывать тебе путь и днем и ночью, пустыня станет не дикой, море разделится, фараон погрязнет, дождь польет хлеб, камень источит воду, Амалик будет низложен не оружием только, но и бранноносными руками праведников, изображающими вместе и молитву, и непобедимое знамение Креста, река остановится в течении, солнце станет, луна замедлит в пути, стены падут

и без стенобитных орудий, предшествовать будут *шершни* (Втор 7, 20), пролагая путь Израилю и отражая иноплеменников; и не затягивая слова скажу, что все то, что повествуется за этим и вместе с этим, дано тебе будет от Бога.

Таков праздник, который празднуешь ты ныне! Таково пиршество, которое предлагается тебе в день рождения ради тебя Родившегося и в день погребения ради тебя Пострадавшего! Таково для тебя таинство Пасхи! Это предписал закон, это совершил Христос — разоритель буквы, совершитель духа, Который, Своими страданиями уча страдать, Своим прославлением дарует возможность с Ним прославиться.

Остается исследовать вопрос и догмат, оставляемый без внимания многими, но для меня весьма требующий исследования. Кому и для чего пролита эта излиянная за нас кровь — великая и преславная кровь Бога и Архиерея и Жертвы? Мы были во власти лукавого, проданные под грехи и сластолюбием купившие себе повреждение. А если цена искупления дается не иному кому, как содержащему во власти, спрашиваю: кому и по какой причине принесена такая цена? Если лукавому, то как это оскорбительно! Разбойник получает цену искупления, получает не только от Бога, но Самого Бога, за свое мучительство берет такую безмерную плату, что за нее справедливо

было пощадить и вас! А если Отцу, то, во-первых, каким образом? Не у Него мы были в плену. А во-вторых, по какой причине кровь Единородного приятна Отцу, Который не принял и Исаака, приносимого отцом, но заменил жертвоприношение, вместо обещанной жертвы дав овна? Или из этого видно, что приемлет Отец не потому, что требовал или имел нужду, но по домостроительству и потому, что человеку нужно было освятиться человечеством Бога, чтобы Он Сам избавил нас, преодолев мучителя силой, и возвел нас к Себе через Сына посредствующего и все устрояющего в честь Отца, Которому Он во всем является покорным? Таковы дела Христовы, а большее да почтено будет молчанием.

Медный же змий хотя и повешен против угрызающих змиев, однако же не как образ Пострадавшего за нас, но как изображающий противное, и взирающих на него спасает не через уверенность, что он жив, но потому, что низложенный (чего и достоин был) сам умерщвлен и умерщвляет с собой подчинившиеся ему силы. И какая приличная ему от нас эпитафия? *Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?* (1 Кор 15, 55)? Ты низложен Крестом, умерщвлен Подателем Жизни, бездыханен, мертв, недвижим, бездействен и хотя сохраняешь образ змия, но предан позору на высоте!

Но причастимся Пасхи, ныне пока прообразовательно, хотя и откровеннее, нежели в Ветхом Завете. Ибо подзаконная Пасха (осмеливаясь сказать и говорю) была еще более неясным образом образа. А впоследствии и скоро причастимся совершеннее и чище, когда Слово будет пить с нами это *новое в Царстве Отца* (Мф 26, 29), открывая и преподавая, что ныне явлено им в некоторой мере, ибо познаваемо ныне всегда ново. В чем же состоит это питье и это вкушение? — Для вас в том, чтобы учиться, а для Него — чтобы учить и сообщать ученикам Своим слово, ибо учение есть пища и для питающего.

Но постепенно и мы приобщимся к закону по Евангелию, а не по письменам, совершенно, а не несовершенно, вечно, а не временно. Сделаем для себя главой не земной Иерусалим, но горнюю митрополию — город, не воинствами ныне попираемый, но прославляемый Ангелами. Не будем приносить в жертву *тельцов* и *агнцев с рогами и копытами* (Пс 68, 32), в которых много мертвенного и бесчувственного. Но *принесем Богу жертву хвалы* (Пс 49, 14) на горнем жертвеннике с горними ликами. Пройдем первую завесу, приступим ко второй завесе, заглянем во Свята Святых. Скажу еще более: принесем в жертву Богу самих себя, лучше же будем ежедневно приносить и всякое движение. Все примем ради Слова,

в страданиях будем подражать Страданию, кровью почтим Кровь, охотно взойдем на крест. Вожделенны гвозди, хотя и очень болезненны. Ибо страдать со Христом и за Христа вожделеннее, нежели наслаждаться с другими.

Если ты Симон Киринейский, то возьми крест и последуй [за Господом]. Если ты распят со Христом, как разбойник, то, как благоразумный, познай Бога. Если Он и к злодеям причислен (Мк 15, 28) за тебя и за твой грех, то будь ты ради Него исполнителем закона. И распинаемый поклонись Распятому за тебя, извлеки пользу даже из порочной своей жизни, купи смертью спасение, войди со Иисусом в рай, чтобы узнать, откуда ты ниспал, созерцай тамошние красоты, а ропщущего оставь с его хулами умереть вне. Если ты Иосиф Аримафейский, проси тела у распинающего; очищение мира пусть будет твоим очищением. Если ты Никодим, ночной богопочитатель, положи Его во гроб с благовониями. Если ты одна или другая из Марий, или Саломия, или Иоанна — плачь рано, старайся первой увидеть отваленный камень, а может быть и Ангелов, и Самого Иисуса; скажи что-нибудь, слушай голоса; и если услышишь: *не прикасайся ко Мне* (Ин 20, 17), стань вдали, окажи почтение Слову, но не оскорбляйся. Он знает, кому явиться прежде других. Обнови воскресение; Еве, которая пала первая,

помоги первой приветствовать Христа и возвестить ученикам. Будь Петром и Иоанном, спеши ко гробу, иди то скорее, то вместе (Ин 20, 4), соревнуясь добрым соревнованием. Если превзошли тебя скоростью, то превзойди усердием, не заглянув только во гроб, но войдя внутрь. Если, как Фома, не будешь вместе с собранными учениками, которым является Христос, — не будь неверен после того как увидишь. А если не веришь — поверь говорящим. Если же и им не веришь, то поверь язвам от гвоздей. Если снисходит в ад — нисходи с Ним и ты, познай и тамошние Христовы тайны: какое домостроительство и какая причина двоякого снисхождения? Всех ли без изъятия спасает, явившись там, или одних верующих? Если восходит на небо, то восходи с Ним и ты, будь в числе сопровождающих или встречающих Его Ангелов, вели *подняться вратам* (Пс 23, 7), сделаться выше, чтобы принять Возвысившегося страданием; недоумевающим по причине тела и знаков страданий, без которых снизошел и с которыми восходит, и потому вопрошающим: *кто есть этот Царь славы?* — ответствуй: *Господь крепок и силен* — силен как во всем, что всегда творил и творит, так и в нынешней брани и победе за человечество; и на двукратный вопрос дай двукратный ответ. Если будут удивляться, говоря, как в драматическом представлении у Исаии: *кто это идет*

от Едома и от земных? И отчего у Бескровного и бестелесного *червленые ризы*, как у винодела-
 теля, истоптавшего полное точило? (Ис 63, 1–3) —
 ты укажи на красоту одежды пострадавшего тела,
 украшенного страданием и просветленного Божес-
 твом, которое всего любезнее и прекраснее.

<...>¹

Но брань с ними или прекратим, если поже-
 лают, хотя и поздно, уцеломудриться, или отло-
 жим до времени, если не захотят этого, но оста-
 нутся такими же, каковы теперь. Нимало и ничего
 не убоимся, подвизаясь за Троицу и с Троицею.
 Теперь же нужно нам представить кратко содер-
 жание слова. Мы получили бытие, чтобы благо-
 денствовать, и благоденствовали после того, как
 получили бытие. Нам вверен был рай, чтоб на-
 сладиться, нам дана была заповедь, чтобы, сохра-
 нив ее, заслужить славу, — дана не потому, что
 Бог не знал будущего, но потому, что Он поста-
 новил закон свободы. Мы обольщены, потому
 что возбудили зависть, пали, потому что престу-
 пили закон; постились, потому что не соблюли
 поста, будучи побеждены древом познания, ибо

¹ Здесь у святителя Григория следует обличение ерети-
 ков, не признающих Богочеловечества Христова. Это
 место полностью совпадает с аналогичным обличением
 в Слове 38 (На Богоявление, или на Рождество Христо-
 во). Здесь эта часть Слова опущена.

древняя и современная нам была эта заповедь, служившая как бы пестуном для души и обузданием в наслаждении, и мы ей справедливо подчинены, чтобы соблюдением ее возратить себе то, что потеряли несоблюдением. Мы возымали нужду в Боге воплотившемся и умерщвленном, чтобы нам ожить. С Ним умерли мы, чтобы очиститься, с Ним воскресли, потому что с Ним умерли; с Ним прославились, потому что с Ним воскресли. Много было в то время чудес: Бог распинаемый, солнце омрачающееся и снова возгорающееся (ибо надлежало, чтобы и твари сострадали Творцу), завеса разорвавшаяся, кровь и вода, излившиеся из ребра (одна потому, что Он был человек, другая потому, что Он был выше человека), земля колеблющаяся, камни, распадающиеся ради Камня; мертвецы, восставшие для уверения в том, что будет последнее и общее воскресение, чудеса при погребении, которые воспет ли кто достойно? Но ни одно из них не уподобляется чуду моего спасения. Немногие капли крови воссоздадут целый мир и для всех людей делаются тем же, чем бывает закваска для молока, собирая и соединяя нас воедино. Но великая и священная Пасха и очищение всего мира! — буду беседовать с тобой, как с чем-то одушевленным. Слово Божие, и свет, и жизнь, и мудрость, и сила! — все твои наименования меня радуют. Порождение, исхождение

и впечатление великого Ума! Умопредставляемое Слово и Человек умосозерцаемый, Который *держит все словом силы Своей* (Евр 1, 3)! Прими теперь слово это, не первое, но, может быть, последнее мое плодоприношение; слово вместе благодарственное и молитвенное, чтобы мне не терпеть других скорбей, кроме необходимых и священных, в которых протекла жизнь моя. Остановили мучительную власть надо мной тела (ибо видишь, Господи, как она велика и обременительна), или приговор Твой, если от Тебя низлагаемся. Если же разрешусь, каким желаю и буду принят под небесный кров, то, может быть, и там возложу угодное на святой жертвенник Твой, Отче, и Слове, и Душе Святой. Ибо тебе подобает всякая слава, честь и держава вовеки. Аминь.

СЛОВО 16

В память святых мучеников Маккавеев

Что скажем о Маккавеех? Настоящее собрание — для них. И хотя не многие их чествуют, потому что подвизались не после Христа, однако же они достойны, чтобы все их чествовали, потому что терпели [страдания] за отеческие законы. Сделавшись мучениками прежде Христовых страданий, чего не совершили бы они,

подвергшись гонению после Христа и став подражателями Его смерти за нас? И без такого образца показав столько доблести, не оказались ли бы они еще более мужественными, если бы страдали, взирая на пример Христов? Но есть также таинственное и сокровенное учение (весьма правдоподобное для меня и для всякой боголюбивой души), по которому из достигавших совершенства прежде Пришествия Христова никто не достигал этого без веры во Христа. Ибо Слово, хотя ясно открылось уже впоследствии, в определенное время, однако же умам чистым было ведомо и прежде, как показывают многие прославленные до Христа. Почему и Маккавеев нельзя унижать за то, что страдали прежде Креста. Но поскольку пострадали по закону крестному, то и достойны похвал, и должны быть почтены словом, почтены не для того, чтобы получила приращение собственная их слава (слово прибавит ли славы тем, чьи дела славны?), но чтобы прославились восхваляющие и поревновали доблестям их слышащие, в воспоминании о них находя для себя побуждение к равным подвигам.

Кто и откуда были Маккавеи, чьим руководством и наставлением пользуясь вначале достигли такой доблести и славы, что почтены этими ежегодными торжествами и собраниями, и что

для них в душе каждого соблюдается слава, которая выше видимого прославления, — все это для людей любопытных и трудолюбивых покажет сочиненная о Маккавеех книга¹, которая, любознательствуя о том, что разум есть самовластитель над страстями и господин наклонностей к тому и другому, то есть к добродетели и пороку, в доказательство этого, между немалочисленными другими свидетельствами, приводит и подвиги Маккавеев. А для меня достаточно будет сказать следующее.

Здесь Елеазар — первый из пострадавших до Христа (как Стефан — первый из страдавших после Христа), иерей и старец, седой власами, седой и мудростью, приносивший прежде жертвы и молитвы за народ, а теперь приносящий самого себя Богу в жертву совершеннейшую, в очищение всего народа. Благознаменательное предначинание подвига! Вместе и велегласное, и безмолвное назидание! Но он приводит и семерых юношей — плод собственных его наставлений, *жертву живую, святую, благоугодную Богу* (Рим 12, 1), жертву, которая славнее и чище всякого подзаконного священнодействия. Ибо доблести сынов вменять отцу — всего законнее и справедливее.

¹ Имеется в виду сочинение Иосифа Флавия «В честь Маккавеев, или о самовластителе разуме».

Там сыны, мужественные и великие духом, благородные отрасли благородной матери, ревностные подвижники за истину, достойные времен не Антиоховых, истинные ученики Моисеева закона, строгие блюстители отеческих нравов, составляющие одно из чисел, уважаемых евреями, — число, отличенное таинством семидневного покоя, одним дышат, одно имеют в виду, один знают путь жизни — умереть за Бога! Они столько же братья по душе, как и по плоти, ревнуют друг другу в желании смерти (дивное зрелище!); как сокровища, предвосхищают один у другого мучения, твердо стоят за пестуна, то есть за закон, не столько боятся уготованных им мук, сколько желают тех, которых еще не видят; одного только страшатся — чтобы мучитель не прекратил истязаний, чтобы кому-либо из них не остаться неувенчанным, не разлучиться поневоле с братьями и не стать худым победителем, избежав, к несчастью, страданий.

Там мать бодрая и мужественная, вместе чадолюбивая и боголюбивая, терпит в материнском сердце терзания, невероятные по природе. Она не о страждущих сынах жалеет, но мучится опасением, что сыновья не будут страдать; не столько скорбит об отошедших, сколько желает, чтобы присоединились к ним оставшиеся, у нее больше заботы о последних, нежели о преставившихся;

потому что одним предстоит еще сомнительная борьба, а других кончина сделала безопасными; одних она вручила уже Богу, о других еще беспокоится, как примет их Бог. Какая мужественная душа в женском теле! Какое чудное и великодушное усердие! Подлинно — Авраамова жертва и, если не дерзко будет сказать, даже больше Авраамовой! Авраам охотно приносит одного сына, правда единокровного, рожденного по обетованию, — сына, для которого дано было обетование и (что важнее) который назначен быть начатком и корнем не только рода, но и подобных жертв, она же освятила Богу целый народ сынов; она и матерей и жрецов превзошла числом жертв, готовых на заклание всесожжений умных священноприношений, поспешающих к алтарю. Она указывала на грудь, напоминала о питании, свидетельствовалась сединой, употребляла старость в ходатайство за свои прошения не для того, чтобы спасти детей от смерти, но чтобы побудить их к страданиям, потому что почитала для них опасностью не смерть, но замедление смерти. Ничто ее не колебало, ничто не приводило в расслабление, не лишало радости: ни приготовленные деревянные дыбы, ни поставленные колеса, ни блоки, ни подмости, ни острота железных когтей, ни изошренные мечи, ни кипящие котлы, ни разведенный огонь, ни грозный мучитель, ни

стечение народа, ни окружающая воинская стража, ни предстоящие соплеменники, ни разрушение частей [тела], ни терзание плоти, ни потоки текущей крови, ни погубляемая юность, ни настоящие ужасы, ни ожидаемые страдания. И что для других бывает всего тяжелее в подобных случаях, то есть продолжительность бедствия, то для нее было всего легче. Она услаждалась зрелищем, как ни длились страдания, не только от разнообразия употребляемых истязаний (которые все действовали на нее менее, нежели на другого подействовало бы одно какое-нибудь истязание), но и оттого, что гонитель испытал все роды речи — то ругал, то грозил, то ласкал. Ибо к каким средствам ни прибегал он, чтобы достигнуть желаемого?

Но ответы юношей мучителю, по моему мнению, столько показывают мудрости и мужества, что как доблести других, взятые вместе, малы в сравнении с их терпением, так и само терпение мало в сравнении с благоразумными их речами. И им только одним свойственно было так страдать и с таким любомудрием отвечать на угрозы мучителя, на все, чем их устрашали и что нимало не преодолело ни мужественных сынов, ни еще более мужественной матери. Она, став выше всех и с материнской любовью соединив силу духа, приносит себя в прекрасный погребальный дар

детям и сама последует за отошедшими прежде нее. И притом как? Добровольно идет на страдания, не допустив даже, чтобы нечистое тело прикоснулось к ее чистой и мужественной плоти. И какие произносит она надгробные слова! Прекрасны, даже прекраснейшие из прекрасных были ответы сынов мучителю. Ибо не прекрасны ли те речи, вооружившись которыми низлагали они мучителя? Но еще прекраснее речи матери, сначала увещательные, а потом надгробные.

Итак, что же произнесено было сынами? Теперь весьма благовременно возобновить это в вашей памяти, чтобы иметь вам из этих времен образец как подвижничества, так и мученических речей. Каждый из братьев говорил что-нибудь свое, как вооружали его словом гонителя, очередь страдания и душевная ревность. Но если все речи их привести в одну, то говорили они так: «Антиох и вы все, предстоящие здесь! У нас один царь — Бог, от Которого получили мы бытие и к Которому возвратимся; один законодатель — Моисей, которому (клянемся в том бедствиями, какие претерпел он за добродетель, и многими его чудесами) мы не изменим и не нанесем бесславия, хотя бы угрожал другой Антиох, который и тебя свирепее. Для нас одно безопасное прибежище — соблюдать заповеди и не нарушать закона, которым ограждаемся как истиной. У нас

одна слава — для славы нашего закона презирать всякую славу; одно богатство — те блага, [получить] которые мы надеемся. А страшного для нас нет, кроме одного — убоиться чего-либо больше Бога. С такими мыслями и с таким оружием выступаем мы на брань; с такими юношами имеешь ты дело. Хотя вожделенны для нас и мир этот, и родная земля, и друзья, и сродники, и сверстники, и этот великий и славный храм, и отеческие праздники, и Таинства, и все, в чем поставляем свое преимущество перед другими народами, однако же не вожделеннее Бога и страданий за доброе дело. Нет, и не думай этого! Ибо для нас есть другой мир, который выше и постояннее видимого. Наше отечество — горний Иерусалим, которого никакой Антиох не отважится держать в осаде и не понадеется взять, так он крепок и неодолим! Наше родство — Божие вдохновение и все доблестно рожденные. Наши друзья — пророки и патриархи, служащие для нас образцом благочестия. Наши сверстники — все ныне бедствующие и современные нам в терпении. А храмом у нас великолепное небо, и празднество наше — ликостояния Ангелов. У нас одно великое, даже величайшее, и для многих сокровенное таинство — Бог, Который есть цель и здешних таинств. Итак, не обольщай больше нас обещаниями вещей маловажных и ничего

не стоящих. Не придаст нам чести бесчестное; не обогатит нас вредное; мы не решимся на такую жалкую куплю. Прекрати свои угрозы; иначе мы сами станем грозить тебе, чтобы обличить твое бессилие и показать, какие у нас готовы тебе казни. Ибо есть у нас и огонь, которым мучим гонителей. Не думаешь ли, что борешься с народами, городами и самыми изнеженными царями, из которых одни одержат верх, а другие, может быть, останутся и побежденными, потому что для них не такого рода опасность? Ты восстаешь против Божия закона, против благоначертанных скрижалей, против наших отеческих постановлений, получивших важность и по своему высокому значению, и по давности, восстаешь против семи братьев, которые живут как бы одной душой и опозорят тебя семью победными памятниками. Не важное дело — победить их; но великий стыд — потерпеть от них поражение! Мы потомки и ученики тех, которых вел [по пустыне] столп огненный и облачный, для которых расступилось море, стала река, остановилось солнце, дождем был хлеб, воздеяние рук обращало в бегство тысячи врагов, низлагая их молитвой, перед которыми укрощались звери, к которым не прикасался огонь, которых мужеству дивились и уступали цари. Скажем нечто и тебе самому известное: мы ученики Елеазара, мужество

которого тобой изведено. Сперва совершил свой подвиг отец, теперь вступают в борьбу дети; жрец уже отошел, вслед за ним пойдут и жертвы. Ты устрашаешь многим, но мы готовы еще на большее. Да и что сделаешь нам своими угрозами, горделивец? Какое причинишь нам зло? Никто не превзойдет крепостью готового на все страдания. Что ж медлит народ? Почему не приступают к делу? Для чего ожидать милостивого повеления? Где мечи? Где оковы? Пусть разводят больше огня, выпускают самых сильных зверей, готовят самые отличные орудия мучений, чтобы все было по-царски и стоило дорого! Я первородный; меня принеси прежде в жертву. Я последний из братьев, лучше изменить порядок. Нет, пусть кто-нибудь из средних делается первой жертвой, чтобы все мы были почтены равно. Но ты щадишь и ждешь, что переменим мысли. Еще, и не раз, повторяем тебе то же слово: мы не вкусим нечистого, не изъявим своего согласия; скорее ты уважишь наши постановления, нежели мы покоримся твоим; короче сказать, или избрети новые казни, или убедись, что мы презираем те, которые ты нам приготовил».

Так говорили братья мучителю; а как убеждали они друг друга! и какое представляли собой зрелище — подлинно прекрасное и священное! Для душ боголюбивых оно приятнее всего, что только

можно видеть и слышать. Я сам, при одном воспоминании, исполняюсь удовольствием, созерцаю перед собой мысленно подвижников и услаждаюсь повествованием о них. Они обнимали и лобызали друг друга; для них наступил праздник, как бы по совершении уже подвигов. «Пойдем, братья, — взывали они, — пойдем, поспешим на мучения, пока мучитель пылает еще на нас гневом, чтобы нам не утратить спасения, если он смягчится. Пир готов; не лишим себя его. Прекрасно видеть братьев, которые живут *вместе* (Пс 132, 1), вместе веселятся и служат друг другу щитом, но еще прекраснее, если они вместе бедствуют за добродетель. Если бы за отеческие постановления можно было бороться с оружием в руках — и в таком случае смерть была бы похвальна. Но поскольку не этого требуют обстоятельства, то принесем в жертву сами [свои] тела. Да почему же и не пожертвовать ими?

Если не умрем теперь, то разве никогда не умрем? Разве никогда не воздадим должного природе? Лучше обратим в дар, что надобно уступать по необходимости: перехитрим смерть; общее для всех обратим в свою собственность и ценой смерти купим жизнь. Ни один из нас да не будет жизнелюбив и робок. Пусть мучитель, преткнувшись о нас, отчается и в других. Пусть сам он назначает порядок, кому за кем страдать;

если кто и заключит собой ряд гонимых, — это не сделает различия в горячности нашего усердия. Первый из пострадавших да будет для других путем, а последний — печатью подвига. Все с равной твердостью положим на сердце, чтобы целым домом приобрести нам венцы, чтобы гонитель не имел в нас ни единой доли и не мог в кипении злобы похвалиться победой над всеми, победив одного. Докажем, что мы друг другу братья не только по рождению, но и в самой смерти; пострадаем все как один, и каждый из нас да пострадает в равной степени со всем. Прими нас, Елеазар, последуй за нами, мать; похорони великолепно мертвецов своих, Иерусалим, если только останется что для гроба; рассказывай о нас последующим родам и почитателям твоим показывай священное место погребения единоутробных».

Так говорили и действовали они, так по старшинству лет поощряли друг друга, подобно тому как вебрь острит один зуб другими. Все они сохраняли одинаковую ревность, к удовольствию и удивлению единоплеменников, на страх и ужас врагам. И враги хотя смело ополчились против целого народа, но единодушием семи братьев, подвижающихся за благочестие, столь были посрамлены, что теряли уже приятную надежду одолеть и прочих.

А мужественная и подлинно достойная таких доблестных сынов мать, эта великая и высокая духом воспитанница закона, подвигаемая двумя сильными движениями сердца, ощущала в себе смешение и радости, и страха: радости по причине мужества сынов и всего ею видимого, страха по неизвестности будущего и по причине чрезмерных мучений. И как птица, которая видит, что змея ползет к птенцам или другой кто замышляет против них злое, она летала вокруг, била крылами, умоляла, разделяла страдания детей. И чего не говорила, чего не делала, чтобы воодушевить их к победе! То похищала капли крови, то поднимала отторгнутые части членов, то благоговейно припадала к останкам; собирала члены одного сына, а другого отдавала мучителям и третьего приготавлила к подвигу. Всем возглашала: «Прекрасно, дети! Прекрасно, доблестные мои подвижники, почти бесплотные во плоти, защитники закона моей седины и святого града, который вас воспитал и возвел на такую высоту доблестей! Еще немного, и мы победили! Мучители утомились — этого одного боюсь. Еще немного, и я — блаженная из матерей, а вы — блаженные из юношей! Но вам жалко разлучиться с матерью? Не оставляю вас; обещаю вам это. Я не ненавистница детей своих».

Когда же она увидела, что все окончили жизнь и своей смертью избавили ее от беспокойств, тогда со светлым взором подымлет голову и, подобно олимпийскому победителю с бодрым духом воздевши руки, громко и торжественно говорит: «Благодарю Тебя, Отче Святой! Благодарю Тебя, наставник наш — закон! Благодарю тебя, наш отец и поборник чад твоих, Елеазар! Благодарю, что принят плод болезней моих и я сделалась матерью, священнейшей из матерей! Ничего не осталось у меня для мира; все отдано Богу — все мое сокровище, все надежды моей старости. Какая великая для меня почесть! Как прекрасно обеспечена старость моя! Теперь я вознаграждена за воспитание ваше, дети, — видела, как подвизались вы за добродетель, сподобилась увидеть всех вас увенчанными; даже на истязателей ваших смотрю как на благодетелей; готова свидетельствовать благодарность мучителю за это распоряжение, по которому сохранена я для страданий последняя, чтобы, выставив сначала на всеобщее обозрение рожденных мной и в каждом из них совершив мученический подвиг, после принесения всех жертв перейти мне отсюда в полной безопасности. И я не буду рвать на себе волос, раздирать одежды, терзать ногтями плоти, не стану возбуждать к слезам, созывать плачущих, заключаться в темное уединение, чтобы сам

воздух сетовал со мной, не буду ожидать утешителей и предлагать хлеба скорби. Все это прилично матерям малодушным, которые бывают матерями только по плоти, у которых дети умирают, не оставив по себе доброго слова. А вы у меня, любезнейшие дети, не умерли, но принесены в дар Богу; не навсегда разлучились со мной, но только переселились на время; не рассеяны, но собраны вместе; не зверь похитил вас, не волна поглотила, не разбойник погубил, не болезнь сокрушила, не война истребила и не другое какое-либо постигло вас бедствие, более или менее важное из обычных людям. Я стала бы плакать, даже горько плакать, если бы случилось с вами что-либо подобное. Тогда бы слезами доказала я свое чадолюбие, как доказываю ныне тем, что не проливаю слез. Мало этого. Тогда бы я действительно стала оплакивать вас, когда бы вы к вреду своему спаслись от мучения, когда бы мучители восторжествовали над вами и одержали верх хотя бы над одним из вас, как теперь побеждены вами сами гонители. А что совершилось ныне — это похвала, радость, слава, ликование и веселье для оставшихся. Но и я приношусь в жертву вслед за вами. И я буду сравнена с Финеесом, прославлена с Анной. Даже еще больше, потому что Финеес ревновал один, а вы явились многочисленными карателями блудников, поразив блудодеяние

не плотское, но духовное; и Анна посвятила Богу одного, Богом же данного, притом недавно рожденного сына, а я освятила семерых возмужавших и притом пожертвовавших собой добровольно. Да восполнит мое надгробное слово Иеремия, не оплакивающий, но восхваляющий преподобную кончину! *Вы были чище снега, белее молока, и лучше коралла* стал сонм ваш — рожденные и принесенные в дар Богу (Плач 4, 7)! Что же еще? Присоедини и меня к детям, мучитель, если и от врагов можно ждать милости. Присоедини и меня, — такая борьба будет для тебя славнее. О, как бы желала я претерпеть все те муки, какие терпели они, чтобы кровь моя смешалась с их кровью и старческая плоть — с их плотью! Для детей люблю сами орудия их страданий. Но если не будет этого, по крайней мере прах мой да соединится с их прахом и один гроб да примет нас! Не позавидуй равночестной кончине тех, которые равночестны по доблестям. Прощайте, матери, прощайте, дети! И матери так воспитывайте рожденных вами, и дети так воспитывайтесь! Прекрасный пример подали мы вам, как подвизаться подвигом добрым». Так сказала она и приложилась к сынам своим. Но как? — спросите вы. — Как на брачное ложе взойдя на костер, на который была осуждена. Не стала ждать, чтобы кто-нибудь возвел ее, не попустила, чтобы

нечистое тело коснулось ее чистой и мужественной плоти.

Так Елеазар насладился священством; так сам был посвящен и других посвятил в небесные таинства: не внешними кроплениями, но собственной кровью освятил Израиля и последний день жизни сделал праздником посвящения в таинство! Так сыны насладились юностью, не сластолюбиво раболепствуя, но, возобладав над страстями, очистили тело и представились к бесстрастной жизни! Так мать насладилась многочислием, так украшалась детьми при жизни их и упокоилась вместе с отошедшими! Рожденных для мира представила она Богу, по числу их подвигов вновь исчислила свои болезни рождения и старшинство детей узнала из порядка, в каком они умирали; потому что подвизались все, от первого до последнего, и как волна следует за волной, так они — один за другим оказали доблесть, и один охотнее другого шел на страдания, уже укрепленный примером перед ним пострадавших. А поэтому мучитель был рад, что она не была матерью большего числа детей; иначе остался бы еще более посрамленным и побежденным. И тогда только в первый раз узнал он, что не все можно преодолеть оружием, когда встретил безоружных юношей, которые, ополчившись одним только благочестием, с большею ревностью готовы были все претерпеть,

нежели с какой готовился сам он подвергнуть их страданиям.

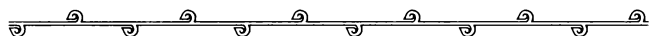
Такая жертва была благоразумнее и величественнее жертвы Иеффая, потому что здесь ни пламенность обета, ни желание нечаемой победы не делали приношения, как там, необходимым; напротив, совершенно добровольное жертвоприношение, и наградой за него служили одни уповаемые блага. Такой подвиг ничем не ниже подвигов Даниила, который предан был на съедение львам и победил зверей воздеянием рук; он не уступает мужеству отроков в Ассирии, которых Ангел оросил в пламени, когда не согласились они нарушить отеческого закона и не прикасались к скверным и неосвященным яствам. А по усердию не маловажнее он и тех жертв, какие впоследствии принесены за Христа. Ибо страдавшие за Христа, как сказал я в начале слова, имели перед очами кровь Христову и вождем их в подвигах был Сам Бог, принесший за нас столь великий и чудный дар; а Маккавеи не имели перед собой ни многих, ни подобных примеров доблести. Их терпению дивилась вся Иудея; она радовалась и торжествовала, как будто бы сама была тогда увенчана, потому что и ей предлежал при этом подвиг, даже величайший из подвигов, когда-либо предстоявших Иерусалиму, — или видеть в этот день поправление отеческого закона,

или прославиться. Участь всего еврейского рода зависела от подвига Маккавеев и находилась как бы на острие меча. Сам Антиох изумлялся; так угрозы его превратились в удивление, потому что великим подвигам умеют удивляться и враги, когда пройдет гнев и дело оправдывает само себя. Поэтому он удалился не получив успеха и, каясь много, хвалил отца своего Селевка за уважение к иудейскому народу и за щедрость к храму, так сильно укорял Симона, побудившего к войне, признавая его виновником бесчеловечия и бесславия.

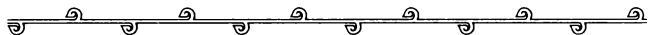
Будем подражать Маккавеям, и священники, и матери, и дети; священники — в честь Елеазара, духовного отца, показавшего превосходнейший пример и словом и делом; матери — в честь мужественной матери, да окажутся истинно чадолюбивыми и да представят чад своих Христу, чтобы сам брак освятился таковой жертвой; дети да почтят святых юношей и да посвящают время юности не постыдным страстям, но борьбе со страстями, мужественному ратоборству с ежедневным нашим Антиохом, который воюет посредством всех членов наших и многообразно гонит нас. Ибо желаю, чтоб были подвижники для всякого времени и случая, из всякого рода и возраста, подверженного и явным нападениям, и тайным наветам врагов. Желая, чтобы

пользовались древними указаниями, но пользовались также и новыми и подобно пчелам отовсюду собирали полезнейшее в состав единого сладкого сота, дабы и через Ветхий, и через Новый Завет прославлялся в нас Бог, славимый в Сыне и в Духе, знающий Своих и знаемый Своими, исповедуемый и исповедующий, прославляемый и прославляющий в Самом Христе, Которому слава вовеки. Аминь.

**СЛОВА
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО,
ИСТОРИЧЕСКОГО
И НРАВСТВЕННО-
ПРАКТИЧЕСКОГО
ХАРАКТЕРА**

СЛОВО 14

О любви к бедным¹

Братия и соучастники бедности (ибо все мы бедны и имеем нужду в благодати Божией, хотя и кажется один превосходнее другого, когда измеряем людей малыми мерами)! Примите слово о любви к бедным не с бедным, но со щедролюбивым расположением духа, да наследуете богатство Царствия. А вместе помолитесь, чтобы и я мог предложить вам богатое слово, мог напитать им ваши души и *разделить голодным хлеб* (Ис 58, 7) духовный, или, подобно древнему Моисею, низводя, как дождь, пищу с неба (Исх 16, 4)

¹ Это Слово было произнесено святителем Григорием в 373 году в богадельне, устроенной святым Василием Великим, в которой в то время было много зараженных проказой.

и подавая *хлеб ангельский* (Пс 77, 25), или насыщая немногими хлебами в пустыне многие тысячи, как после Иисус — *истинный хлеб* (Ин 6, 32) и виновник¹ истинной жизни.

Нелегко найти превосходнейшую из добродетелей и отдать ей первенство и преимущество, подобно как и на лугу многоцветном и благовонном не сразу можно выбрать прекраснейший и душистый из цветов, когда то тот, то другой привлекает к себе обоняние и взор и заставляет сорвать себя раньше всех. По моему разумению, различные добродетели можно сравнивать и рассматривать так. Прекрасны *вера, надежда и любовь, три сии* (1 Кор 13, 13). Веры свидетель — Авраам, оправданный верой; надежды — Енос, который прежде всех начал *призывать Господа* (Быт 4, 26), и все праведники, которые, одушевляясь надеждой, претерпевали бедствия. Любви свидетель божественный апостол, осмелившийся и на самого себя произнести приговор для спасения Израиля (Рим 9, 4), и Сам Бог, Который называется *любовью* (1 Ин 4, 16). Прекрасна благосклонность к путникам. Свидетель этого — между праведниками — Лот содомлянин, но не содомлянин по своим нравам (2 Пет 2, 8), а между грешными — Раав блудница,

¹ В греческом — αἴτιος — буквально: *являющийся причиной*.

но не блудница по расположениям сердца, за гостеприимство удостоившаяся похвалы и спасения (Евр 11, 31). Прекрасно братолюбие: свидетель — Иисус, не постыдившийся не только назваться братом нашим (Евр 2, 11), но и пострадать за нас. Прекрасно человеколюбие: свидетель — Он же, Иисус, Который не только сотворил человека *на добрые дела* (Еф 2, 10) и сочетал с плотью Свой образ, показывающий путь ко всему наилучшему и возводящий нас — странников — к горним благам, но и Сам сделался ради нас Человеком. Прекрасно долготерпение: свидетель этого опять Сам Иисус, Который не только не хотел призвать легионы Ангелов против восставших на Него мучителей, не только укорил Петра, извлекшего нож, но исцелил раненому ухо (Мф 26, 52–53; Лк 22, 51). Это же после показал и Стефан, ученик Христов, молившийся за побивавших его камнями. Прекрасна кротость: свидетели — Моисей и Давид, за это больше всех похваляемые (Чис 12, 3; 2 Цар 16, 11–12; Пс 131, 1), и Сам Учитель их, не прекословящий, не вопиющий, не испускающий гласа на улицах (Мф 12, 19) и не противящийся ведущим Его. Прекрасна ревность: свидетели этого — Финеес, одним ударом копья пронзивший мадианитянку вместе с израильтянином, дабы избавить от поношения сынов Израилевых, и за свою ревность получивший себе славное имя; а после него — те, которые

говорили: *возревновал я о Господе* (3 Цар 19, 10), *ревную о вас ревностью Божиею* (2 Кор 11, 2); *ревность по доме Твоем снедает меня* (Пс 68, 10), и не только говорили это, но и сильно чувствовали. Прекрасно воздержание: в том убедит тебя Давид, который не перестает держать себя в строгости (1 Кор 9, 27) и примером израильтян устрашает людей, надеющихся на себя и дающих волю своему телу (1 Кор 10, 5–8), и Сам Иисус, Который, будучи искушаемым, постится и побеждает искушителя (Лк 4, 2–13). Прекрасны молитва и бдение: в том убедит тебя Сам Бог, Который перед страданием проводит ночь без сна в молитве (Мф 26, 39, 42, 44). Прекрасны чистота и девственность: в этом убедят тебя Павел, который предписывал на это законы и справедливую назначает цену брачной и безбрачной жизни (1 Кор 1, 7–11, 25–40), и Сам Иисус, родившийся от Девы, дабы и рождение почтить, и отдать предпочтение девству. Прекрасно воздержание: в том убедит тебя Давид, который, овладев Вифлеемским колодцем, не стал пить воды, но только излил ее в честь Господа, не желая утолить жажды своей кровью других (1 Пар 11, 18–19). Прекрасно пустынножителство и безмолвие: это показывают мне Кармил Илии, пустыня Иоаннова, гора Иисусова, на которую часто отходил Господь, дабы в безмолвии беседовать с Самим Собой (Мф 14, 23; Лк 6, 12; 9, 28; 22, 39). Прекрасна умеренность: этому

научают меня Илия, живущий у вдовицы, Иоанн, покрывающийся одеждой из верблюжьего волоса, и Петр, питающийся овощами, стоящими не более асса¹. Прекрасно смирение: примеры его многочисленны; но лучший из всех примеров представляет Спаситель и Владыка всех, Который не только смирял Себя *до образа раба* (Флп 2, 7), не только подверг лицо Свое *стыду оплеваний* (Ис 50, 6) и к злодеям *причтен был* (Ис 53, 12). Очищающий весь мир от греха, но и умыл ноги ученикам в образе раба. Прекрасна нестяжательность и презрение богатства: об этом свидетельствуют Закхей и Сам Христос; Закхей — когда, приняв к себе Христа, принес в дар почти все свое имущество; Христос — когда указал богатому юноше на эту добродетель как на предел совершенства (Мф 19, 21). Короче сказать: прекрасно созерцание, прекрасна и деятельность; первое — потому что возносится превыше земного, входит во Святая Святых и возводит ум наш к тому, что сродно с ним; другая — потому что, приемля к себе Христа и служа Ему, доказывает любовь свою делами. Каждая из этих добродетелей есть особенно путь к спасению и несомненно приводит к одной какой-либо из вечных и блаженных обителей. Ибо как различны роды жизни, так и обителей у Бога много (Ин 14, 2), и они разделяются

¹ Асс — медная монета весом в четыре золотника.

и назначаются каждому по его достоинству. Поэтому пусть один исполняет эту добродетель, другой — другую, иной — многие, а кто-нибудь, если возможно, и все; только да шествует каждый безостановочно, да стремится вперед и следует неуклонно по стопам того доброго путеводителя, который прямо направляет стезю его и тесным путем, сквозь узкие врата (Мф 7, 14), выводит на широту небесного блаженства.

Но если, по учению Павла и Самого Христа, первой и важнейшей заповедью должно почитать любовь, как сущность закона и пророков (Мф 22, 37–40; 1 Кор 13, 13), то превосходнейшую часть ее должна составлять, как я нахожу, любовь к бедным, жалость и сострадательность к тем, которые одного с нами рода. Ибо никакое служение так не угодно Богу, как милосердие (потому что оно всего более сродно Богу, впереди Которого шествуют *милость и истина* (Пс 88, 15) и Которому должно приносить в дар милость (Иак 2, 13) прежде суда), и праведный Мздовоздаятель, положивший *на мерилах* и весах *милость* (Пс 28, 17), ни за что так не награждает Своим человеколюбием, как за человеколюбие. Итак, сообразно заповеди, которая повелевает *радоваться с радующимися и плакать с плачущими* (Рим 12, 15), мы должны отверзать утробу милосердия всем бедным и страждущим, по какой бы причине они ни страдали;

должны как люди приносить людям дань благотворительности, какая бы ни заставляла их нуждаться помощи, — вдовство ли, или сиротство, или изгнание из отечества, или жестокость властителей, или наглость начальствующих, или бесчеловечие собирателей подати, или убийственная рука разбойников, или алчность воров, или опись имущества, или кораблекрушение. Ибо все они одинаковое имеют право на сожаление и так же смотрят на руки наши, как мы на руки Божии, когда чего-нибудь просим. Впрочем, и из этих самых более достойны жалости те, которые, будучи в лучшем состоянии, впадают в несчастья, нежели те, которые уже свыклись с бедственной участью.

А особенно должны мы быть сострадательны к зараженным проказой, которые, по грозному приговору, изреченному на некоторых людей в Священном Писании, изъедены даже до плоти, костей и мозгов (Иов 33, 21) и которым изменило это многобедственное, уничиженное и вероломное тело. Не понимаю, как я соединился с ним и как, будучи образом Божиим, я смешался с грязью! Это тело, когда хорошо ему, поднимает войну; а когда воюю против него, ввергает в скорбь. Его я и люблю, как сослужителя; от него же и отвращаюсь, как от врага; бегу от него, как от уз, и почитаю его, как наследника. Решусь ли истомить его? Но тогда некого мне будет употребить в сотрудники в добрых

делах; а я знаю, для чего приведен я в бытие, знаю, что мне должно восходить к Богу посредством дел. Стану ли щадить его как сотрудника? Но тогда не знаю, как избежать его мятежнических нападений, и боюсь, как бы не отпасть от Бога, отягчившись оковами, кои влекут меня к земле или удерживают на ней. Это ласковый враг и коварный друг! Чудное соединение и раздвоение! Чего боюсь, того держусь, и что люблю, того страшусь. Не успею еще вступить в сражение, как заключаю мир; и не успею помириться, как опять начинаю брань. Что это за премудрость открывается на мне и что за великая тайна! Не для того ли Бог ввел нас в эту борьбу и брань с телом, чтобы мы, будучи частью Божества¹ и проистекши свыше, не стали надмеваться и превозноситься своим достоинством и не пренебрегли Создателем, но всегда обращали к Нему взоры и чтобы сопряженная с нами немощь держала в пределах наше достоинство? Чтобы мы знали, что мы вместе и весьма велики, и весьма низки, земны и небесны, временны

¹ В греческом — *μοῖρα Θεοῦ* — буквально: *часть (доля, удел, владение, область, участок) Бога*. По объяснению Никиты, толкователя Слов святого Григория, это выражение не следует понимать в смысле вещественном; оно означает дыхание жизни, которое Бог вдунул в лицо первосозданного человека (Быт 2, 7), и вместе — образ Божий.

и бессмертны, наследники света и наследники огня или тьмы — в зависимости от того, на какую сторону преклоним себя. Так устроен состав наш, и это, сколько могу я видеть, для того, чтобы земной прах смирял нас, если б мы вздумали превозноситься образом Божиим.

Но об этом пусть Любомудро рассуждает кто хочет. Не откажусь и я с ним вместе размыслить о том при более удобном случае. А теперь я должен говорить о том, к чему побуждает меня соблезнование о собственной моей плоти и о собственной немощи при взоре на страдания других; должен сказать вам, братья, что мы обязаны заботиться о теле, этом родственнике и сослужителе души (ибо хотя я и винил его, как врага, за то, что терплю от него, но я же и люблю его, как друга, ради Того, Кто соединил меня с ним), и притом — заботиться о теле наших ближних не меньше, как и каждый о собственном, остаемся ли мы сами здоровыми или изнуряемся таким же недугом. Ибо все мы *одно* в Господе (Гал 3, 28), богат ли кто или беден, раб ли кто или свободен, здоров ли или болен телом; у всех одна *глава* — *Христос, из Него же все* (Еф 4, 15–16), и что члены один для другого — то же и каждый из нас друг для друга и все для всех (1 Кор 12, 12–27). А потому не надобно пренебрегать и оставлять без попечения тех, кто прежде подпал под общую для всех немощь; напротив, мы

должны не столько радоваться благополучному состоянию нашего тела, сколько плакать о телесных страданиях братьев наших; должны человеколюбие к ним считать единственным залогом нашей безопасности телесной и душевной.

На них надобно смотреть так: другие жалки только по своей бедности, от которой, быть может, освободит их или время, или труд, или друг, или родственник, или перемена обстоятельств; а этих несчастных и бедность угнетает нисколько не меньше, чем тех, или еще больше, так как они, лишившись телесных членов, лишаются вместе и способов трудиться и помогать себе в своих нуждах, и притом всегда больше страшатся усиления болезни, нежели надеются на выздоровление, так что и надежда, это единственное лечение для несчастных, почти оставляет их без помощи. Но к бедности у них присоединяется и другое зло — болезнь, зло ужаснейшее и тягостнейшее, которое у людей необразованных скорее всего попадает на язык, когда они кого клянут. С этим связано еще третье зло: многие не хотят к ним подойти, не хотят посмотреть на них, бегут от них, гнушаются ими, как чем-то омерзительным; и это зло, чтобы видеть себя ненавидимыми за одно только то, что подверглись несчастью, для них тяжелее самой болезни. Я не могу без слез смотреть на их страдания и при одном воспоминании о иных

возмущаюсь духом. Имейте и вы такие же чувствования, чтобы слезами избавиться от слез. И я не сомневаюсь, что действительно это чувствуют те из предстоящих здесь, кто любит Христа и любит бедных и имеет Богу свойственное и от Бога дарованное им милосердие.

Вы сами свидетели их страдания. Перед вашими глазами поразительное и плачевное зрелище, которому едва ли кто поверит, кроме очевидцев: люди — живые мертвецы, у которых конечности большей части телесных членов отгнили; люди, которых нельзя почти узнать, кто они были прежде и откуда, или, лучше, несчастные останки живших некогда людей, которые, чтобы дать знать о себе, рассказывают о своих отцах, матерях, братьях и местах жительства: «Я сын такого-то отца, мать у меня такая-то, имя мое такое-то, да и ты некогда был мне друг и знакомый». Это говорят они потому, что не имеют уже прежнего вида, по которому бы можно было узнать их. Это люди обделенные, у которых нет ни имущества, ни родства, ни друзей, ни даже тела; люди, которые одни из всех и жалеют о себе и вместе ненавидят себя; которые не знают, о чем больше плакать, — о тех ли частях тела, которых уже нет, или об оставшихся, о тех ли, которые преждевременно истребила болезнь, или о тех, которые еще сберегаются на жертву болезни; ибо те несчастно погибли, а эти уцелели для большего

несчастья; те истлели прежде гроба, а этих неко-
му и в гроб положить. Потому что и самый добрый
и мягкосердечный человек бывает крайне нечув-
ствителен к бедствиям этих страдальцев. Здесь
только мы забываем, что мы сами плоть и облече-
ны уничиженным телом (Флп 3, 21); и так мало в нас
усердия по отношению к этим сродникам нашим,
что мы даже считаем необходимым для безопасно-
сти нашего тела удаляться от них! Иной подходит
к залежавшемуся и, может быть, уже смердяще-
му трупу, носит вонючие тела бессловесных жи-
вотных и, валяясь в тине, не гнушается этим, а от
этих несчастных сколько есть сил бежим прочь и —
какое бесчеловечие! — негодуем почти и на то, что
дышим одним с ними воздухом.

Кто нежнее отца? Кто ссрдобольнее матери?
Но для этих отверженных заперто и родитель-
ское ссрдце. И отец своего собственного сына, ко-
торого родил, которого воспитал, в котором одном
чаял иметь око своей жизни, за которого так мно-
го и так часто молился Богу, этого самого сына
хотя оплакивает, но гонит от себя, — оплакива-
ет от ссрдца, гонит поневоле. А мать, вспоминая
муки рождения, с разрывающимся ссрдцем испу-
скает жалостнейшие вопли и вслух всех рыдает
над живым, как над мертвым, говоря: «Несчаст-
ное чадо злополучной матери, отнимаемое у меня
лютой болезнью, чадо, жалости достойное, чадо

мое милое, которого и узнать не могу, чадо мое, которое воспитала я для утесов, гор и пустынь! Со зверями будет жизнь твоя, горный камень — кров твой, и только благочестивейшие из людей обратят на тебя взоры. Зачем, — вопиет она, подобно Иову (Иов 3, 1–12), этим болезненным гласом, — зачем ты образовался в утробе матери? Зачем, вышедши из чрева, не погиб в то же мгновение, так чтоб смерть сочеталась с рождением? Зачем ты не умер преждевременно, пока не вкусил еще зол жизни? Зачем тебя приняли на колени, и на что было тебе сосать грудь, когда ожидала тебя жизнь горькая, жизнь ужаснее смерти?» Выговаривая это, проливает она источники слез и хотела бы, несчастная, заключить в объятья свое детище, но боится плоти его, как неприятеля!

А в народе поднимаются повсюду ропот и гонение — не против злодеев, но против несчастных. Иной живет вместе с убийцей, с прелюбодеем делит не только жилище, но и трапезу, святотатца принимает к себе в сожители, с недоброжелателями своими ведет дружбу, а от страдальцев, ничем его не огорчивших, отвращается, как от преступников. Так пороку отдается преимущество перед болезнью! Бесчеловечие мы уважаем, как дело благородное, а сострадание презираем, как нечто постыдное. Их гонят из городов, гонят из домов, с площади, с дорог, из собраний, со всенародных

празднеств, пиров, и — о горькая участь! — их отгоняют и от самой воды. Для них не текут источники, питающие всех других, невероятным почитают даже то, чтобы и реки не могли от них заразиться. А что всего страннее, тех, которых как нечистых, отгоняем от себя, тех самых, как не причиняющих нам никакого убытка, заставляем опять возвращаться к нам, потому что не даем им ни жилища, ни нужной пищи, ни лекарства для ран, ни одежды, которой могли бы мы прикрыть, по нашим силам, их недуг. Потому-то они и скитаются день и ночь — обнищавшие, нагие, бесприютные, показывая пораженное недугом тело, пересказывая старую жизнь свою, призывая с воплем Создателя, помогая друг другу употреблением членов, которых у другого нет, слагая жалобные песни, чтобы выпросить кусочек хлеба, или малейшую часть чего-нибудь вареного, или какое-нибудь разодранное рубище для прикрытия себя от стыда, или для облегчения боли от ран. И не тот уже в глазах их человеколюбив, кто достаточно подает им нужное, но всякий, кто не с суровостью отсылает их прочь. Многие же из них, преодолевая и стыд, не бегут от торжественных собраний; гонимые крайней нуждой вторгаются сюда, в эти всенародные и священные собрания¹, которые мы учредили для увра-

¹ Имеются в виду христианские богослужения.

чевания душ и на которые собираемся или для воспоминания какого-нибудь таинства, или для прославления свидетелей истины, дабы, чувствуя их подвиги, научиться подражать и их благочестию. А они, хотя и стыдятся, как несчастливцы и как люди, лица человеческого и лучше хотели бы скрываться в горах, утесах, лесах или, наконец, в ночи и мраке, однако втискиваются в середину народа — жалкое бремя и слез достойное! — которое, впрочем, может быть послано к нам и не без цели, и именно с той целью, чтобы напомнить нам о нашей немощи и убедить нас не прилепляться ни к чему настоящему и видимому, как к постоянному. Приходят же одни из них, желая услышать голос человеческий; другие, чтобы взглянуть на людей; иные, чтобы у роскошных богачей собрать хотя скудное подавание для поддержания жизни; все — чтобы обнаружить свою скорбь и тем хотя несколько облегчить себя.

Кто не сокрушится, внимая их столам, сливающимся в одну жалобную песнь? Какое ухо может переносить эти звуки? Какое око может спокойно смотреть на это зрелище? Вот некоторые из них лежат одни подле других, — не для радости собранные болезнью в одно сообщество, где каждый носит на себе следы какого-нибудь особенно-го бедствия, и все эти бедствия слагаются в одно общее горе, так что каждый своими стараниями

усугубляет страдания других и все жалки по своим болезням, а еще более жалки по состраданию друг к другу. Их окружает толпа зрителей, даже и соболезнующих, но — на краткое время. А там — другие влачатся у ног человеческих; их преследуют и солнечный зной, и пыль, а иногда жестокие морозы, дожди и бури, их стали бы и попирали ногами, если бы одно прикосновение к ним не почитали гнусным. На священные песнопения внутри храма они отвечают стопами и воплями прошения, и таинственным молитвословиям служат отголоском горькие рыдания. Но для чего описывать мне все их бедствия перед людьми, собравшимися для торжества? Если бы с точностью изобразил я всю эту печальную картину, то, может быть, возбудил бы плач и рыдания и празднество превратилось бы в сетование. Потому только я и говорю об этом, что до сих пор еще не могу убедить вас, что иногда бывает и печаль предпочтительнее радости, и уныние полезнее празднования, и достойные слезы лучше недоброго смеха.

Таково-то и еще гораздо горестнее, нежели как я представил, положение братьев наших в Боге (хотя бы вы и не желали слышать это), братьев, которые одинаковое с нами получили естество, из того же составлены брения, из какого и мы первоначально созданы; связаны, как и мы, жилами и костями и, подобно всем, облечены кожей

и плотью (как говорит в одном месте божественный Иов — (Иов 33, 6–11), любомудрствуя среди страданий и посмеиваясь над видимой частью существования нашего), или, лучше, если должно упомянуть о важнейшем, — которые так же, как и мы, одарены образом Божиим и хранят его, может быть, лучше нас, хотя и истлели телом, — в единого облечены Христа (Гал 3, 27) по внутреннему человеку; одинаковый с нами приняли в сохранение залог Духа (Гал 3, 22); участвуют в одних с нами законах, глаголах Божиих, заветах, собраниях, Таинствах, надеждах; за которых равно умер Христос (Рим 14, 15), взявший на Себя грех всего мира (Ин 1, 29); которые суть наследники небесной жизни, хотя весьма много отчуждены от земной; которые погребаются с Христом и совопасают с Ним (Кол 2, 12), страдают с Ним, дабы с Ним и прославиться (Рим 8, 17). Что же мы? Мы, наследовавшие это великое и новое имя, чтобы называться по Христу народом святым, царственным священством, людьми, усвоенными Богу и избранными (1 Пет 2, 9), ревнителями добрых и спасительных дел (Тит 2, 14), учениками кроткого и человеколюбивого Христа, понесшего наши немощи, унизившего Себя до нашей скудости, нас ради обнищавшего (2 Кор 8, 9), нисшедшего в эту плоть и земную храмину и претерпевшего за нас скорби и болезни, дабы мы обогатились наследием Божества?

Что ж мы, имеющие столь высокий образец благоустройства и сострадания? Как будем думать о них и что сделаем? Презрим ли их? Пробежим мимо? Оставим их, как мертвецов, как гнусные страшилища, как самых злых зверей и пресмыкающихся? Нет, братия! Не тому учит нас — овец Своих — добрый Пастырь (Ин 10, 11), Христос, Который обращает заблудшее, ищет погибшее и укрепляет немощное (Иез 34, 16); не то внушает и природа человеческая, которая вложила в нас закон сострадания, и чувством немощи, общей нам со всеми, учится благочестию и человеколюбию. Ужели они будут томиться под открытым небом, а мы станем жить в великолепных домах, расцвеченных всякого рода камнями, блещущих золотом и серебром, где узорчатая мозаика и разнообразная живопись прельщают и приманивают взоры? Да еще в одних будем жить, а другие строить? И для кого? Быть может, не для наследников наших, а для людей посторонних и чужих, и притом, может быть, для таких людей, которые не только не любят вас, но еще, что всего хуже, исполнены вражды к нам и зависти. Они будут трястись от стужи в ветхих и разодранных рубищах, а может быть, еще и тех иметь не будут, а мы будем нежить себя, покрываясь мягкой и пышной одеждой, воздушными тканями из тонкого льна и шелка, и между тем как одними уборами будем не столько украшать

себя, сколько обезображивать (ибо все излишнее и щегольское я почитаю безобразием), другие наряды — бесполезная и безумная забота, добыча моли и всепоедающего времени, — будут лежать у нас в кладовых. Они будут нуждаться — о пагубная моя роскошь! о бедственное их томление! — будут нуждаться и в необходимой пище; будут в изнеможении, голодные валяться у ворот наших, не имея даже столько сил в теле своем, чтобы просить; не имея голоса, чтобы рыдать; рук, чтобы простирать их для приведения нас в жалость; ног, чтобы подойти к богатым; не имея столько дыхания, чтобы с большим напряжением простонать жалобную песнь, считая лишение зрения, это самое тяжкое зло, очень легким и еще благодаря за то, что не видят своих язв. Таково их состояние! А мы, роскошно одетые, будем с важностью возлежать на высоких и пышных ложах, покрытых дорогими коврами, до которых другие не смеют и дотронуться, — оскорбляясь и тем, если только услышим умоляющий голос их? Нам нужно, чтобы пол у нас как можно чаще или даже постоянно посыпался благоухающими цветами, а стол орошен был самым дорогим и благовонным миром для большего раздражения нашей неги; нужно, чтобы юные слуги предстояли перед нами — одни в красивом порядке и строе, с распущенными, как у женщин, волосами, искусно подстриженными,

так, чтобы на лице не видно было ни одного волоска, — в таком убранстве, какого не потребовали бы и самые прихотливые глаза; другие — со стаканами в руках, едва дотрагиваясь до них концами пальцев и поднося их, как можно ловчее и осторожнее; иные, держа опахала над головами нашими, производили бы искусственный ветерок и этим, руками навеваемым, ветерком прохлаждали бы жар утучненного нашего тела. Нужно, кроме того, чтобы все стихии — и воздух, и земля, и вода — в обилии доставляли нам дары эти и стол наш весь был уставлен и обременен мясными яствами и прочими хитрыми выдумками поваров и пекарей; чтобы все они наперебой старались о том, как бы больше угодить жадному и неблагодарному нашему чреву — этому тяжкому бременю, виновнику зол, этому никогда ненасытному и самому неверному зверю, которому вместе с потребляемыми им яствами вскоре надобно будет истлеть (1 Кор 6, 13). Для них много значит утолить жажду и водой; а у нас пенится в чашах вино: пей до упоения, даже до бесчувствия, если кто не воздержан! Да еще одно из вин отошлем назад, другое похвалим за его запах и цвет, о третьем начнем с важностью рассуждать, и беда, если кроме своего отечественного не будет у нас какого-нибудь иностранного вина, как иноземного завоевателя! Ибо нам непременно должно вести жизнь роскошную

и превышающую потребности или по крайней мере славиться такой жизнью; как будто стыдно нам, если не будут почитать нас порочными людьми и рабами чрева и того, что еще хуже чрева.

Что это такое, друзья и братья? Для чего и мы носим в себе болезнь, — болезнь душевную, которая гораздо тягостнее телесной? Ибо та, как известно, приходит не по воле нашей, а эта приходит от нашего свободного выбора; та оканчивается с настоящей жизнью, а эта переходит с нами и в другую жизнь, в которую мы отсюда переходим; той жалеют по крайней мере здравомыслящие, а эту ненавидят. Для чего не спешим, пока еще есть время, помогать сродникам нашим по естеству? Для чего, будучи сами плоть, не покрываем безобразия плоти? Для чего предаемся неге, видя бедствия наших братьев? Не дай мне Бог ни жить богато, когда они нуждаются, ни наслаждаться здоровьем, когда не окажу помощи излечению их ран, ни иметь достаточной пищи, ни одежды, ни покойного крова, когда не разделю с ними хлеба, не снабжу их, по возможности, одеждой и не упокою под моим кровом! Ибо нам должно — или все оставить для Христа, дабы, взяв крест, истинно следовать за Ним (Мф 16, 24) и, сделавшись легкими, ничем не связанными и ничем не увлекаемыми вниз, как на крыльях лететь к горнему миру и, возвысившись смирением,

обогатившись убожеством, в замену всего приобрести Христа (Флп 3, 8), или разделять свое имущество с Христом, дабы и само обладание имуществом освятилось через то, что мы будем обладать им как должно, и соучастниками в нем будут неимущие. Если же я буду сеять для одного себя; то скажу опять словами Иова: пусть я сею, а другие едят; вместо пшеницы пусть вырастет волчец, а вместо ячменя куколь (Иов 31, 8, 40); пусть жгучий ветер убьет и вихрь развеет посев мой, так, чтобы все труды мои остались напрасными. Если я стану строить житницы, собирая сокровища от маммоны и для маммоны, то пусть в эту же ночь возьмут душу мою (Лк 12, 18–20) для истребования отчета в злом приобретении богатства.

Ужели, наконец, мы не опомнимся, не отвергнем жестокосердия или — о чем желал бы и не говорить — низкой скупости, не подумаем об участи человеческой? Неужели не обратим себе во благо несчастья других? Ибо в делах человеческих, по естественному порядку, нет ничего твердого, ровного, держащегося своими силами и пребывающего в одинаковом положении; участь наша вращается, подобно колесу, в различные времена и часто в один день, а иногда и в один час подвергаясь различным переменам, так что скорее можно положиться на постоянство ветров, никогда не останавливающихся, или следов плывущего

по морю корабля, или на обманчивые ночные сновидения, доставляющие минутное удовольствие, или на твердость тех начертаний, какие дети, играя, делают на песке, нежели на благоденствие человеческое. Итак, благоразумны те, которые, не веря благам настоящим, собирают себе сокровище в будущем и, видя непостоянство и переменчивость благополучия человеческого, любят благотворительность, которая никогда не изменит (1 Кор 13, 8). Зато, без сомнения, получают они по крайней мере одно из трех возмездий: или то, что никогда не подвергаются бедствиям, потому что Бог часто и земными благами утешает благочестивых, призывая их Своею благодатью к состраданию; или то, что и среди бедствий они имеют в себе дерзновение к Богу (1 Ин 3, 21), ибо страждут не за порочную жизнь, а по особенному устройству Промысла; или, наконец, то, что они по праву могут требовать от людей благоденствующих такой же сострадательности, какую сами оказали нуждающимся во время своего счастья.

Да не хвалится, сказано, мудрый мудростью своею, ни богатый богатством своим, ни сильный силою своею (Иер 9, 23), если бы и достиг кто самой высокой степени — или мудрости, или богатства, или силы. А я к этим словам Писания прибавлю еще и то, что с ними согласно: да не хвалится ни славный своей славой, ни здоровый

здоровьем своим, ни красивый красотой своей, ни юный юностью — кратко сказать — ничем таким, что прославляют здесь, да не хвалится надмевающийся этим. Одним только *хвалится хвалящийся* — именно тем, чтобы разуметь и усердно искать Бога (Иер 9, 24), сострадать страждущим и уготовлять себе что-нибудь доброе для будущего века. Ибо здешние блага быстро протекают, даются на час и, подобно как камешки в игре, перекидываются с места на место и переходят то к тем, то к другим; ничего здесь нельзя назвать своим, все или время отнимет, или зависть переведет в чужие руки. Напротив, блага душевные постоянны и прочны, никогда не отойдут и не отступят от нас, никогда не обманут надежд того, кто им поверил. Но и это самое, что ни одно из здешних благ не хранит верности людям и непрочны, мне кажется прекрасно, как и все прочее, устроено предусмотрительным Художником — Словом и Премудростью, превосходящей всякий ум (1 Кор 1, 24; Флп 4, 7); это самое, что видимые блага подвергаются и подвергают нас то тем, то другим превратностям, то возносятся вверх, то падают вниз и кружатся, как в вихре, и прежде, нежели овладеем ими, убегают и удаляются от нас и таким образом играют нами, обманывают нас, — не направлено ли к тому, чтобы мы, усмотрев их непостоянство и переменчивость, скорее устремились

к пристанищу будущей жизни? В самом деле, что было бы с нами, если б земное наше счастье было постоянно, когда и при непостоянстве его мы настолько к нему привязаны? Когда обманчивая приятность и прелесть его держит нас, как рабов, в таких узах, что мы ничего и представить себе не можем лучше и выше настоящего, и это тогда, как мы слышим и верим, что мы сотворены по образу Божию, Который, пребывая на небесах, и нас влечет к Себе (Кол 1, 15; Ин 3, 13; 12, 32).

Кто мудр, чтобы познать это (Ос 14, 10)? Кто решится убежать от вещей убегающих? Кто прилепится к вечно пребывающему? Кто научится размышлять о настоящем как о преходящем, а об уповаемом как о постоянно присущем? Кто хочет отделять истинно сущее от кажущегося и к первому стремиться, а последнее презирать? Кто желает отличить рисунок¹ от истины, дальнюю хижину от горнего града (2 Пет 1, 13; Евр 13, 14), ночлег от постоянного жилища, тьму от света, глубокое болото (Пс 68, 3) от земли святой, плоть от духа, Бога от миродержателя, тень смертную от жизни вечной? Кто желает купить настоящим будущее, тленным богатством нетленное, видимым невидимое? По истине блажен, кто, различая это и рассекая мечом

¹ В греческом — *τίς γραφήν* — список, рисунок, изображение, очертание, контур.

слова, отделяющим лучшее от худшего, полагает, как сказал в одном месте божественный Давид, *восхождения в сердце своем* (Пс 83, 6), и убегая, сколько сил есть, из этой юдоли плача, вышних ищет (Кол 3, 1), и распинаясь миру со Христом, со Христом и воскресает (Гал 6, 14; Кол 3, 1), со Христом и восходит к наследию жизни уже не изменяющейся, не обманчивой, где нет более змия, уязвляющего на пути, жалящего в пяту и поражаемого в голову (Быт 49, 17; 3, 15). А нас тот же Давид, как некий громогласный проповедник, прекрасно оглашает высокой и всенародной проповедью, в которой называет нас тяжкосердыми и любящими ложь и учит не слишком прилепляться к видимому и не полагать всего земного благополучия единственно в обилии пшеницы и вина (Пс 4, 3–8) — этих быстро тлеющих приобретений. И блаженный Амос¹, может быть, то же самое имел в мыслях и так же против земных и мнимых благ вооружался, когда говорил: *Приблизьтесь к горам вечным: встаньте и уходите, ибо страна сия не есть место покоя* (Мих 2, 9). И это, даже в самих выражениях, почти совершенно сходно с повелением Господа и Спасителя нашего. Каким же именно? — *Встаньте, пойдем отсюда*, — сказал Он (Ин 4, 31), не тогдашних только учеников побуждая перейти с известного

¹ В некоторых списках вместо Амос читается Михей.

места на другое, как может подумать кто-нибудь, но и всех учеников Своих, во все времена этим воззванием привлекая от земли к небесам и от земных благ к небесным.

Итак, последуем Слову, взыщем небесного покая, отвергнем земное изобилие; воспользуемся только тем, что есть в нем доброго; искупим души свои милостынями (Дан 4, 24), дадим от имений своих бедным, дабы стяжать богатство небесное. Дай часть и душе, не все одной плоти; дай часть и Богу, не все одному миру. Отними хоть что-нибудь у чрева и посвяти духу. Похить что-нибудь из огня и положи вдали от пожирающего пламени. Исторгни что-нибудь у жестокого мучителя и вверь Господу. *Давай часть семи*, то есть этой жизни, *и восьми* (Еккл 11, 2), то есть той жизни, в которую мы перейдем из здешней. Дай немного Тому, от Кого получил несравненно больше. Отдай и все Даровавшему тебе все. Ты никогда не будешь щедрее Бога, хотя бы и пожертвовал всем, что имеешь, хотя бы отдал вместе с имуществом и самого себя, ибо и то самое, чтобы отдать себя Богу, человек получает от Него же. Сколько ты ни уплатишь Ему, — все еще больше того будет оставаться на тебе, и ничего не дашь ты своего, поскольку все от Бога. И как нельзя опередить своей тени, которая настолько же подвигается вперед, насколько и мы идем вперед, всегда в равном расстоянии нам

предшествует; как нельзя телу вырасти выше головы, всегда над ним возвышающейся, так и нам невозможно превзойти дарами своими Бога. Ибо мы ничего не даем такого, что не принадлежало бы Ему или что было бы вне круга Его щедрости. Помысли, откуда в тебе бытие, дыхание и само разумение? Откуда то величайшее преимущество, что ты знаешь Бога и надеешься получить Царствие Небесное, достоинство равноангельское, созерцание славы, которое теперь — в зеркалах только и иносказаниях (1 Кор 13, 12), а тогда будет совершеннейшим и чистейшим, — надеешься сделаться сыном Божиим (Мф 5, 9), наследником Христу (Рим 8, 17) и, скажу смелое слово, даже самым богом (Ин 10, 34–35)? Откуда имеешь ты все это и от кого? Или, если обратиться к менее важным и видимым дарам, кто дал тебе зреть красоту неба, течение солнца, круг луны, множество звезд и во всем этом, как в звуках лиры, всегда одинаковую стройность и порядок; преемственность частей года, изменение времен, круговращение лет, соразмерность дня и ночи, произведения земли¹, течение воздуха, широту волнующегося и потом спокойно стоящего моря, глубину рек, стремления ветров? Кто даровал тебе дожди, земледелие,

¹ В греческом — γῆν ἐκφύσεις — буквально: *то, что вырастает из земли.*

пищу, художества, жилища, законы, гражданское устройство, безмятежную жизнь и тесные связи с родными? Откуда то, что некоторые животные сделались ручными и покорными тебе, а другие отданы тебе в пищу? Кто поставил тебя господином и царем над всеми тварями на земли? Кто, — скажу кратко, не исчисляя всего подробно, — даровал тебе все то, чем превосходит их человек? Не Тот ли, Кто больше всего и вместо всего ныне требует от тебя человеколюбия? Не стыдно ли нам будет, если, столь много благ получив от Бога и столь много надеясь получить, не принесем Ему и этого одного дара — человеколюбия? Он отличил нас от зверей и только одних нас на земле почтил даром разума; а мы ужели сами будем превращать себя в зверей? Ужели роскошь до того развратила нас, до того лишила ума, или... (но я уже не знаю, как это и выразить) что мы, имея лишний кусок и еще что-нибудь, столь же неважное, да и то, может быть, наживши неправдой, будем думать, что мы и по самой природе лучше этих несчастных? Ужели возомним, что мы слишком высоки в сравнении с ними, что мы выше людей, как древние гиганты, которые, по мифам, составляли особый род, отличный от прочих смертных, или как Неврод и сыны Енаковы (Чис 13, 34), угнетавшие некогда Израиля, или как те исполины, из-за злодеяний которых был низведен потоп для очищения

земли? Ежели Бог и Владыка не стыдится называться отцом нашим, то мы ли отречемся от сродства с подобными нам?

Нет, друзья и братья! Не будем неправедными распорядителями вверенного нам, чтобы не услышать нам грозных слов Петра: «Постыдитесь вы, удерживающие у себя чужое, подражайте равной для всех благодати Божией, и тогда не будет ни одного бедного»¹. Не будем томить себя, собирая и сберегая сокровища, тогда как другие томятся от нищеты, да не поразит нас жестокими укоризнами и угрозами божественный Амос, который вопиет: *слышите ныне, которые говорят: когда пройдет новолуние, чтобы нам продавать хлеб, и суббота, чтобы открыть житницы?* (Ам 8, 5). И потом, в следующих далее словах, угрожает гневом Божиим людям, имеющим меру малую и меру великую. Да не обличит нас и блаженный Михей, который, укоряя иудеев за то, что они нежатся на одрах из слоновой кости, умащаются самыми дорогими ароматами, утучняют тело свое, питаясь нежным мясом тельцов от стад и козлиц от паств, сопровождают рукоплесканиями звуки органов, и потом, еще сильнее порицая то, что они считают эти удовольствия постоянными и прочными, — осуждает роскошь (так как от

¹ Слова взяты из «Постановлений апостольских».

пресыщений рождается обида) и присовокупляет к этому осуждению неумеренных удовольствий новое, вменяя, может быть, еще в большую вину то, что сластолюбцы, предаваясь удовольствиям, нисколько не оказывают сострадания Иосифу в его бедствии (Ам 6, 4–6). Да не постигнет и нас это осуждение! Не попустим себе до того забываться в наслаждениях, чтобы пренебрегать человеколюбием Бога, Который раздражается этим, хотя и не вдруг, не тотчас после преступления наводит гнев Свой на грешников.

Последуем высочайшему и первому закону Самого Бога, Который посылает дождь на праведных и грешных и велит солнцу восходить одинаково над всеми (Мф 5, 45), Который без всякого стеснения предоставил всем, обитающим на суше, и землю, и источники, и реки, и леса, пернатым — воздух, живущим в водах — воду, Который всем людям даровал в изобилии первые потребности жизни, которые ни власти не подлежат, ни законом не ограничиваются, ни пределами государств не преграждаются, но предложены всем и каждому в богатой мере и между тем нисколько оттого не оскудевают. Так щедро всех людей наделил Бог, конечно, для того, чтобы равным раздаянием даров Своих показать и одинаковое достоинство нашей природы, и богатство благодати Своей. А люди, зарыв в землю золото, серебро,

дорогие и лишние одежды, камни-самоцветы и другие подобные драгоценности, — эти свидетельства вражды, междоусобиц и древнего насилия захватчиков верховной власти, — после того, безумные, поднимают еще брови и бедствующим сродникам своим по естеству отказывают в милосердии, не желая даже излишками своими помочь им в нуждах их. Какое невежество! Какая глупость! Не говорю уже о другом: по крайней мере то представили бы они, что бедность и богатство — свободное, в обыкновенном смысле понимаемое, состояние и рабство — и другие, подобные этим наименования уже впоследствии появились в роде человеческом и как некоторые недуги вторглись вместе с неправдой, которая и изобрела их. Сначала же, как сказано в Писании, *не было так* (Мф 19, 8). Но Сотворивший человека вначале сделал его свободным, ограничив его только одним законом заповеди; сделал и богатым среди сладостей рая, а вместе с этим благоволил даровать эти преимущества и всему роду человеческому в одном первом семени. Тогда свобода и богатство заключались единственно в соблюдении заповеди; а истинная бедность и рабство — в преступлении ее. Но с того времени, как появились зависть и раздоры, как началось коварное владычество змия, непрестанно и неприметно привлекающего нас к злу лакомой приманкой

удовольствия и вооружающего дерзких людей против слабых, — с того времени расторглось родство между людьми, отчуждение их друг от друга выразилось в различных наименованиях званий, и любостяжание, призвав и закон на помощь своей власти, заставило позабыть о благородстве естества человеческого. Ты же смотри на первоначальное равенство прав, а не на последовавшее разделение, не на закон властителя, а на закон Создателя. Помогни, сколько можешь, природе, почти первобытную свободу, уважь самого себя, покрой бесчестие, нанесенное роду твоему: окажи пособие в болезни, подкрепи в нужде. Ты здоров и богат? Так утешь болящего и бедного. Ты не испытал падения? Так подними упавшего и разбившегося. Ты весел? Так ободрив унывающего. Ты счастлив? Так облегчи участь удрученного несчастьем.

Воздай что-нибудь Богу в благодарность за то, что ты принадлежишь не к числу имеющих нужду в благодеяниях, а к числу тех, которые могут оказывать благодеяния, что не ты смотришь в чужие руки, а другие — в твои. Обогати себя не только имуществом, но и благочестием, не только золотом, но и добродетелью, или, лучше, только ею одной. Заслужи предпочтение перед ближним своим тем, что ты его благотворительнее. Будь для несчастного богом, подражая милосердию

Божію. Ибо ничто столько не уподобляет человека Богу, как благотворительность, хотя Бог несравненно больше благодетельствует, а человек меньше и сообразно со своими силами. Бог сотворил человека и снова воссоставляет его из тления; а ты по крайней мере не презри падшего. Бог явил человеку величайшее милосердие, когда дал ему, кроме всего прочего, закон, пророков и еще прежде того естественный закон — неписанный, этого испытателя дел наших, когда обличал, вразумлял, руководствовал людей и, наконец, предал самого Себя в жертву для искупления за *жизнь мира* (Мф 20, 28; Ин 6, 51); когда даровал нам апостолов, евангелистов, учителей, пастырей, исцеления, чудеса, возвращение к жизни, разрушение смерти, знамение победы над победившим нас, завет тени и завет истины, различные дары Духа Святого и таинство нового спасения. А ты, если можешь оказывать высшие благодеяния, приносящие пользу душе (поскольку Бог наделит тебя и этим богатством, если только пожелаешь того), не откажись и этим послужить нуждающемуся, или, лучше, таковые-то благодеяния прежде всего и больше всего и оказывай просящему тебя, даже не ожидая его прошения; *всякий день милую и займы давая* (Пс 36, 26) слово и неопустительно взыскивая долг с лихвой, то есть с умножением назидания к пользовавшимся им, — лихвой,

которую всегда прилагает к принятому слову тот, кто мало-помалу приумножает в себе семена благочестия. Если же ты этим не можешь служить ближнему, то оказывай ему хоть меньшие благодеяния, занимающие второе место и не превышающие силы твоей. Помоги ему, доставь пищу, подай рубище, принеси лекарство, перевяжи раны, расспроси о бедственном его положении, поговори о терпении; осмелся, подойди. Ты не унизишь себя этим; болезнь не пристанет к тебе, хотя и думают так люди слишком изнеженные, обольщенные пустыми предубеждениями, или, лучше сказать, хотя и стараются этим предлогом оправдать либо свою трусость, либо отвращение от благочестия, прибегая к боязливости, как будто к чему-то важному и мудрому. Относительно этого могут успокоить тебя и здравые рассуждения, и врачи, живущие в одном с больными доме их прислужники, из которых ни один еще, общаясь с ними, не подвергался опасности. Но если бы и возбуждало такое сообщение страх и сомнения, — ты, раб Христов, боголюбивый и человеколюбивый, не будь побежден низким малодушием! Дерзай верой, победи боязнь состраданием, изнеженность — страхом Божиим, плотские расчеты — благочестием. Не презри брата твоего, не пробеги мимо его, не гнушайся им, как нечистотой, как заразой, как чем-то отвратительным и отверженным! Это часть

твоего тела, хотя и искривило ее несчастье. *Тебе предает себя нищий* (Пс 9, 35), как Самому Богу, хотя ты и слишком надменно (может быть, хоть этими словами приведу тебя в стыд) проходишь мимо него. Тебе предлагается случай доказать свое человеколюбие, хотя и отвращает тебя враг от собственного твоего счастья.

Всякий мореплаватель близок к кораблекрушению, и тем ближе, чем с большей отважностью плывет. Так и всякий обложенный телом близок к бедам телесным, и тем ближе, чем страшнее ходит с поднятым челом, несмотря на лежащих перед ним. Пока плывешь при благоприятном ветре — подавай руку потерпевшему кораблекрушение; пока наслаждаешься здоровьем и богатством — помоги страждущему. Не дожидайся того, чтобы узнать из собственного опыта, какое великое зло есть бесчеловечие и какое великое благо есть сердце, открытое терпящим нужду. Не желай дожить до того, чтобы Бог вознес руку Свою (Пс 73, 3) на возносящих шею свою и пренебрегающих убогими. Вразумись чужими бедами. Дай хоть самую малость бедному: и то не будет малостью для того, кто во всем нуждается, и для Самого Бога, если подаяние будет по силе. Вместо великого дара принеси усердие. Ничего не имеешь? Утешь слезой. Великое лекарство злополучному, когда кто от души пожалеет о нем;

несчастье намного облегчается искренним соболезнованием. Ты, человек, не должен считать человека хуже животного, которое закон велит тебе поднять, когда оно упадет в ров, или привести к хозяину, когда заблудится (Исх 23, 4–5; Втор 22, 4). Не скрывается ли в этом повелении и другой, таинственный и глубочайший смысл, подобно как и во многих изречениях закона, отличающихся глубиной и многозначностью, — не мне проникать в это, а все испытующему и все знающему Духу. Я же, — насколько понимаю это и насколько относится то к моему слову, — скажу, что здесь закон имеет целью — от милосердия к тварям малозначащим возвести нас к милосердию совершеннейшему и важнейшему. В самом деле, если мы обязаны и к бессловесным быть милостивыми, то сколь же велика должна быть любовь наша к тем, кто одного с нами рода и достоинства? Так учат нас и разум, и закон, и справедливейшие из людей, которые полагают, что лучше благотворить, нежели принимать благодеяния, и что милость дороже корысти.

Что ж сказать о наших мудрецах? Я не говорю о язычниках, которые, выдумывая богов — защитников страстей, и Кердою¹ воздают величайшие почести, и, что еще хуже того, ставят законом

¹ Меркурию, покровителю торговли.

(как это видим у некоторых народов) приносить людей в жертву некоторым из демонов, так что бесчеловечие является у них частью богопочитания, и такими жертвами как сами услаждаются, так и богам своим думают доставить удовольствие — злые жрецы и тайнослужители злых! Но вот что особенно достойно оплакивания: есть и между нашими собратьями люди, которые так далеки от соболезнования и оказания помощи страждущим, что даже не стыдятся жестоко укорять их, нападают на них, придумывают пустые и ничтожные утешения, как говорящие с земли (Ис 29, 4), говорят на ветер, а не для слуха, водимого благим смыслом и привыкшего к истинам Божественным. Они осмеливаются так судить: «Бог послал им несчастья, а нам счастье. И кто я, чтобы смел нарушать определение Божие и показывать себя милостивее Бога? Пусть они томятся, бедствуют, страдают! Богу так угодно». В этом только случае и показывают они себя богопочитателями, где нужно им сберечь свои деньги и храбриться над несчастными! Но в самом деле они и не думают, что их благополучие происходит от Бога, как это ясно видно из слов их. Ибо станет ли рассуждать подобно им о бедных тот, кто признает Бога подателем всего, чем он владеет? Кто действительно имеет что-нибудь от Бога, тот употребляет свое имущество согласно с волей Божией. С другой стороны,

еще неизвестно и то, чтобы на бедных всегда насылал страдания Сам Бог, потому что и телесное вещество, находящееся беспрестанно в каком-то течении, может само по себе быть причиной расстройств. И почему кто знает, что один наказывается за порочную жизнь, а другой возвышается, как достойный похвалы? А может быть и наоборот — этот возвышается именно потому, что он худ; а тот подвергается искушению за свою добродетель; этот выше возносится, чтобы и упасть сильнее, ему попускается наперед обнаружить, как некую болезнь, всю свою порочность, дабы тем справедливее было наказание, которое постигнет его; а тот и сверх ожидания угнетается, дабы, искусившись *как золото в горниле* (Прем 3, 6), очиститься и от малейшей, какая еще оставалась в нем, примеси зла (ибо никто, по естественному рождению, не бывает совершенно *чист от скверны*, как это слышим мы из Писания (Иов 14, 4) и явиться еще более достойным, так как и эту тайну нахожу я в Божественном Писании (Прем 3, 5). Долго пришлось бы перечислять все относящиеся сюда слова Духа. И кто сочтет песок морской, и капли дождя, и глубину бездны (Сир 1, 2–3)? Равным образом, кто может во всем исследовать глубину премудрости Бога, которой Он и сотворил все, и управляет всем так, как хочет и как знает? Довольно для нас, по примеру божественного апостола, удивляться

только ей и почтить молчанием непостижимую и с трудом поддающуюся рассмотрению глубину ее. *О глубина богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его* (Рим 11, 33). И кто уразуме ум Господень? (Ис 40, 13). Или кто достигнет пределов премудрости Его, как говорит Иов (Иов 11, 7). *Кто мудр, чтобы разумеать это* (Ос 14, 10), и кто отважится то, что выше всякой меры, измерять соображениями удобопостижимыми? Итак, пусть кто-нибудь будет на это смел и отважен, а лучше, если бы никто. Я же ни наказаний в здешней жизни не осмелюсь относить во всяком случае к пороку, ни спокойного состояния — к добродетели. Правда, бывает и здесь такое мздовоздаяние, и, конечно, для некоторых полезных целей, дабы, с одной стороны, бедствия злых людей останавливали стремление порока, а с другой, благоденствие добрых облегчало путь добродетели, но это бывает не всегда и не вполне. Полное мздовоздаяние принадлежит единственно будущей жизни, где одни получают награды за добродетель, а другие — наказания за порок. Ибо восстанут, сказано, *эти в воскресение жизни, эти же в воскресение осуждения* (Ин 5, 29). А для настоящей жизни — другой закон, другое ведение.

Впрочем, и в настоящей жизни все направлено к будущей. И что кажется нам неровным, без

сомнения выравнивается у Бога. Подобно этому, в теле есть части выпуклые и впалые, большие и малые, также на земле есть места возвышенные и низкие; но все это, во взаимном соотношении, образует и представляет нашим взорам прекрасное целое. Также и у художника, сначала — нестройное и неровное вещество потом является весьма искусно обделанным, когда из него устроится какое-нибудь произведение, после чего и мы, увидев это произведение в совершенной красоте его, понимаем и признаем искусство художника. Так не будем же почитать Бога таким несовершенным художником, каковы мы; не будем находить неустройства в управлении миром лишь потому, что нам неизвестен способ управления. Но мы, — если нужно представить в подобии состояние нашего духа, — мы немного отличаемся от людей, страждущих на корабле тошнотой и головокружением, которые, кружась сами, думают, что и все кружится. Точно таковы те, о которых мы говорим. Они не хотят, чтобы Бог был мудрее их, когда у них кружится голова от недоумения о каком-нибудь происшествии. Вместо того чтобы или самим потрудиться в изыскании причины его, в той надежде, что, может быть, трудолюбивому исканию откроется истина, или посоветоваться об этом с людьми, которые мудрее и духовнее их (так как и мудрость есть одно из дарований),

и не у всех такое знание (1 Кор 8, 7), или чистотой жизни уловить ведение и поискать премудрости у истинной Премудрости; они — какое невежество! — хватаются за то, что ближе к рукам, клеветают, будто все в мире делается без причины, потому только, что сами ее не видят, и, таким образом, от своего невежества делаются мудрецами или от излишней, так сказать, мудрости становятся лишенными мудрости и неразумными. Оттого некоторые ввели счастье и самопроизвольность¹, — такой вымысел, который подлинно только наудачу и как случилось слеплен. Другие придумали какую-то неразумную и неотвратимую власть звезд, которые по своему произволу сплетают, или, лучше сказать, невольно принуждены сплести судьбу нашу; придумали соединения и противостояния каких-то блуждающих и неблуждающих тел небесных и владычествующее над всем миром движение. Иные, поскольку не могли постигнуть и познать самого Промысла, внесли в бедный род человеческий свои мечты, какие кому воображались, и раздробили это на различные мнения и наименования². Были и такие, которые Промысл представляли слишком

¹ Имеются в виду философы Эмпедокл и Эпикур.

² Имеется в виду языческая мифология.

бедным¹, и, распространив управление Его только на то, что выше нас, не осмелились низвести Его до нас, более всего имеющих в Нем нужду, как будто боясь того, чтобы Благодетеля не показать слишком благим, когда будет слишком много существ, пользующихся Его благодеяниями, или чтобы не утомить Бога множеством благотворений. Но оставим этих безумцев, — как я уже и сказал, — самим себе; поскольку еще прежде нас хорошо отразило их слово Божие этим приговором: *осуетилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели и изменили славу нетленного Бога* (Рим 1, 21–23), исказив какими-то мифами и тенями всеобъемлющий Промысл. Мы же, если только как существа разумные и служители Слова внимаем разуму, не должны ни сами придумывать подобных чудовищных мнений, ни принимать людей, которые так думают, сколько бы ни был оборотлив язык их в составлении нелепых умствований и учений и сколько бы ни была обольстительна новость их вымыслов. Напротив, мы должны верить, что есть Бог Творец и Создатель всех существ, ибо как могла бы и существовать Вселенная, если бы кто не осуществил ее и не привел в стройный состав? Должны верить, что есть Промысл, все содержащий и все

¹ Аристотель.

связывающий в мире, ибо для тех существ, для которых необходим Творец, необходим вместе и Промыслитель, иначе мир, носимый случаем, как вихрем корабль, должен бы был, по причине беспорядочных движений вещества, мгновенно разрушиться, рассыпаться и возвратиться в первоначальный хаос и неустройство. Мы должны также веровать, что наш Творец, или Зиждитель (все равно тем ли, или другим именем назовешь Его), особенным образом печется о нашей участи, хотя жизнь наша и проводится среди различных противностей, причины которых для того, может быть, и остаются неизвестными, чтобы мы, все постигая их, тем более удивлялись над всем возвышенному Уму. Ибо тем, что мы легко понимаем, тем легко и пренебрегаем; а, напротив, то, что выше нас, чем труднее оно для понимания, тем больше возбуждает в нас удивление; и все, что убегает от нашего желания, тем самым воспаляет к себе сильнейшую любовь.

Поэтому не будем ни слишком высоко ценить во всяком случае здоровье, ни слишком презирать болезни, не будем прилепляться к скороотекающему богатству (Пс 61, 11) и более надлежащего прилагать к этому потоку свое сердце, тратя на это, так сказать, нечто из существа души нашей. Не будем восставать и против бедности, как против доли, заслуживающей презрения, проклятия и ненависти.

Научимся лучше и презирать безумно употребляемое здоровье, которого плод — грех, и уважать благочестиво переносимую болезнь, почитая тех, которые страданием приобрели победу; как знать, не кроется ли между болящими какой-нибудь Иов, который несравненно больше достоин чести, чем здоровые, хотя и соскребают с себя гной, и томится день и ночь под открытым небом, страдая и от язв, и от жены, и от друзей. Научимся отмечать и несправедливое богатство, за которое праведно мучается в пламени богач, прося для прохладения малую каплю воды (Лк 16, 24); и вместе ублажать благодарную и любомудрую бедность, с которой Лазарь спасается и богато награждается упокоением в недрах Авраама.

Таким образом, человеколюбие и милосердие к бедным, кажется, нужно нам и для того, чтобы заградить уста неправомыслящих о нем и не уступать суетным их мудрованиям, которые мы теперь рассматривали, то есть не обращать жестокости в закон во вред самим себе. Но больше всего почтим здесь заповедь и увещания слова Божия. Какая же это заповедь? Посмотрите, как постоянно внушают ее мужи боговдохновенные и как она близка их сердцу. Не так они возвещают ее, чтобы раз или два поговорили что-нибудь о бедных и потом отступились; не так, чтобы одни упоминали о милосердии, а другие нет

или некоторые говорили о нем больше, а другие меньше, как будто бы оно не было важным и крайне нужным предметом. Нет, они все и каждый в особенности, почитая эту заповедь главной или одной из главных, с ревностью побуждают нас к исполнению ее то увещаниями, то угрозами, иногда упреками, а иногда и похвалами милосердным, и все это для того, чтобы непрестанными напоминаниями об этой заповеди усилить ее действие в сердцах наших. Сказано: *ради страдания нищих и вздыхания бедных, ныне восстану, говорит Господь* (Пс 11, 6). Кто же не убоится восстающего Господа? И в другом месте: *восстань, Господи, Боже мой, вознеси руку Твою, не забудь угнетенных* (Пс 9, 33). Отклоним молитвой такое возвышение руки Божией и не пожелаем видеть ее возносимой на непокорных или, что еще тягостнее, наводимой на жестокосердых. И еще: *не забывает вопля угнетенных; не навсегда забыт будет нищий* (Пс 9, 13, 19); *очи Его на нищего зрят* (Пс 10, 4), а такое взирание лучше и превосходнее, нежели приникновение веждей. Вежды же Его испытывают сынов человеческих, что есть уже как бы низший и второстепенный надзор. Но, может быть, скажет кто-нибудь, что здесь говорится о нищих и убогих, неправедно притесняемых. Не спорю; но и это самое должно побудить тебя к человеколюбию.

Если так много печется Господь о бедных, когда их обижают, то, конечно, еще больше наградит тебя за них, когда они получают от тебя благодеяния. Если *презирающий нищего, раздражает Сотворившего его* (Притч 17, 5), то пекущийся о творении чтит Творца. Опять, когда ты слышишь слова: *богатый и бедный встречаются друг с другом: того и другого Господь создал* (Притч 22, 2), то не думай, будто Господь создал одного нищим, а другого богатым для того, чтобы ты еще больше мог нападать на нищего, ибо неизвестно, от Бога ли произошло такое разделение. В этих словах Писания показывается только то, что и нищий, и богатый равно созданы Богом, хотя и неодинакова внешняя их участь. Пусть это подвигнет тебя к состраданию и братолюбия, и если б когда при взоре на свое богатство ты возгордился, то пусть мысль об общем Создателе смирит тебя и введет в пределы скромности. Что ж еще? *Благотворящий бедному дает взаймы Господу* (Притч 19, 17). Кто не пожелает иметь такого Должника, Который отдаст долг во время свое с лихвой? И опять: *милосердием и правдою очищается грех* (Притч 15, 27). Итак, очистим себя милосердием, отрем этим прекрасным знаком наши душевные нечистоты и скверны и убелимся, одни — как шерсть, другие — как снег (Ис 1, 18), по мере милосердия нашего!

Скажу нечто еще более поразительное. Если у тебя нет ни перелома, ни язвы, ни воспаленной раны (Ис 1, 6), нет никакой проказы душевной, или осязаемого признака, или блеска (Лев 13, 2), что только отчасти очищает закон и что может исцелить один Христос, то тем не менее окажи почтение Тому, Кто претерпел за нас раны и болезни. Почтешь же Его тогда, когда явишься милостивым и человеколюбивым к членам [тела] Христова. Если же разбойник и мучитель душ наших или на пути твоём из Иерусалима в Иерихон, или в другом каком-либо месте, напав на тебя, безоружного и неготового к обороне, до того, может быть, изранил тебя, что ты должен сказать: *смердят и гноятся раны мои, от безумия моего* (Пс 37, 6); если ты в таком состоянии находишься, что ни врачевания не ищешь, ни средства к исцелению твоему не знаешь — ах! это уже подлинно великая рана и крайнее бедствие. Но когда ты еще не совсем предался отчаянию и не сделался совершенно неисцелимым, прибегни ко Врачу, умоляй Его, лечи раны ранами, привлеки подобное подобным, или, лучше сказать, меньшими средствами уврачуй большие болезни. И Он скажет *душе твоей: Я — Спасение твое* (Пс 34, 3); скажет: *вера твоя спасла тебя* (Лк 7, 50), *ты выздоровел* (Ин 5, 14) и утешит тебя всей сладостью слов человеколюбия, если только увидит, что и ты человеколюбив к страждущим.

Блаженны, говорит Он, милостивые, ибо они помилованы будут (Мф 5, 7); видишь, что между блаженствами не последнее место занимает милость. Также: *блажен, кто помышляет о нищем и бедном* (Пс 40, 1); *добрый человек милует и займы дает* (Пс 111, 5); *всякий день милует и займы дает* (Пс 36, 26). Восхитим же блаженство, заслужим наименование *помышляющих*, сделаемся *добрыми*; сама ночь да не прервет дел милосердия. *Не говори: пойдя и придя опять, и утром я дам тебе* (Притч 3, 28). Не допускай ни малейшего промежутка между благим намерением и благодеянием. Вот одно, что не терпит отсрочки, — человеколюбие. *Раздели с голодным хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом твой* (Ис. 58, 7), и все это делай радушно. *Благотвори, сказано, с радушием* (Рим 12, 8); таким образом готовность твоя усугубит цену доброго твоего дела. Ибо что делается с печалью или по необходимости, то [является] неприятным и некрасивым; оказывая благодеяния, должно радоваться, а не скорбеть. *Когда удалишь от себя ярмо и рукоблание*, то есть скупость, проверки и сомнения и слово ропота, что будет тогда? Какое чудное и великое воздаяние! Какая и сколь богатая награда! *Тогда взойдет свет твой во тьме, и исцеление твое скоро воссияет* (Ис 58, 8–9). Кто же не пожелает себе света и исцеления?

Но с таким же благоговением взираю и я на ларец Христов¹, побуждающий нас к питанию нищих, и на согласие Павла и Петра в том, что они, разделив между собой проповедь Евангелия, общими силами пеклись о бедных, и на указанный юноше предел и закон совершенства: *имение твое раздай нищим* (Мф 19, 21). Не думаешь ли ты, что человеколюбие есть для тебя не необходимость, а дело произвола, не закон, а совет? Я и сам весьма желал бы так думать, но меня устрашают: левая сторона и кóзлица и укоризны, которые услышат они от Поставившего их влево. Они осуждены будут не за грабительство, не за святотатство, не за прелюбодеяние или другие грехи, запрещенные законом, а за то, что не послужили Христу в лице бедных.

Итак, если вы, рабы и братья и сонаследники Христа, сколько-нибудь имеете ко мне послушания, то, пока еще есть время, посетим Христа, послужим Христу, напитаем Христа, оденем Христа, примем Христа, почтим Христа — не только трапезой, как некоторые; не маслами благовонными, как Мария; не гробом только, как Иосиф Аримафейский; не веществами, нужными при погребении, как Никодим, вполнину только

¹ Имеется в виду ящик для денег, который носили с собой апостолы (Ин 12, 6; 13, 29).

показавший любовь свою ко Христу; не золотом, ладаном и смирной; как еще прежде — волхвы, но поскольку *милости* хочет, а не *жертвы* Владыка всяческих (Мф 9, 13) и милосердие дороже *тысяч тучных агнцев* (Дан 3, 40), то это-то милосердие и принесем Ему в лице бедных и валяющихся ныне на земле, чтобы тогда, как мы отойдем отсюда, они приняли нас в вечные обители (Лк 16, 9), в Самом Христе, Господе нашем, Которому слава вовеки. Аминь.

СЛОВО 37

На евангельские слова:

Когда окончил Иисус слова сии...

(Мф 19, 1–12)

Иисус, избрав сперва рыбаков, Сам потом закидывает сети и меняет места одно за другим. Для чего же? Не для того только, чтобы Своим пришествием больше приобретать боголюбцев, но, как думаю, и для того, чтобы освятить большее число мест. Он делается для иудеев иудеем, чтобы приобрести иудеев, для подзаконных подзаконным, чтобы искупить подзаконных, для немощных немощным, чтобы спасти немощных. Он делается всем для всех, чтобы всех приобрести. Но что говорю: всем для всех?

Чего Павел не захотел о себе сказать, то, как нахожу, понес на Себе Спаситель. Ибо Он не только делается иудеем, не только принимает на Себя всякие неприличные для Него и унижительные наименования, но, что всего неприличнее, называется даже *грехом* (2 Кор 5, 21) и *клятвой* (Гал 3, 13). Хотя не таков Он на самом деле, однако же именуется. Ибо как быть грехом Тому, Кто освобождает и нас от греха? Как быть клятвой Тому, Кто искупает и нас от проклятия закона? Но Он именуется так, чтобы и до этой степени показать Свое смирение, а тем нас научить смирению, которое ведет на высоту. Итак, Он делается, как сказал я, рыбаком, ко всем снисходит, закидывает сети, все терпит, чтобы только извлечь из глубины рыбу, то есть человека, плавающего в непостоянных и соленых волнах жизни.

Для этого и теперь *окончил слова сии, вышел из Галилеи и пришел в пределы Иудейские, Заиорданской стороною* (Мф 19, 1). Приходит в Галилею — и это во благо, чтобы народ, *сидящий во тьме, увидел свет великий* (Мф 4, 16). Переходит в Иудею, чтобы убедились восстать от буквы и последовать духу. То учит на горé, то беседует на равнинах, то сходит в корабль, то запрещает бурям, иногда и сон вкушает, чтобы и сон благословить, иногда утруждается, чтобы и труд освятить, иногда и плачет, чтобы и слезы сделать

похвальными. Переходит с места на место Невмещаемый никаким местом, Безлетный, Бестелесный, Необъемлемый, Который один и тот же и был, и начинает бытие, был превыше времени и приходит, подчиняясь времени, был невидим и делается видимым. *В начале был, у Бога был и был Богом*; третье *был*, самым числом подтверждаемое, Тот, Который *был*, истощил, а то, чем *не был*, воспринял, не составив через это двоих, но благоволив из двух сделаться Единым, потому что Бог есть то и другое, и принявшее и принятое, два естества, воедино стекшиеся, но не два Сына (да не бесчестится ложным толкованием это сорастворение!). Так велик Он! Но что со мной? Опять ниспадаю до выражений человеческих. Ибо как можно назвать простое таковым? И не количеством велик? Но простите слову — орудию малому; я говорю о Высочайшем! Великий и Долготерпеливый — Естество неопишемое и бестелесное, потерпит и то, что говорим о Нем, как о теле, и употребляем изречения, далеко не соответствующие истине. Ибо если Он принял плоть, то не погнушается и подобным словом.

За Ним последовало много людей, и Он исцелил их там (Мф 19, 2), где была обширная пустыня. Если бы Он пребывал на Своей высоте, если бы не снизошел к немощи, если бы остался Тем, Кем был, соблюдая Себя неприступным и непостижимым,

то, может быть, немногие бы последовали за Ним, даже, не знаю, последовали ли бы и немногие, разве один Моисей, и тот настолько, чтобы едва увидеть *задняя Божия*. Ибо хотя и расторг Моисей облако, когда был вне телесной тяжести, и привел в бездействие чувства, но тонкость и бестелесность Божию (или, не знаю, как иначе назвал бы это другой) мог ли видеть он, все еще будучи телом и проникая чувственными очами? Но поскольку Бог нас ради истощается¹ и нисходит (под истощанием² же понимаю истощание как ослабление и умаление славы), то и делается через это постижимым. Извините меня, что опять останавливаюсь и впадаю в человеческую немощь, исполняюсь гневом и скорбью за моего Христа (разделите и вы мои чувства!), когда вижу, что бесчестят Христа моего за то самое, за что наиболее чтить Его требовала справедливость. Скажи мне: потому ли Он веществен, что смирился ради тебя? Потому ли Он — тварь, что печется о твари? Потому ли под временем, что посещает находящихся под временем? Впрочем, Он все терпит, все переносит. И что удивительного? Он понес побои, потерпел оплевывания, вкусил желчь за мое вкушение.

¹ В греческом — κενούται — опорожняется, делается пустым.

² В греческом — κένωσις — опустошение.

Терпит и ныне побиение камнями не только от клеветующих, но даже от нас, которые почитаем себя благочестивыми. Ибо, рассуждая о бестелесном, употреблять наименования, свойственные телесному, значит, может быть, то же, что клеветать, то же, что побивать камнями, но, повторяю, да будет дано извинение нашей немощи! Мы не произвольно мечем камни, но потому, что не можем выразиться иначе, употребляем слова, какие имеем. Ты именуешься Словом и превыше слова, Ты превыше света и называешься Светом, именуешься Огнем не потому, что подлежишь чувствам, но потому, что очищаешь легкое и негодное вещество! Называешься мечом, потому что отсекаешь худое от доброго; лопатой, потому что очищаешь гумно и, отбрасывая все пустое и легкое, одно полновесное влагаешь в горние житницы, секирой, потому что после долготерпения срубаешь бесплодную смоковницу, потому что истребляешь самые корни зла, дверью по причине ввождения; путем, потому что мы шествуем прямо; агнцем, потому что Ты жертва; Первосвященником, потому что приносишь в жертву тело; Сыном, потому что Ты от Отца! Опять привожу в движение языки злоречивые; опять неистовствуют некоторые против Христа, или, лучше сказать, против меня, который удостоен быть проповедником Слова; делаюсь, как

Иоанн, гласом вопиющего в пустыне — в пустыне некогда безводной, но ныне весьма населенной. Впрочем, как сказал я (возвращаясь к моему слову), за Ним последовало много людей, потому что Он снисходит к нашим немощам. Что же потом? Сказано: *приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею?* (Мф 19, 3). Опять фарисеи искушают, опять читающие Закон не понимают закона, опять толкователи Закона имеют нужду в новых наставниках! Не довольно было саддукеев, искушающих о воскресении, законников, вопрошающих о совершенстве, иродиан — о кинсоне¹ и других — о власти: некто еще и о браке спрашивает Неискушаемого, спрашивает Того, Кто Сам Творец супружества. Кто от первой Причины создал весь этот род человеческий. Он сказал им в ответ: *не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их?* (Мф 19, 4). Он знал, какие вопросы решать и при каких заграждать уста вопрошающих. Когда спрашивают Его: *какою властью Ты это делаешь?* (Лк 20, 2), тогда, по причине крайнего невежества вопрошавших, Сам вопрошает: *крещение Иоанново с небес было, или от человеков?* (Лк 20, 4). И обоудной

¹ Подати кесарю (Мф 22, 17).

невозможностью дать ответ связывает вопрошающих. Поэтому и мы, подражая Христу, можем иногда заграждать уста любопытным совопросникам и их неуместные вопросы решать вопросами же, еще более неуместными. Ибо мы и сами мудры на пустое (если можно иногда похвалиться делами неразумия). Но когда Христос видит, что вопрос требует рассуждения, тогда вопрошающих удостаивает мудрых ответов. Он говорит: вопрос, предложенный тобой, показывает в тебе уважение к целомудрию и требует снисходительного ответа. А касательно целомудрия, как вижу, многие имеют неправильное понятие, да и закон у них не равен и не правилен. Ибо почему закон обуздал женский пол, а мужскому дал свободу и жена, злоумыслившая против ложа мужнего, прелюбодействует и подвергается за то строгому преследованию законов, а муж, прелюбодействующий с женой, не подлежит ответственности? Я не принимаю такого законодательства, не одобряю обычая. Мужья были законодателями, потому и закон обращен против жен, потому и детей отдали под власть отцов, а слабейший пол оставлен в пренебрежении. Напротив, Бог установил не так, но: *почитай отца твоего и мать твою* (Исх 20, 12) — вот первая заповедь, соединенная с обещаниями: *тебе будет хорошо, и кто злословит отца своего или свою мать, того должно смерти предать*

(Исх 21, 16). Видишь, равно и доброе почтил, и злое наказал. Еще: *благословение отца утверждает дома детей, а клятва матери разрушает до основания* (Сир 3, 9). Видите, как равно законодательство. Один Творец мужа и жены, одна плоть: оба они — один образ; один для них закон, одна смерть, одно воскресение, одинаково рождается от мужа и жены, один долг обязаны воздавать дети родителям. Как же ты требуешь целомудрия, а сам не соблюдаешь? Взыскиваешь чего не дал? Почему, будучи сам плоть такого же достоинства, не равный устанавливаешь закон? Если ты обращаешь внимание на худшее, то жена согрешила, согрешил и Адам, змий прельстил обоих, не оказался один слабее, а другой крепче. Но возьми во внимание лучшее. Обоих спасает Христос страданиями. За мужа стал Он плотью, но также и за жену. За мужа умер, и жена смертью спасается. Христос от семени Давидова именуется (чем, может быть, думаешь, почтен муж), но и от Девы рождается — это уже честь женам!

И будут два, сказано, одной плотью (Мф 19, 5), а единая плоть да имеет и одинаковую честь. Павел же внушает целомудрие и примером. Каким примером и как? *Тайна эта велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви* (Еф 5, 32). Хорошо жене — почитать Христа в лице мужа, хорошо и мужу — не бесчестить Церковь в лице жены.

Жена, говорит он, да убоится мужа своего, по- 299
тому что боится и Христа, но и муж да любит
свою жену, потому что и Христос любит Церковь.
Вникнем в слова эти с большим тщанием. Сби-
вание молока производит масло (Притч 30, 33), ис-
следуй, и, может быть, найдешь в них нечто более
питательное. Мне кажется, что здесь слово Божие
не одобряет двоеженства, ибо если два Христа, то
два и мужа, две и жены, а если один Христос, одна
глава Церкви, то и плоть одна, а всякая другая да
будет отвергнута. А если удерживает от второго
брака, то что сказать о третьем? Первый есть за-
кон, второй — снисхождение, третий — беззакон-
ие. А кто преступает и этот предел, тот подобен
свинье и не много имеет примеров такого срама.
Хотя закон дает развод по всякой вине, но Хри-
стос — не по всякой вине, а позволяет только раз-
лучаться с прелюбодейкой, все же прочее повеле-
вает переносить любомудренно и прелюбодейку
отлучает потому, что она повреждает род. Каса-
тельно же всего прочего будем терпеливы и лю-
бомудренны, или, лучше сказать, будьте терпе-
ливы и любомудренны — вы, принявшие на себя
иго брака. Видишь ли, что жена приукрасилась
или подкрасилась, — сотри; или у нее язык весь-
ма дерзкий — уцеломудрь; или смех неблагопри-
стойный, — сделай скромным; или замечаешь не-
умеренность в расходах и в питье — ограничь; или

неблаговременные выходы из дома, — положи преграду; или рассеянный взор, — исправь, но не отсекай, не отлучай от себя поспешно, ибо неизвестно, кто подвергается опасности, отлучающий или отлучаемый. *Источник воды, сказано, да будет тебе твой, и да никтоже чужд причастится тебе; жребя твоих благодатей и елень любви да беседует тебе* (Притч 5, 17–19). Итак, не будь рекой чуждой и не старайся нравиться другим больше, нежели жене своей. А если стремишься в иное место, то и члену своему поставляешь в закон бесстыдство. Так учит Спаситель. Что же фарисеи? Жестоко им кажется слово, так как и все доброе не нравилось и не нравится и тогдашним, и нынешним фарисеям. Ибо фарисеем делает не происхождение только, но и образ жизни, так ассириянином и египтянином почитаю всякого, кто произволением своим ставит себя с ними в один ряд. Что же фарисеи? Говорят: *Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться* (Мф 19, 10). Теперь только узнаешь ты, фарисей, что лучше не жениться? А прежде не знал, когда видел вдовство, и сиротство, и безвременную смерть, и рукоплескания, сменяемые плачем, и гробы подле брачных чертогов, и бесплодие, и несчастья от детей, и неудавшееся рождение, и детей, лишаящихся матери при самом рождении, наконец, все, что бывает при этом

и смешного и горестного, потому что можно здесь сказать и то и другое. *Лучше жениться*, и я на это согласен, *ибо брак будет честен и ложе непорочно* (Евр 13, 4), но лучше для умеренных, а не для ненасытных, не для тех, которые хотят оказывать плоти более уважения, чем должно. Когда брак есть собственно брак и супружеский союз и желание оставить после себя детей, тогда брак хорош, ибо умножает число благоугождающих Богу. Но когда он разжигает грубую плоть, обкладывает ее тернием и делается как бы путем к пороку, тогда и я скажу: *лучше не жениться*. Брак — доброе дело, но не могу сказать, чтобы он был выше непорочности. Ибо непорочность не признавалась бы чем-то высоким, если бы не была из лучшего лучшим. Да не огорчаются этим носящие узы брака! *Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам* (Деян 5, 29). Напротив, девы и жены, соединитесь вместе, составьте единое в Господе и служите друг другу украшением! Не было бы и безбрачных, если бы не было брака, ибо откуда бы явился в свет и девственник? Не был бы брак честен, если бы Богу и жизни не плодоприносил девственников. Почитай и ты¹ мать свою, от которой происходишь; почитай и ты² произошедшую

¹ Девственник.

² Состоящий в браке.

от матери и мать, хотя она и не мать, но невеста Христова. Красота видимая не сокрыта, а незримая видима Богу, *вся слава дщери царя внутри; одежда ее шита золотом* (Пс 44, 14), то есть и делами, и созерцанием. И вступившая в брак да принадлежит Христу, и дева да будет всецело Христова! Одна да не прилепляется совершенно к миру, другая да не будет вовсе от мира! Что замужней принадлежит частью, то деве принадлежит всецело. Ты избрала жизнь ангельскую, стала в чин безбрачных, — не ниспадай же в плотское, не ниспадай в вещественное, не сочетайся с веществом, тогда как ведешь жизнь безбрачную. Блудный взор не убережет целомудрия; блудный язык вступает в общение с лукавым; ноги, идущие бесчинно, обличают болезнь или приводятся в движение болезнью. Да будет девственной и мысль, да не кружится, да не блуждает, да не носит в себе образов того, что лукаво (такой образ есть уже часть блуда), да не созидает в душе ненавистных кумиров!

Он же сказал им: *не все вмещают слово сие, но кому дано* (Мф 19, 11). Видите ли высоту этой добродетели? Она оказывается едва удобовместимой. Да и не выше ли плоти — рожденному от плоти не рождать в плоть? Не ангельское ли свойство — душе, связанной с плотью, жить не по плоти и быть выше самой природы? Плоть связала ее с миром, а разум возвел к Богу; плоть обременила,

а разум окрылил; плоть заключила в узы, а любовь разрешила их. Всей душой стремись, дева, к Богу! Один и тот же закон даю и мужчинам, и женщинам. Не представляй себе благом всего того, что кажется благом для многих, — ни рода, ни богатства, ни престола, ни господства, ни красоты, поставляемой в красоте внешнего вида и стройности членов — этого игралища времени и болезней! Если ты всю силу любви истощила перед Богом, если не два у тебя предмета любви, то есть и скоропреходящее и постоянное, и видимое и невидимое; то уязвлена ли ты столько избранной стрелой и познала ли красоту Жениха, чтоб могла сказать словами брачного описания и брачной песни: Ты *сладость, и весь желание* (Песн 5, 16)? Видите в свинцовых трубах заключенные потоки, как они, при сильном стеснении и устремлении к одному месту, до того часто отступают от естественного свойства воды, что, давимые непрерывно сзади, устремляются вверх: так и ты, если сосредоточишь любовь и всецело соединишься со Христом, то будешь стремиться вверх, а не падать вниз и не разливаться. Ты вся пребудешь Христова, пока наконец увидишь и Самого Христа, жениха твоего. Храни себя неприступной и в слове, и в деле, и в жизни, и в помыслах, и в движениях сердечных, ибо лукавый отовсюду пытается и все высматривает, где низложить, где уязвить тебя, если

найдет что незащищенным и открытым для удара. Чем более видит в тебе чистоты, тем больше усиливается осквернить, потому что пятна виднее на чистой одежде. Да не привлекают взор — взора, смех — смеха, короткость обхождения — ночных сходбищ, а ночь — погибели! Ибо понемногу отъемлемое и похищаемое, хотя в настоящем производит ущерб неощутимый, однако же впоследствии совершенно уничтожает вещь.

Не все, говорит, вмещают слово сие, но кому дано. Когда слышишь: кому дано, не впадай от этого в ересь, не вводи различных естеств: земных, духовных и средних, ибо некоторые держатся превратных мнений и думают, что одни по самой природе назначены к совершенной погибели, а другие — к спасению, иные же в таком состоянии поставлены, что собственный произвол ведет их к худому или к доброму. И я согласен, что один, в сравнении с другим, имеет больше или меньше способности; но одной способности недостаточно для совершенства, и разум должен возбудить способность, чтобы природа пришла в деятельность, подобно тому как камень пирит, если ударяют в него железом, сам делается железом. Когда слышишь: кому дано, то добавляй: дано призываемым и имеющим к тому расположение, ибо когда слышим также: не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего (Рим 9, 16),

советую тебе подразумевать то же. Поскольку есть люди, так высоко думающие о своих заслугах, что все приписывают себе самим, а не Тому, Кто их сотворил и умудрил, не Подателю благ, то слово Божие учит таковых, что нужна Божия помощь и для того, чтобы пожелать добра, тем более само избрание должного есть нечто Божественное, дар Божия человеколюбия. Ибо надобно, чтобы дело спасения зависело как от нас, так и от Бога. Поэтому сказано: *не от желающего*, то есть не от одного хотящего, *не от подвизающегося* только, но и *от Бога милующего*. Потом, поскольку и само хотение от Бога, то справедливо апостол все приписал Богу. Идешь ли, трудишься ли — всегда имеешь нужду в Дающем венец. *Если Господь не созиждет дом, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж* его (Пс 126, 1). Знаю, говорит он, что не от легких в беге зависит бег, не от сильных — война, не от ратоборцев — победа и пристань не во власти искусных пловцов, но от Бога и победу устроить и ладью привести к пристани. И, может быть, то, что говорится и подразумевается в другом месте и что пришло мне на мысль по случаю сказанного, нужно присовокупить здесь, чтобы и с вами поделиться моим богатством. Просила мать сынов Зеведеевых, страдавшая чадолюбием и не знавшая меры просимого, однако же извиняемая

избытком любви и благожеланием, какое должно иметь к детям, потому что нет ничего сердобольнее матери; и я говорю это, чтобы поставить в обязанность почитать матерей, — итак, просила Иисуса мать сынов Зеведеевых, чтобы одному сесть по правую, а другому по левую Его руку. Что же Спаситель? Сперва спрашивает, могут ли пить чашу, которую Сам Он имеет пить? А когда они сказали, что могут, и Спаситель не стал противоречить этому (ибо знал, что и их та же чаша ведет, или, лучше сказать, приведет к совершенству), тогда что говорит? Чашу будут пить, а *дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит*, — говорит Он (Мф 20, 23), но кому дано. Итак, ничего не значат ни владычественный ум, ни труд, ни слово, ни любомудрие, ни пост, ни бдение, ни возлежание на голой земле, ни источаемые потоки слез? Все это ничего не значит? Но по какому-то предызбранию и Иеремия освящается, и иные отделяются еще во утробе материнской? Боюсь, чтобы не присоединилась к этому нелепая мысль, будто бы душа имела другую жизнь, а потом уже соединена с этим телом, и за тамошнюю жизнь одни получают здесь дар пророчества, а другие, жившие там худо, осуждаются. Но поскольку допустить это крайне нелепо и несообразно с учением Церкви (хотя другие и забавляются такими учениями, но нам забавляться

подобными толками небезопасно), то и в этом месте к словам *кому дано* добавляя: то есть достойным, а то, чтобы стать достойными, не только получили они от Отца, но и сами себе дали.

Ибо есть скопцы, которые из чрева матери *него родились* и пр. (Мф 9, 12). Очень желал бы я сказать о скопцах что-нибудь сильное. Не высоко думайте о себе, скопцы по природе! Может быть, что вы и произвольно целомудренны, потому что целомудрие ваше не подвергалось искушению и не доказано опытом. Что сделано доброго по естественному влечению, то не заслуживает одобрения, а что сделано по свободному произволению, то похвально. Какая честь огню, что он жжет? Жечь — природное его свойство. Или воде, что течет вниз? Это свойство дано ей от Творца. Какая честь снегу, что он холоден? Солнцу, что светит? Оно светит и поневоле. Покажи мне, что желаешь добра. А это покажешь, если, будучи плотским, сделаешься духовным, если, увлекаемый вниз тяжестью плоти, окрылишься умом, если ты, рожденный низким, окажешься небесным; если ты, связанный плотью, явишься выше плоти. Итак, поскольку не похвально разуместь это об одном телесном, то требую от скопцов чего-то иного. Не прелюбодействуйте в отношении к Божеству! Соединившиеся со Христом, не бесчестите Христа! Приведенные Духом к совершенству,

не делайте Духа равночестным себе! *Если бы я и поныне угождал людям*, — говорит Павел, — *то не был бы рабом Христовым* (Гал 1, 10), если бы служил твари, не назывался бы христианином. Ибо почему важно название христианин? Не потому ли, что Христос есть Бог (если только принимаю это наименование не по страсти, как человек, привязанный ко Христу земной любовью)? Хотя и Петра почитаю, однако же не называюсь петрианином, почитаю и Павла, но никогда еще не назывался павлианином. Я не согласен заимствовать наименование от человека, будучи сотворен от Бога. Таким образом, если называешься христианином потому, что Христа признаешь Богом, то и называйся и будь христианином и именем, и делом. А если называешься от имени Христова потому, что любишь Христа, то приписываешь Ему не более, как если бы усвоил Ему одно из других названий, какие даются людям по роду занятия или промысла. Видите этих любителей конских бегов: они получают название по цвету и по той стороне, на которой становятся. Но вам известны имена эти и без моего напоминания. Если в таком же смысле называешься ты и христианином, то весьма маловажно твое именование, хотя бы ты и гордился им. А если именуешься в том смысле, что Христа исповедуешь Богом, то докажи делами свое исповедание. Если Бог тварь, то и до

сих пор служишь ты твари, а не Творцу. Если Дух Святой тварь, то напрасно ты крестился, и хотя по двум частям ты здоров (лучше же сказать, и по тем не здоров), однако же по одной находишься в крайней опасности. Представь, что Троица есть одна жемчужина, отовсюду имеющая одинаковый вид и равный блеск; если одна какая-нибудь часть этой жемчужины будет повреждена, то утратится вся приятность камня. Когда бесславишь Сына, чтобы почитать Отца, Отец не приемлет твоего чествования. Не прославится Отец бесславием Сына. Если сын *мудрый радуется отца* (Притч 10, 1), то тем более честь сына не будет ли честью и для отца? А если принимаешь и это: *не ищи славы в бесчестию отца* (Сир 3, 10), то равно и отец не прославится бесславием сына. Если бесчестишь Святого Духа, то и Сын не принимает твоего чествования, ибо хотя Дух и не как Сын от Отца, однако от Того же Отца. Или всему воздай честь, или целое обесчести, чтобы по крайней мере показать согласный с самим собой ум. Не принимаю твоего половинчатого благочестия, хочу, чтобы ты всецело был благочестив (и как еще желаю этого! Прости движению сердца — болезную и за ненавидящих!). Ты был моим членом, и хотя теперь отсечен, но, может быть, опять будешь членом, потому и говорю снисходительно. Вот что для скопцов: чтобы хранили целомудрие в рассуждении Божества; ибо

блудом и прелюбодеянием называется не только грех в рассуждении тела, но и всякий грех, особенно же беззаконие в рассуждении Божества. Может быть, спросишь, чем это докажем? Сказано: *блудодествовали поступками своими* (Пс 105, 39). Здесь видишь и бесстыдное дело блуда. Сказано также: *и прелюбодействовала с деревом* (Иер 3, 9). Видишь, что есть и прелюбодеяние в отношении богопочитания. Итак, сохраняя телесное целомудрие, не блуди душевно. Не заставляй делать вывод, что ты невольно соблюдаешь целомудрие плотское, потому что не целомудрен в том, в чем имеешь возможность быть блудником. Для чего вы сотворили нечестие ваше? Для чего все стремитесь ко злу так, что стало уже одно и то же именоваться или скопцом, или нечестивым? Приобщитесь к мужам, рассуждайте, наконец, как свойственно мужу. Избегайте женских собраний, к позорному имени не присовокупляйте срамного учения. Угодно ли, чтобы еще продолжил я слово, или довольно уже и сказанного? Впрочем, да будут почтены и скопцы последующими словами Христовыми, ибо служат к их похвале. *Ибо есть скопцы, — говорит [Христос], — которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскотлены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит*

(Мф 19, 12). Мне кажется, что слово, уклоняясь от телесного, посредством телесного изображает высшее, ибо мало, даже, может быть, крайне слабо и недостойно слова было остановить понятие на телесных только скопцах, а мы должны представлять себе нечто достойное духа. Итак, одни кажутся от природы расположенными к добру. Когда говорю: от природы, не унижаю тем желания, но предполагаю то и другое: и наклонность к добру, и волю, которая приводит в действие естественную наклонность. А другие таковы, что их очищает учение, удаляя в них страсти, и их-то понимаю под скопцами, которые оскотлены от людей; когда наставническое слово, отделяя доброе от худого и, одно устраняя, а другое предписывая (как, например, в заповеди: *уклоняйся от зла и делай добро* — Пс 33, 15), созидает в них духовное целомудрие. Хвалю и этот род скопцов, даже весьма хвалю как наставников, так и наставляемых: первых за то, что умеют отсекают, а последних за то, что еще лучше переносят отсечение.

И есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Иные не имели наставников, но сами для себя сделались похвальными наставниками. Не учила тебя мать чему должно, не учил отец, ни священник, ни епископ, ни кто-либо другой из тех, кому поручено учить, но ты сам, приведя в действие разум,

свободной волей воспламенив искру добра, оскотпив себя, отсек корень, истребил орудия греха, приобрел такой навык в добродетели, что для тебя стало почти уже невозможным устремляться ко злу. Поэтому хвалю и этот род скопцов, даже еще более, нежели другие роды.

Кто может вместить, да вместит. Избери что угодно: или последуй учителю, или сам для себя будь учителем. Одно только постыдно — если не будут отсечены страсти, а кем бы ни были отсечены, не полагай в том различия. Ибо и наставник есть творение Божие, и ты от Бога. Хотя наставник предвосхитит у тебя честь, хотя добро будет собственным твоим делом, в обоих случаях оно одинаково добро; отсечем только от себя страсти, чтобы никакой корень горести, возникнув, не причинил вреда (Евр 12, 15), будем только следовать образу, станем только чтить Первообраз. Отсеки телесные страсти, отсеки и душевные, ибо насколько душа дороже тела, настолько важнее очищать душу, нежели тело. Если и очищение тела есть одно из похвальных дел, то смотри, сколь важнее и выше очищение души. Отсеки Ариево нечестие, отсеки Савеллиево зловерие и не соединяй более надлежащего, и не разделяй злочестиво, не совокупляй в единое Лицо Трех и не делай Трех иных по естеству. Похвально исповедовать Единое, если хорошо разумеешь единство;

похвально исповедовать и Трех, если правильно разделяешь, то есть допускаешь разделение Лиц, а не Божества. Это предписываю мирянам, это заповедую священникам, а равно и тем, которым вверено начальство. Вспомоществуйте слову все, кому дана от Бога возможность вспомоствовать. Великое дело — воспрепятствовать убийству, наказать прелюбодеяние, обуздать хищничество; несравненно выше — внушить благочестие и преподать здоровое учение. Не столько силы будет иметь мое слово, подвизающееся за Святую Троицу, сколько твое поведение, если ты заградишь злонамеренным уста, поможешь гонимым, остановишь убийц, воспрепятствуешь убийству; имею в виду не одно телесное, но и душевное убийство, ибо всякий грех есть смерть души.

Этим да окончится слово, остается еще просьба к собравшимся здесь. Мужи и жены, начальники и подчиненные, старцы, юноши и девы, люди всякого возраста! Переносите всякий ущерб, касающийся имущества или тела, одного только не потерпите — чтобы понесло ущерб учение о Божестве. Поклоняюсь Отцу, поклоняюсь Сыну, поклоняюсь Духу Святому; лучше же сказать, я, который говорит это, поклоняюсь и прежде всех, и после всех вас, и со всеми вами о Самом Господе, Христе нашем,
Которому слава и держава вовеки.

Аминь.

СЛОВО 36

О себе самом и к говорившим,
что святитель Григорий желает
Константинопольского престола

Дивлюсь, что располагает вас настолько к словам моим? Отчего берет над вами такую силу моя речь, речь чужеземца, может быть, слабая и не имеющая никакой привлекательности? Даже кажется, что у вас такое же ко мне притяжение, какое у железа к магниту, потому что вы держитесь на мне, держась и каждый взаимно друг за друга, и все за Бога, из Которого и в Котором все (Рим 11, 36). Подлинно, это чудная цепь, и ее сплетает Дух Святой, связуя неразрывными узами!

А если спросите о причине, то, насколько сознаю сам себя, не вижу в себе преимущественной перед другими мудрости, разве иной примет за мудрость то, что я признаю себя и не мудрым, и не близким к истинной и первоначальной Мудрости. Так думать о себе весьма нужно нынешним мудрецам, потому что всего легче обманывать самого себя и, надмеваясь пустой славой, почитать себя чем-то, будучи ничем. Не я первый проповедал вам учение Православия, за которое вы всего крепче держитесь. Я шел по чужим следам и (сказать правду) по следам вашим. Ибо вы ученики

знаменитого Александра¹, великого поборника и проповедника Троицы, который и словом, и делом искоренял нечестие, и помните ту апостольскую молитву, которая начальника нечестия² поразила в месте, достойном нечистого этого языка, чтобы за поругание наказан он был поруганием и за несправедливую смерть обольщенных им душ опозорен был праведно постигшей смертью. Итак, мы не новый открыли вам источник, подобный тому, какой показал Моисей в безводном месте спасаемым из Египта (Исх 17, 6), но раскопали закрытый и засыпанный землей, подражая рабам Исаака великого, которые не только копали новые колодцы *воды живой*, но и очищали заваленные филистимлянами (Быт 26, 16).

С другой стороны, я не из числа краснословов, не имею приятности в обхождении, не умею похищать благосклонность ласкательством, к чему способных много вижу между вызывающимися ныне священствовать. Эти люди и наше благочестие, которое просто и чуждо искусственности, обратили в искусственное и в какой-то новый род управления, перенесенный с торжищ во святилище и из театров в недоступное взорам многих тайноводство;

¹ Имеется в виду святитель Александр, архиепископ Александрийский.

² Имеется в виду Арий.

так что у нас (если должно выразиться смелее) две сцены, и между ними существует лишь то единственное различие, что одна открыта для всех, а другая — для некоторых; на одной возбуждается смех, на другой — уважение; одна называется театральной, а другая — духовной. *Свидетели вы и Бог*, говорит божественный апостол (1 Сол 2, 10), что мы не принадлежим к этой части, напротив, таковы, что скорее можно обвинить нас в грубости и незнании светских приличий, нежели в ласкательстве и раболепстве, даже и к тем, которые весьма к нам привержены, оказываемся иногда суровыми, как скоро они поступают в чем-нибудь, по нашему мнению, незаконно. И это доказало событие, недавно случившееся со мной, когда вы, народ, кипя ревностью и гневом, несмотря на мой вопль и слезы, возвели меня на этот престол, который не знаю, как и назвать, мучительским или первосвященническим, — возвели, из любви нарушив закон. При этом случае настолько огорчил я некоторых из самых ревностных, что они оставили меня и любовь переменили во вражду. Ибо менее смотрю на то, чем можно угодить, нежели на то, чем можно доставить пользу.

Поэтому какая же причина такой любви ко мне и к моим словам? Хотите ли сами открыть и объяснить ее, сделать известной вашу ко мне любовь или угодно вам, чтоб изложил это я, которого и в

других случаях охотно приемлете истолкователем? Насколько заключаю по вашему молчанию, вы мне предоставляете слово. Итак, слушайте и смотрите, худой ли я отгадчик в подобных делах.

Во-первых, мне представляется, что, так как вы сами призвали меня, то и поддерживаете собственным судом, а потому и бережете меня, как свою добычу. И это точно есть в природе нашей — любить все собственное, будь то имение, или порождение, или слово, и питать искреннее благорасположение к своим произведениям. Во-вторых, особенно уважаете во мне то, что я не дерзок, не нагл, не держу себя по-театральному и напыщенно, но уступчив, скромн, даже в обществе как бы ни с кем не имею общения и живу отшельником, короче же сказать: веду себя любомудренно, и любомудрие мое не искусственное и ловко выисканное, но просто и духовно содержимое. Ибо не для того укрываюсь, чтобы искали меня и чтобы сочли достойным большей чести, с какой мыслью иные открывают ненадолго красоты и потом прячут, но чтобы своим безмолвием доказать, насколько избегаю председательства и не домогаюсь таких почестей. В-третьих, вы видите, сколько терплю я от внешних врагов и домашних наветов, когда скажу с Даниилом: *вышло беззаконие из Вавилона от старейшин-судей, которые собирались судить Израиля* (Дан 13, 41). Вы

жалуетесь и негодуете на это, не можете ничем помочь притесненному и вместо всего приносите мне в дар одно сожаление. А жалость в соединении со стыдом произвела любовь. Вот тайна вашего ко мне уважения! А поскольку нападают на меня за мои слова, за этот обильный и тем возбуждающий зависть язык, который сперва обучили мы светской словесности, а потом облагородили Божиим словом и горькую Мерру усладили деревом жизни (Исх 15, 25), то вы дали в себе место чувствованиям, достойным людей благородных, и любите во мне то самое, за что подвергаюсь нападениям.

Почему же не возлюбил я учености безгласной, сухой и пресмыкающейся по земле? Почему, видя многих довольствующихся и такой ученостью, я посвятил себя любомудрию чуждому и иноземному, обратился к выражениям спорным, когда надлежало смело бежать от всяких рассуждений и верой назвать такое отречение от разума, которое бы (уверяю в этом) и я сам возлюбил, будучи рыбаком (что также для многих составляет готовый предлог к извинению невежества), если бы моим словам была дана сила знамений? О, когда бы истребилась между людьми зависть, эта язва для одержимых ею, этот яд для страждущих от нее, эта одна из самых несправедливых и вместе справедливых страстей, — страсть несправедливая,

потому что возмущает покой всех добрых, и справедливая, потому что сушит питающих ее! Ибо не буду желать зла тем, которые вначале хвалили меня. Они не знали, какой будет конец этих похвал; иначе, может быть, присоединили бы к похвалам и порицания, чтобы поставить преграду зависти.

Зависть омрачила и ангела, падшего от превозношения. Будучи Божествен, он не утерпел, чтобы не признать себя богом, и изринул из рая Адама, овладев им посредством сластолюбия и жены (Быт 3, 2, 3), ибо уверил его, что древо познания запрещено ему на время из зависти, чтобы не стал он богом. Зависть сделала братоубийцей и Каина, который не стерпел того, что другая жертва была святее его жертвы. Зависть и злочестивый мир покрыла водами, и содомлян потопила огнем. Зависть поглотила землю Дафана и Авирона, восставших против Моисея (Чис 16, 32), и поразила проказой Мариам, возроптавшую только на брата (Чис 12, 10). Зависть обагрила землю кровью пророков и через жен поколебала премудрого Соломона. Зависть и из Иуды сделала предателя, обольстившегося небольшим числом сребренников и заслужившего удушение; она произвела и Ирода — детоубийцу, и Пилата — христоубийцу. Зависть унизила и рассеяла Израиля, который и доньше не восстал от греха этого. Зависть восставила нам

и того богоотступного мучителя¹, от которого теперь еще остаются угли, хотя избегли мы пламени. Зависть рассекла и прекрасное Тело Церкви, разделив на разные и противоборствующие скопища. Зависть восставила у нас и Иероваама, — этого служителя греха², и налагает узы на язык. Он не терпит воссиявшей Троицы, Которая озаряет нас всецелым Божеством и истинных Своих поведников делает для вас досточестными.

Не представляется ли вам, что я пустословлю, предлагая свои сравнения? Или живописующее слово весьма верно изобразило причины любви? Что касается этой любви, я так понимаю дело. Но поскольку вижу, что некоторые огорчаются оскорблениями и мое несчастье считают своим собственным несчастьем, то полюбоумствуем кратко об этом.

Если бы для каких-нибудь человеческих и ничтожных замыслов или для получения этой кафедры и вначале предстал я перед вами с этой сединой и с этими членами, согбенными от времени и болезни, и теперь бы переносил столько бесчестий, то мне было бы стыдно неба и земли

¹ Имеется в виду император Юлиан Отступник.

² Видимо, имеется в виду Максим, философ-киник, стремившийся свергнуть святителя Григория с Константинопольской епископской кафедры.

(которых привыкли брать в свидетели древние), стыдно было бы этой кафедры, этого священного собрания, этого святого и недавно соединенного народа, против которого такое ополчение лукавых сил, чтобы он, начавший уже образовываться по Христе, разрушен был до своего составления и умерщвлен до рождения. Мне стыдно было бы моих подвигов, и трудов, и этой власяной одежды, и пустыни, и уединения, с которым я свыкся, и беззаботной жизни, и малоценной трапезы, которая немного разве дороже была трапезы птиц небесных. Но пусть иные скажут обо мне правду, будто бы пожелал я чужой жены¹, тогда как не захотел иметь своей! Пусть возьмут предомной преимущество и *гаваониты*, которых (насколько знаю) не примет Дух Святой в *дровосеки* и *водоносы* (Нав 9, 27), пока будут приступать к святилищу с такими пятнами в жизни и учении! Но если пришел я сюда защитить учение, оказать посильную помощь Церкви до сих пор вдовствующей и незамужней, быть как бы наместником и попечителем, чтоб увести ее другому, как скоро окажется кто достойным этой красоты, и принести этой царице богатейшее вино добродетели, в таком случае чего я достоин, похвалы

¹ То есть престола Константинопольской Церкви, оставив Церковь Сасимскую.

ли за усердие или упреков по одному подозрению, потому что меня судят, соображаясь со страстями других? Поэтому, если застигнутому бурей кораблю, или осажденному городу, или пожираемому пламенем дому подаем помощь, спеша на лодках, или с воинством, или с приспособлениями для тушения пламени, ты, добрейший, без сомнения назовешь нас или морскими разбойниками, или желающими овладеть городом и домом, а не помощниками и защитниками.

Но скажешь: не так думают о тебе многие. Какая нужда в этом мне, для которого быть, а не казаться дороже всего, лучше же сказать, составляет все? То, что я сам в себе таков, или осудит меня, или оправдает, сделает несчастным или блаженным, а то, каким я кажусь, ничего для меня не значит, равно как и чужое сновидение. Ты говоришь, любезный: не таким представляешься для многих. Но земля представляется ли неподвижной тем, у которых кружится голова? Пьяным кажется ли, что трезвые трезвы, а не на голове ходят и не вертятся? Не думают ли иногда больные и потерявшие вкус, что и мед горек? Но не таковы вещи сами по себе, хотя и такими кажутся для страждущих. Поэтому докажи сперва, что так думают о нас люди, находящиеся в здравом состоянии; и потом советуй нам перемениться или осуждай, если не слушаемся, но остаемся при своем

суждении. Не таким кажусь для многих, но таким кажусь для Бога, и не кажусь, но весь открыт перед Тем, Который все знает до рождения людей, *создал сердца наши, вникает во все дела* (Пс 32, 15), движения и помышления наши, и на совершаемое по иным, от Которого ничто существующее не сокрыто и скрыться не может, Который иначе смотрит на наше дело, нежели как смотрят люди. *Ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце* (1 Цар 16, 7). Так, слышишь, говорит Писание, и веруй. И имеющему ум должно помышлять более о Боге, нежели о совокупном мнении всех прочих. Если и из людей имеешь двоих советников в одном деле и один смышленее, а другой малосведущ, то покажешь ли благоразумие, если, оставив более смышленного, последуешь совету малосведущего? И Ровоам не похвален за то, что, презрев *совет старцев*, исполнил мнение юных (3 Цар 12, 13–14). Сравнивая же Бога с людьми, ужели предпочтешь мнения человеческие? Конечно, нет, если слушаешь меня и сам рассудишь внимательнее.

Но мы стыдимся, скажешь, сделанных тебе оскорблений. А мне стыдно за вас, что стыдитесь этого. Если терпим это справедливо, то нам самим более стыдиться должно, и стыдиться не столько потому, что нас бесчестят, сколько потому, что достойны мы бесчестия. Если же терпим

несправедливо, то виновны в этом оскорбляющие нас, и потому о них должно больше скорбеть, нежели о нас, ибо они терпят зло. Если я худ, а ты считаешь меня добрым, что мне после этого делать? Сделаться ли еще хуже, чтобы больше угодить тебе? Я не пожелал бы себе этого. Равным образом, если стою прямо, а тебе кажется, что падаю, ужели мне для тебя оставить прямое положение? Я живу не больше для тебя, чем и для себя, и во всем имею советниками разум и заповеди Божии, которые часто обличают меня, хотя и никто не обвиняет, а иногда оправдывают, хотя многие осуждают. И невозможно убежать от этого одного — от внутреннего в нас самих судилища, на которое одно взирая можно идти прямым путем. А что до мнения других, если оно за нас (скажу несколько и по-человечески), примем его; если же против нас, дадим ему дорогу и из того, чем мы являемся в действительности, ничего не убавим для того, чтобы сделать нечто напоказ.

Так и должно быть. Кто упражняется в добре из каких-нибудь интересов, тот не тверд в добродетели, ибо цель изменится и он оставит доброе дело, подобно как плывущий для прибыли не продолжает плаванья, если не видит прибыли. Но кто чтит и любит добро ради самого добра, тот, поскольку любит нечто постоянное и расположение к добру имеет постоянное, так что, ощущая в себе

нечто свойственное Богу, может сказать о себе сказанное Самим Богом: я один и тот же *и не изменяюсь* (Мал 3, 6). А потому он не будет превращаться, принимать разные виды, сообразно с обстоятельствами и делами, делаться то тем, то иным, менять цвета, подобно как полип принимает цвет камня, к которому он пристал, но всегда пребывает один и тот же — непоколебим среди колебаний, несовратим среди превратностей, и, как представляю себе, это скала, которая при ударах ветров и волн стоит незыблемо и сокрушает все ударяющееся о нее. Но об этом довольно, ибо не имею времени препираться на словах и ранее сказанное, может быть, превышает уже меру.

Теперь к вам у меня слово, паства моя! Вы стали для меня, говорит Павел, *надежда, и радость, и венец похвалы* (1 Сол 2, 19–20). Вы оправдание мое перед истязующими меня. Как зодчим и живописцам, когда требуют у них отчета, довольно указать на свои постройки и картины, чтобы освободиться от всяких хлопот, потому что дело говорит сильнее слова, так и я, указав на вас, отражу все злословия. Чем же отражу? Во-первых, тем, если вы сохраняете неуклонное и твердое исповедание Отца, Сына и Святого Духа, ничего не прибавляя, не убавляя и не умаляя в едином Божестве (потому что уничиженное в Нем делается уничижением целого); а тех, которые иначе мыслят

и говорят, уничтожают или разграничивают Единое предположением постепенности естеств, гоните от себя как язву для Церкви и яд для истины, впрочем без ненависти, а только сожалея об их падении. Во-вторых, тем, если представите жизнь, сообразную с правым учением, так что и не только в добродетели, но и в другом не будете иметь недостатка.

Цари! Уважьте свою порфиру (ибо наше слово дает законы и законодателям), познайте, сколь важно вверенное вам и сколь великое в рассуждении вас совершается таинство. Целый мир под вашей рукой, сдерживаемый небольшим венцом и короткой мантией. Горнее принадлежит единому Богу, а дольнее и вам, будьте (скажу смелое слово) богами для своих подданных. Сказано (и мы веруем), что *сердце царя в руке Господа* (Притч 21, 1). В этом должна состоять сила ваша, а не в золоте и не в полчищах.

Приближенные к царским дворам и престолом! Не очень превозносите своей властью и не почитайте бессмертным того, что не бессмертно. Будьте верны царям, первоначально же Богу, а ради Него и тем, которым вы вручены и преданы. Гордящиеся благородством! Облагораживайте нравы, или скажу нечто, хотя неприятное, однако же благородное: тогда ваше благородство было бы подлинно самое благородное, когда бы

в родословных книгах не писались и неблагородные люди. Мудрецы и любомудрцы, почтенные по бороде и плащу, софисты и грамматики, искатели народных рукоплесканий! Не знаю, за что назвать мудрыми не содержащих первого учения. Богатые! Послушайте сказавшего: *когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца* (Пс 61, 11); знайте, что полагаетесь на вещь непрочную. Надобно облегчить корабль, чтобы легче было плыть. Может быть, отнимешь что-нибудь и у врага тем, что к нему перейдет твое имущество. Питающиеся роскошно! Отнимите что-нибудь у чрева и дайте духу. Нищий близ тебя; окажи помощь от болезни, излей на него что-нибудь от избытков. Для чего и тебе страдать от несварения, а ему от голода; тебе — головной болью от вина, а ему — водяной болезнью; тебе чувствовать обременение от пресыщения, а ему изнемогать от недуга? Не презирай своего *Лазаря* здесь, чтобы он не сделал тебя тамошним *богачом* (Лк 16, 19–31).

Граждане великого города¹, непосредственно первые после граждан первого в мире города² или даже не уступающие им! Окажитесь первыми не в пороках, но в добродетели, не в распутстве,

¹ Константинополя.

² Рима.

но в благочинии. Стыдно господствовать над городами и уступать над собой победу сладострастия, или в ином соблюдать целомудрие, а к конским ристалищам, зрелищам, сцене и псовой охоте иметь такую бешеную страсть, что в этом одном поставлять всю жизнь и первому из городов, которому всего приличнее было бы служить для других примером всего доброго, стать городом играющих. О, если бы вы отринули это, сделались Божиим градом, живо написанными на руках Господних, и светлые светло предстали вместе с нами Великому Градостроителю! Сие в заключение благовествую вам о Самом Христе, Господе нашем, Которому слава, честь, держава веки. Аминь.

СЛОВО 21

Похвальное Афанасию Великому,
архиепископу Александрийскому

Хваля Афанасия, буду хвалить добродетель, ибо одно и то же — наименовать Афанасия и восхвалить добродетель; потому что все добродетели в совокупности он в себе имел или, справедливее сказать, имеет, так как перед Богом живы все, жившие по Богу, хотя и переселились они отсюда, почему Бог и называется Богом

Авраама, Исаака и Иакова, как Бог *не мертвых, но живых* (Мф 22, 32). 329

А хваля добродетель, буду хвалить Самого Бога, от Которого в людях добродетель и дар возрождения или возвращения к Нему через сродное озарение. Ибо из многих и великих даров, которые мы получили и получим еще от Бога и которых числа и величия никто изречь не может, дар наибольший и наиболее свидетельствующий о Божием к нам человеколюбии есть наше к нему стремление и сродство с Ним. Что солнце для существ чувственных, то Бог для духовных: одно освещает мир видимый, Другой — невидимый; одно телесные взоры делает солнцевидными, Другой разумные естества — богоподобными. И как солнце, доставляя возможность видящему видеть, а видимому быть видимым, само гораздо превосходнее видимого, так Бог, устраивающий, чтобы существа мыслящие имели дар мышления, а мыслимые были предметом мышления, Сам выше всего мысленного, и всякое желание останавливается на Нем, далее же никуда не простирается. Ибо далее Его ничего высшего и даже вовсе ничего не находит ум самый любомудрый, превыспренний и любоиспытательный. Бог есть последнее из желаемых, успокоение всех бывших умозрений. Кто успел с помощью рассудка и умозрения расторгнуть вещество и плотское (если назвать так)

облако, или покрывало, приблизиться к Богу, насколько доступно человеческой природе, и соединиться с чистейшим светом, тот блажен по причине как восхождения отсюда, так и тамошнего обожения, к которому приводит истинное любомудрие и возвышение над вещественной двойственностью ради единства, умопредставляемого в Троице. А кто от сопряжения с веществом стал хуже и настолько прилепился к бренному, что не может воззреть на сияние истины и возвыситься над дольным, тогда как сам произошел свыше и призывается к горнему, тот для меня жалок по причине ослепления, хотя бы он и благоуспешен был в здешней жизни; даже тем более жалок, чем более обольщается своим счастьем и верит, что есть другое благо, кроме блага истинного, пожиная тот вредный плод своего вредного мнения, что или осуждается во тьму, или как на огонь смотрит на Того, Кого не признал за свет.

Такое любомудрие и из новых, и из древних достигнуто немногими (ибо не много Божиих, хотя и все — Божии создания): достигнуто законодателями, военачальниками, священниками, проками, евангелистами, апостолами, пастырями, учителями, всей духовной полнотой, всем духовным собором, а между ними и восхваляемым ныне мужем. Кого же подразумеваю под достигшими? Еноха, Ноя, Авраама, Исаака, Иакова,

двенадцать Патриархов, Моисея, Аарона, Иисуса [Навина], Судей, Самуила, Давида, Соломона до известного времени, Илию, Елисея, пророков, живших прежде и после пленения, и тех, в порядке последних, но в действительности первых, которые близки ко времени Христова воплощения или восприятия Христом плоти, — этот светильник, предтекший Свету, этот глас, предваривший Слово, этого ходатая, предшествовавшего Ходатаю, этого посредника между Ветхим и Новым Заветом, этого славного Иоанна и учеников Христовых и тех, которые после Христа или председательствовали в народе, или прославились учением, или стали известны по чудесам, или запечатлелись кровью. И из этих-то мужей Афанасий одним ни в чем не уступал, другим уступал в немногом, а некоторых (если не дерзко будет сказать) даже превзошел. Подражая кому в слове, кому в деле, кому в кротости, кому в ревности, кому в перенесении опасностей, кому во многом, кому во всем. Заимствуя у одного ту, у другого другую красоту, как делают живописцы, старающиеся довести изображаемый предмет до крайнего изящества, и совокупив все это в одну свою душу, он из всего составил единый облик добродетели, сильных в слове превзойдя деятельностью, а деятельных — словом, или, если угодно, превысив в слове — прославившихся словом, и в деятельности — самых деятельных,

а посредственных в слове и деле — превосходством в том и другом, высоких же в одном из двух оставив ниже себя и словом и делом. И если к славе предшественников его служит, что они были для него образцом доблестей, то этому нашему украшению не в меньшую обращается похвалу, что он стал образцом для своих преемников.

Как на описание всех его доблестей и на изъяснение им удивления потребовалось бы, может быть, больше времени, нежели сколько должно занять настоящее слово, притом все это было бы делом не похвального слова, а истории (и я в назидаение и услаждение потомству желал бы изобразить его доблести особым писанием, как и он описал жизнь божественного Антония, изложив в виде повествования правила монашеской жизни), то из многих его дел большую часть представив знающим, коснусь немногих, какие на этот раз приходят мне на память как более известные, чтобы только удовлетворить собственному желанию и воздать должное празднику. Ибо не благочестно и не безопасно было бы чтить памятью жития нечестивых, а обходить молчанием мужей, прославившихся благочестием, и притом в городе¹, который едва ли спасут и многие примеры добродетелей, потому что он божественные

¹ Константинополе.

предметы обращает в забаву так же, как скачки и зрелища.

Афанасий рано был напоен божественными правилами и уроками, употребив немного времени на изучение наук общеупотребительных, с тем только, чтобы и в этом не казаться совершенно неопытным и не знающим того, что почитал достойным презрения. Он не потерпел, чтобы благородные и обильные дарования души упражнялись в предметах суетных; не захотел подвергнуться участи неопытных борцов, которые, поражая чаще воздух, нежели противников, не достигают наград. Изучив все книги Ветхого и Нового Завета, как другой не изучал и одной, он обогащает себя умозрительными сведениями, обогащает и светлостью жизни, и удивительным образом сплетает из того и другого эту подлинно золотую, для многих неудобосплетаемую цепь, употребив жизнь в руководство к умозрению и умозрение, как печать жизни. Ибо правило, что *начало мудрости страх Господень* (Пс 110, 10; Притч 1, 7), есть как бы первая только пелена; мудрость же, превозмогшая страх, перешедшая в любовь, делает нас Божиими друзьями и из рабов сынами.

Так воспитанный и обученный, как и надлежало бы и ныне готовящимся быть представителями народа и иметь попечение о великом теле Христовом, по великому Божию совету и предведению,

которое задолго прежде полагает основание важных событий, он сопричисляется к этому великому алтарю, делается одним из приближенных, *приближающихся* к Богу (Лев 10, 3), удостоивается священного стояния и чина, и когда прошел весь ряд степеней, тогда (чтобы не говорить о средних) дается ему председательство в народе, или, что то же, вверяется попечение о целой Вселенной; и священство приемлет он (не умею сказать) как награду за добродетель, или как источник и жизнь Церкви. Ибо нужно было, чтобы Церковь, томимая жаждой истины и едва дышащая, была напоена, как Исмаил (Быт 21, 15–20), или прохлаждена из источника, как Илия, в земле, иссохшей от бездождия (3 Цар 17, 2–6), и оживотворилась, чтобы оставлено было семя Израилю (Ис 1, 9) и мы не стали как Содом и Гоморра, эти города, потопленные огнем и серой (Быт 19, 24) и известные своими пороками и еще более своей погибелью.

Поэтому нам, повергнутым уже долу, воздвигнут рог спасения, благовременно ниспослан краеугольный камень, связующий нас с самим собой и друг с другом, или огонь, очищающий гнилое и вредное вещество, или лопата земледельца, отделяющая в учении легкое от полновесного, или меч, отсекающий корни злобы. И Слово находит Своего поборника, и Дух приобретает

мужа, который за Него будет дышать ревностью. Так и для таких причин, по приговору всего народа, не в подражание худому образцу, превозмогшему впоследствии, не с помощью убийств и насилий, но апостольски и духовно, возводится он на престол Марка¹ преемником его должности, а не менее и благочестия; ибо хотя далек от него в первом, однако же близок в последнем. А в этом, собственно, и надобно поставлять преемственность, ибо единомыслие делает и единопрестольными, разномыслие же разнопрестольными. И одна преемственность бывает только по имени, а другая в самой вещи. Ибо тот истинный преемник, кто не употребил, а разве потерпел принуждение, кто возведен, не преступив закон, но по закону, кто не противного держится учения, но ту же содержит веру, если только называешь преемником не в том смысле, в каком болезнь преемствует здравую, мрак — свету, буря — тишине, исступление — здравомыслию.

Так он возводится, так и распоряжается властью. Не следует обычаю вступить на престол и тотчас предаться своеволию от пресыщения, подобно тем, которые сверх чаяния захватывают какую-либо власть или наследство. Это

¹ Святого евангелиста Марка, первого епископа Александрийской Церкви.

свойственно священникам чуждым, незаконным и недостойным сана, которые, приступая к священству, ничего не приносят с собой, нима-ло не потрудившись для добродетели, оказываются вместе и учениками, и учителями благочестия, и ко-гда сами еще не очистились, начинают очищать других. Вчера святотатцы, а ныне священники; вчера не смевшие приступить к святыне, а ныне тайноводители, устаревшие в пороках и новоявленные в благочестии, произведение человеческой милости, а не дело благодати Духа, — они весь путь свой ознаменовали насилием и, наконец, гнетут само благочестие; не нравы дают им степень, а степень — нравы (так много превратился порядок!); им больше надобно приносить жертвы за себя, нежели за *грехи неведения народа* (Евр 9, 7); они непременно грешат в одном из двух: или, имея нужду в снисхождении, чрезмерно снисходительны, так что не пресекают порок, а учат пороку, или строгостью власти прикрывают собственные дела свои.

Но Афанасий не имел ни одного из этих пороков, напротив, насколько высок был делами, настолько смирен сердцем; в добродетели никому недоступен, а в обращении всякому весьма благоприступен, кроток, негневлив, сострадателен, приятен в беседе, еще приятнее по нраву, ангелоподобен наружностью, еще ангелоподобнее

сердцем; когда делал выговор — был он спокоен; когда хвалил — назидателен. Он ни одного из этих добрых качеств не портил неумеренностью: у него выговоры были отеческие и похвалы, приличные начальнику, и мягкость не составляла слабости, и строгость — жестокости, напротив, первая представлялась снисходительностью, последняя — благоразумием, а та и другая — любомудрием. Ему не много было нужно слов, потому что для наставления других достаточно было его жизни; ему редко нужен был жезл, потому что достаточно было слова, и еще реже нужно было употреблять рассечение, потому что достаточно было жезла, поражающего слегка.

Но для чего мне описывать вам этого мужа? Его описал уже Павел, частью когда восхваляет Первосвященника великого (Евр 4, 1), прошедшего небеса (да дерзнет и на это мое слово, потому что Писание называет Христами живущих по Христу), — частью когда в Послании к Тимофею дает ему закон. Изображая словом, каков должен был предназначаемый для епископства (1 Тим 3, 1–7). Ибо если закон этот как правило приложишь к похваляемому в этом именно отношении, то ясно увидишь его прямоту.

Приступите же со мной к прославлению Афанасия и подайте помощь мне, который затрудняется в слове и, желая большую часть обойти

молчанием, останавливается на каждом его деянии, не умея отыскать превосходнейшего, как трудно бывает это находить в теле, со всех сторон одинаково и прекрасно отделанном, ибо что ни представится, все то оказывается прекрасным, всем тем увлекается слово. Итак, пусть разделит со мной его доблести всякий, кто хочет быть вещателем ему похвал и свидетелем; пусть все вступят в прекрасное друг с другом состязание — мужи и жены, юноши и девы, старцы с юными, священники и народ, отшельники и подвижающиеся в общежитии, любители простоты и строгой точности, ведущие жизнь созерцательную и деятельную! Пусть восхваляют — кто как бы бесплотность и невещественность его в пощениях и молитвах, а кто бодрость и неустомимость во бдениях и псалмопениях, один предстательство за нуждающихся, другой противоборство превозносящимся, или снисходительность к смиренным; девы — невестоводителя, супруги — наставника целомудрию, пустынножители — окрыляющего, пребывающие в общежитии — законодателя, любители простоты — руководителя, ведущие жизнь созерцательную — богослова, живущие в веселье — узду, бедствующие — утешителя, седины — жезл, юность — детовождение, нищета — снабдителя, обилие — домостроителя! Думаю, что и вдовы восхвалят покровителя, сироты — отца,

нищие — нищелюбца, странники — страннолюбца, братья — братолюбца, больные — врача, оказывающего помощь при всякой болезни, здоровые — охранителя здоровья и все — *для всех сделавшегося всем* (1 Кор 9, 22), да всех, или как можно большее число людей приобретет.

Итак, все это, как сказал я, пусть почтут удивлением и похвалами другие, у кого столько досуга, чтобы удивляться малым его совершенствам! А когда называю малыми, — говорю это, сравнивая его с ним же самим и сличая доблести его с его же собственными. Ибо *не оказывается славным, как сказано, прославленное, сколь оно ни славно, по причине преимущественной славы последующего* (2 Кор 3, 10). Между тем и немногих из его доблестей достаточно было бы другим для прославления. Но мне, которому непозволительно, оставив слово, заняться чем-либо маловажным, и в его совершенствах надобно обратиться к главнейшему. Впрочем, сказать что-нибудь достойное его красноречия и душевных качеств есть дело Божие, а для Бога и это слово.

Процветали и прекрасно шли некогда наши дела; тогда во Дворы Божии не имело доступа это излишнее, сладкоречивое и ухищренное богословствование. Напротив, сказать или услышать о Боге что-нибудь новое и удовлетворяющее одному любопытству значило то же, что играть

в камни и скоростью их перекидывания обманывать зрение или забавлять зрителей разнообразными и женоподобными движениями тела. Простота же и благородство слова почитались благочестием. Но после того как Сексты и Пирроны и охота к словопрениям подобно какой-то тяжелой и злокачественной болезни вторглись в наши церкви, пустословие стали почитать ученостью, и, как в книге Деяний говорится об афинянах (17, 21), мы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать новое; с этого времени какой Иеремия, один умеющий составить Плач, равномерный страданиям, оплачет наш позор и омрачение! Начало этому бешенству положил Арий, соименный умоисступлению¹, который и понес наказание за необузданность языка, по действию молитвы, а не по болезни приняв конец жизни в нечистом месте и рассевшись, как Иуда, за равное с ним предательство Слова.

А другие, наследовав этот недуг, составили из нечестия науку; они, ограничив Божество Нерожденным, изгнали из Божества не только Рожденного, но и Исходящего, чувствуя Троицу одним общением имени или даже и того не соблюдая.

¹ Имя Арий в переводе с греческого может означать *неистовый, исступленный*.

Но не так учил этот блаженный, поистине Божий человек и великая труба истины. Зная, что Трех сокращать в одно число безбожно и есть нововведение Савеллия, который первый выдумал такое сокращение Божества, а также Трех разделять по естеству значит вводить в Божество странное рассечение, — он и прекрасно соблюл единое относительно к Божеству, и благочестно научил признавать Трех относительно к личным свойствам, не слив Их воедино и не разделив на Трех, но пребыв в пределах благочестия через избежание как излишней преклонности к тому или другому, так и излишнего сопротивления тому и другому. И этим, во-первых, на святом Соборе в Никее, среди этого числа избранных мужей, которых Дух Святой собрал воедино, он, насколько зависело от него, прекратил недуг. И хотя не был еще возведен в сан епископа, однако же удостоен первенства между собравшимися; ибо добродетель уважалась не меньше степеней.

Потом, когда зло было вновь оживлено дуновением лукавого и объяло большую часть Вселенной (с этого времени открываются передо мной действия, наполнившие собой почти всю сушу и море), тогда на Афанасия, как мужественного поборника Слова, воздвигается сильная брань (ибо на того более и нападают, кто более противится) и отовсюду новые и новые устремляются

на него беды; потому что нечестие изобретательно на зло и нападает с крайней дерзостью. Да и могли ли щадить людей не пощадившие Божества? Особенно одно из нападений было очень жестоко. И я в этом деле имею свою часть¹. Но да извинят в этом любезную страну — отечество! В злом деле виновны не страна, нас произведшая, но сами избравшие зло; она священна и всякому известна своим благочестием, а эти недостойны Церкви, их породившей. Вы слышали, что и в винограднике родится терн, что Иуда, один из учеников, стал предателем. Иные прощают вину соименному мне², который, из любви к наукам проживая тогда в Александрии и благосклонно принятый Афанасием, как один из самых любимых детей пользуясь весьма великим у него доверием, замыслил, как говорят, восстать против отца и покровителя. И хотя действовали другие, однако же с ними была, что называется, *рука Авессалома* (2 Цар 18, 18). Если кто из нас знает эту руку, за которую оклеветали святого, и этого

¹ Святитель Григорий родился в Капподокии, из которой также происходил один из врагов Афанасия — некто Георгий, о котором речь пойдет ниже.

² Григорию, который, после изгнания святого Афанасия из Александрии, был избран архиепископом Александрийским, но сведен с престола арианами и замещен Георгием Каппадокийцем.

живого мертвеца¹, и это несправедливое изгнание, то поймет, о чем говорю. Впрочем, охотно предам это забвению. По моему рассуждению, в делах, подлежащих сомнению, надобно преклоняться к человеколюбию и более извинять, нежели обвинять подвергаемых обвинению, потому что злему очень легко обвинить и доброго, а доброму трудно обвинить и злого. Кто не расположен к злу, тот не способен и к подозрению.

Но вот уже не слово, а дело, не подозрение, оставшееся без исследования, но достоверное и преданное огласке происшествие. Одно каппадокийское чудовище, явившееся с дольних пределов нашей страны, худое родом, еще худшее сердцем, по происхождению не вполне свободное, но нечто смешанное, подобно тому, что знаем о мулах, — человек, который сначала прислуживал за чужим столом, продавши себя за кусок хлеба, привык все делать и говорить для чрева, потом, к несчастью, добился общественной службы и получил в ней самое последнее место — приемщика

¹ Ариане представили в суде отрубленную человеческую руку, утверждая, что святой Афанасий отсек эту руку у умерщвленного им александрийского клирика Арсения и посредством ее производил чары. Между тем Арсений удален был арианами из города. Но когда дошла до него весть о том, в чем обвиняют святого Афанасия, — немедленно явился в суд и обличил лжецов.

свиных туш, какими питается войско, но и здесь употребил доверие во зло и служил только чреву; когда у него было все отнято, замышляет бегство и, переходя из страны в страну, из города в город, как свойственно беглецам, наконец, к общему вреду Церкви, подобно одной из египетских язв, достигает Александрии. Здесь прекращается его скитание и начинается злокозненность. Хотя в других отношениях не заслуживал он никакого внимания, не знал свободных наук, не имел ни приятности в беседе, ни даже вида и пустой личины благочестия, однако же всех был искуснее строить козни и приводить дела в замешательство. Все вы знаете и сами можете рассказать, сколько дерзостей учинил он против святого¹. Ибо нередко и праведники предаются в руки нечестивых, — не к славе нечестивых, но для испытания праведных. И хотя, по Писанию, *лукавии смертию лютою погибнут, обаче* в настоящей жизни *посмеваются* благочестивым (Иов 9, 23), пока сокрыты и милость Божия, и великие сокровищницы уготованного тем и другим впоследствии, когда и слово и дело и помышление будут взвешены на праведных весах Божиих, когда Бог восстанет судить землю, соберет намерения и дела и обнаружит все, что у Него запечатлено и соблюдено.

¹ Афанасия.

В этом да убедит тебя Иов и словом, и страданиями своими. Он был человек справедливый, непорочный, праведный, богобоязненный (Иов 1, 1) и прочее, как свидетельствует о нем Писание; однако же испросивший его¹ поражает столь многими, непрерывными и щедрыми ударами, что из великого множества во все времена злострадавших и, как вероятно, несших тяжелые бедствия никто не сравнит несчастий своих с его. Ибо у Иова не только деньги, имущество, благочадие и многочадие, что для всякого человека весьма дорого, не только, говорю, отъемлется все это, и при непрерывности бедствий нет времени слезам, но напоследок само тело поражено неизлечимой и отвратительной для взора язвой, а в дополнение несчастья есть жена, дающая советы на худшее, старающаяся вместе с телом поразить и душу; есть искреннейшие друзья, *жалкие утешители*, как сам он говорит (Иов 16, 2), а не врачеватели, которые видят страдания, но, не зная тайны страданий, признают бедствие его не испытанием добродетели, но наказанием за грехи и не только содержат это в мыслях, но не стыдятся даже укорять его самым несчастьем, тогда как надлежало бы облегчить скорбь словами утешения, если бы Иов страдал и за грехи. Так было

¹ То есть диавол.

с Иовом; таково начало дела его, это была борьба добродетели и зависти: зависть силилась победить добро, а добродетель, чтобы остаться непобедимой, все переносила; одна подвизалась из того, чтобы проложить путь пороку наказанием благоуспевших, а другая из того, чтобы поддержать добрых, имеющих преимущество и в самих несчастиях. Что же Вещающий к нему сквозь *бурю и облака* (Иов 38, 1), Медленный в наказании и Скорый на помощь, *не оставляющий* вовсе *жезла нечестивых над жребием праведных* (Пс 124, 3), дабы не научились праведные беззаконию? При конце подвигов громким провозглашением вызывает подвижника и открывает тайну поразившего его удара, говоря: *Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?* (Иов 40, 3). Таково врачевание от ран! Таков венец за подвиги! Такова награда за терпение! А последовавшее за этим, может быть, и маловажно, хотя для некоторых кажется великим, да и совершенно Промыслом ради людей малодушных, хотя и с усугублением получает Иов потерянное.

Поэтому и здесь не удивительно, что Георгий превозмог Афанасия; напротив, удивительнее было бы, если бы праведник не вынес испытания в огне клеветы. Даже и это не очень удивительно, а удивительнее то, что пламени этого достаточно было, чтобы произвести большее. Афанасий

удаляется оттуда и самим бегством пользуется как можно лучше. Ибо поселяется в священных и божественных обителях египетских отшельников, которые, разлучившись с миром и возлюбив пустыню, живут для Бога, посвятив Ему себя более всех пребывающих во плоти. Одни из них ведут совершенно уединенную жизнь без общения с людьми, беседуют единственно с самими собой и с Богом и то одно почитают миром, что знают о нем в пустыне. Другие, своей общительностью выполняя закон любви, вместе пустынники и общежительные; для прочих людей и вещей, для всего, что кружится перед нами, то увлекая, то увлекаясь и обольщая нас быстрыми переменами, — они умерли, а друг для друга составляют целый мир, взаимным примером поощряя друг друга к добродетели. С ними беседуя, великий Афанасий, как и для всех других был он посредником и примирителем, подражая *Умиротворившему кровью Своею* то, что было разлучено (Кол 1, 20), так примиряет и пустынножителство с общежитием, показав, что и священство совместно с любомудрием¹, и любомудрие имеет нужду в тайноводстве, ибо в такой мере согласил между собой то и другое и соединил в одно как безмолвное делание, так и деятельное безмолвие, что убедил поставлять

¹ Созерцательной и подвижнической жизнью.

монашество более в благонравии, нежели в телесном удалении от мира. Почему и великий Давид был насколько деятельнейший, настолько и самый уединенный человек, если в подтверждение нашего слова сильно и несомненно сказанное им: *един есмь аз, дондеже преиду* (Пс 140, 10). Таким образом, превосходящие других добродетелью были ниже Афанасия разумением в большей мере, нежели в какой превосходили других, и немногое привнося от себя к совершению священства, гораздо более сами заимствовали к усовершению любомудрия. То для них было законом, что он одобрял, и все то опять отвергалось ими, чего он не одобрял; его определения служили для них Моисеевыми скрижалями, к нему больше имели почтения, нежели сколько люди должны иметь к святым. И когда явились к ним преследовавшие святого как зверя, после того как всюду искали его и не находили, тогда они не удостоили посланных даже одним словом, но преклонили головы свои под мечи, как бы бедствуя за Христа, и претерпеть за Афанасия что-либо самое тяжкое почитали величайшим приобретением для любомудрия, ставили это гораздо богоугоднее и выше продолжительных постов, возлежаний на голой земле и других злостраданий, какими они всегда услаждаются. Такова была тогдашняя жизнь Афанасия; он оправдывал собой слова Соломона,

который любомудрствовал, что есть *время всякой вещи* (Еккл 3, 1). Поэтому и скрылся он ненадолго, пока продолжалась брань, чтобы явиться с наступлением мира, что и исполняется в скором времени. 349

А Георгий, не видя уже ни от кого противодействия, обходит Египет, покоряет силе нечестия Сирию, захватывает, насколько мог, и Восток. Как ручьи принимают в себя все стоки, так и он собирает к себе все немощное, — нападая на людей более легкомысленных или робких, овладевает простотой царя¹ (так назову его легковерие, уважив усердие к вере, потому что, если говорить правду, он имел *ревность*, но не по разуму (Рим 10, 2)); и как всюду пролагало ему путь достояние нищих, употребляемое на худые дела, — подкупает некоторых вельмож — более златолюбивых, нежели христолюбивых, особенно же между ними людей женоподобных, мужей по имени, не имеющих в себе ничего мужского, сомнительных родом, но отъявленных нечестием², которым римские государи, поверяя дела женские, не знаю, как и почему, вручают вместе и дела мужские. Так

¹ Констанция.

² Георгий дорогими подарками привлек на свою сторону евнуха Евсевия, главного начальника при императорском дворе и явного арианина.

усилился этот служитель лукавого, сеятель плел, предтеча антихристов. Вместо языка употреблял он красноречивейшего из тогдашних епископов (если угодно назвать красноречивым этого не столько защитника нечестия, сколько нашего врага и состязателя, о имени его умолчу охотно); а сам служил своему скопищу вместо руки и истину ниспровергал золотом, которое собиралось на дела благочестивые, но злонамеренными людьми обращено было в орудие нечестия. Следствием этого преобладания был собор, составленный прежде в Селевкии, в храме святой и доблестной девы Феклы, а потом в этом великом городе¹; и городам, славившимся прежде доблестями, дал именитость делами позорными этот столп Халанский², благовременно разделивший языки (о, если бы разделил и их языки, потому что согласие у них на зло!), — это Каиафино соборище, на котором осуждается Христос, — или как иначе должно назвать этот собор, все извративший и приведший в замешательство. Он разрушил древнее и благочестивое исповедание Троицы, подкопав и как бы стенобитными орудиями потрясши Единосушие, а вместе отверз дверь

¹ В Константинополе.

² Столп Халанский — Вавилонская башня (см.: Быт 10, 10; 11, 2–9).

нечестию неопределенностью написанного, под предлогом уважения к Писанию, и употреблению давно принятых наименований, в действительности же, чтобы вместо них ввести неписаное арианство. Ибо слова: «подобен по писаниям»¹ для простых служили приманкой, покрывавшей уду нечестия, — изображением, которое смотрит в глаза всякому мимоходящему, — обувью, сшитой на обе ноги, — веянием при всяком ветре (Сир 5, 11). Он основывал права свои на новописанном злоухищрении², на клевете против истины; ибо они были мудры на злые дела, но не умели делать добра. Отсюда то хитро придуманное осуждение еретиков, которых они отлучили на словах, чтобы замысел свой сделать привлекательным, а на самом деле выставляли только на вид, обвинив не за тяжкое несчастье, а за чрезмерную охоту писать³. От этого непосвященные

¹ Слова арианского символа веры.

² По объяснению Никиты, Констанций, по внушению ариан, написал, что слово «подобный» значит то же, что «единосущный», а потому не вредит благочестию, если кто употребляет то или другое слово. Ариане воспользовались этим против истинного учения.

³ Так на Константинопольском Соборе арианами осужден был сирианин Аэтий за тщеславие и за чрезмерную склонность к спорам в сочинениях. См.: *Блаженный Феодорит Кирский. Церковная история* I, 2, 28.

стали судьями преподобных, произошло новое смешение, — в собраниях народных рассматриваются предметы священно-таинственные; от этого незаконное исследование жизни¹, наемные доносчики и суд по договору; одни несправедливо свергаются с престолов, другие возводятся на их место, и у этих, как чего-то необходимого, требуют рукописаний нечестия, и чернила готовы и доносчик по́дле. Этому подверглись весьма многие из нас, даже люди самые твердые; они не мыслью пали, но согласились на письме, вступили в единение с лукавыми и в мыслях, и на письме и сделались причастниками если не огня, то по крайней мере — дыма.

Я нередко проливал слезы, представляя себе тогдашнее разлитие нечестия и ныне восставшее гонение на правое слово от представителей слова. Подлинно, обезумели пастыри, по написанному: *множество пастухов испортили Мой виноградник, посрамили любимый участок Мой* (Иер 12, 10), то есть Церковь Божию, собранную многими трудами и жертвами, закланными до Христа и после Христа и великими страданиями за нас Самого Бога. За исключением весьма немногих, которые или обойдены по своей малозначительности, или

¹ То есть исследование жизни епископов людьми мирскими.

противостали своими доблестями и должны были остаться для Израиля семенем и корнем, чтобы снова возникнуть и оживотвориться потоками духа, все покорились обстоятельствам времени, с тем только различием, что одни подверглись этому прежде, другие после. Одни стали поборниками и покровителями нечестия, другие заняли второстепенные места и были или поражены страхом, или поработаны нуждой, или уловлены ласкательством, или вовлечены по неведению, что составляет меньшую вину, если для кого достаточно и этого к извинению тех, которым вверено попечение о народе. Ибо как не одинаковы стремления у львов и у других животных, а равно у мужей и жен, у старых и юных, напротив, немало различия в каждом возрасте и поле, так есть разность между начальниками и подчиненными. Может быть, извинили бы мы и простолюдинов, если бы с ними случилось это, их часто спасает неосведомленность, — но как простим это учителю, который, если только он не мнимый [учитель], должен помогать другим преодолевать неведение? Если всякому, насколько бы кто ни был груб и невежествен, непростительно не знать какого-либо римского закона и если нет такого закона, который бы покрывал сделанное по неведению, то не странно ли — тайноводствующим ко спасению не знать начал спасения, хотя бы они

во всем другом были и очень просты и неглубокого ума? Впрочем, пусть получают извинение те, которые последовали нечестию по неведению. Что же скажешь о прочих, которые сами себе приписывают проницательность и по сказанным выше причинам уступили превосмогающей силе, которые долго представляли собой людей благочестивых, а как скоро встретилось нечто изобличающее, тотчас преткнулись.

Слышу сказанное в Писании, что *еще раз потрясутся небо и земля* (Агг 2, 7), как будто бы с ними было уже это некогда прежде, и думаю, что этим означаетсЯ славное обновление всех вещей. Должно верить и Павлу, который говорит, что последнее потрясение есть не что иное, как Второе Христово Пришествие, претворение и предложение настоящей Вселенной в состояние неподвижности и непоколебимости (Евр 12, 26–27). Но и настоящее это потрясение, как рассуждаю, ничем не меньше прежде бывших, потому что им отторгнуты от нас все любуудрые, боголюбивые и заранее сожителъствующие с горными мужи, которые, хотя во всем другом мирны и умеренны, однако же не могут перенести с кротостью, когда молчанием предается Бог, и даже делаются при этом весьма браннолюбивыми и неодолимыми (ибо таков жар ревности) и готовы скорее ниспровергнуть, чего не должно, нежели пренебречь

должным. За ними устремляется немалое число и народа, подобно стае птиц улетаая за улетевшими вперед, и даже теперь не перестают улетать.

Вот что значит для нас Афанасий, пока он был броней Церкви, и вот что вышло, когда он уступил наветам лукавых! Намеревающиеся овладеть какой-нибудь твердой крепостью, когда видят, что она неприступна и не может быть взята обыкновенными средствами, прибегают к хитрости. И что же делают? Привлекают на свою сторону деньгами или обманом начальника крепости и тогда без всякого уже труда овладевают ею. Или, если угодно, злоумышлявшие против Сампсона сперва обрезают у него волосы, в которых заключалась его сила, потом взяли уже судию и надругались над ним, как хотели, и столь же властительно, как он обходился прежде с ними. Так поступили и наши иноплеменники: сперва исторгли у нас нашу силу, остригли славу Церкви и потом уже насладились догматами и делами нечестия.

В это время опора и покровитель¹ враждебного нам пастыря² переселяется из здешней жизни, положив худой конец не худому царствованию, но принеся, как сказывают, бесполезное

¹ Констанций.

² Георгия Каппадокийца.

раскаяние при последнем издыхании, когда всякий бывает искренним судьей самому себе, по причине ожидающего там судилища. Ибо следующие три дела сознавал он худыми и недостойными своего царствования: умерщвление родственников¹, возвышение цезарем отступника² и нововведения в вере; и, как сказывают, со словами раскаяния окончил он жизнь. Тогда снова вступает в свои права слово истины, утесненные получают полную свободу, между тем как ревность раздражает гнев и народ александрийский узнает на опыте, каков он против оскорбителей. Жители Александрии не стерпели необузданности человека³ и необычной смертью предали позору его пороки, и смертью через необычайные поругания. Вам известны и этот верблюд, и странная ноша, и новое возвышение, и первое, а думаю и единственное, шествие — грозные и доныне для притеснителей⁴. Когда же эта буря неправды, этот

¹ Констанций, хотя и имел возможность, не препятствовал умерщвлению своего брата Константина и сам велел умертвить Юлианова брата Галла.

² Юлиана.

³ Георгия-еретика.

⁴ Александрийские граждане, умертвив Георгия, разрубили тело его на части и возили по городу на верблуде. Замечательно то, что Юлиан в письме к александрий-

растлитель благочестия, предтеча лукавого приемлет наказание, по моему мнению, не заслуживающее одобрения (потому что надобно было смотреть не на то, что ему надлежало претерпеть, а на то, что нам следовало сделать), тогда подвижник¹ возвращается из прекрасного странствования (так назову бегство его за Троицу и вместе с Троицею). С такой радостью встречается он жителями города², и едва не всем Египтом, везде и отовсюду, даже с крайних пределов, стекающимся, что одни желают насладиться единым голосом, а другие лицезрением Афанасия, иные же, как известно об апостолах (Деян 5, 15), освятиться одной тенью его, этим новым образом тела. И потому, хотя много многим неоднократно во все времена воздано уже почестей и сделано встреч, не только народным правителям и иереям, но и частным лицам, чем-нибудь прославившимся, однако же [никто] не вспомнит ни одной встречи, которая была бы

цам (см.: *Никифор*. Византийская история. Кн. 10, гл. 7), изъявляя гнев свой на них за такой поступок, не упоминает об участии в нем христиан; а святой Епифаний (том 1, кн. 3) явно приписывает его язычникам; да и Марцеллин (кн. 21) потому только заключает о согласии на это христиан, что они не воспрепятствовали язычникам.

¹ Святой Афанасий.

² Александрии.

многолюднее и блистательнее настоящей. Одно только можно сравнить с этой встречей — само-го Афанасия и ему же оказанную прежде почесть при прежнем его вступлении в Александрию, когда он возвращался из такого же, по тем же причинам случившегося бегства.

Носится и следующая молва об этой почести (хотя бы и излишним было пересказывать ее, но присовокуплю к слову как бы некоторую сладость и лишний цвет). После входа Афанасия в город въезжал один из правителей, вторично вступавший в эту должность. Он был наш, то есть каппадокиец, и человек знаменитый (конечно, вы догадываетесь, что говорю о Филагрии); его любили, как редко любят и как не любили никого другого, почесть ему воздана соответственно любви и (чтобы выразить это короче) со всеми знаками уважения, начальство ему поручалось вторично по просьбе города и по определению царскому. При этом случае некто из народа, видя несчетное множество людей, подобное морю, необъятному для взора, как говорят, спрашивал (что и часто бывает в подобных обстоятельствах) одного своего знакомого и друга: «Скажи, почтеннейший, видал ли ты когда-нибудь, чтобы столько народа и с таким воодушевлением стекалось для оказания почести одному человеку?» «Никогда, — отвечал юноша, — напротив, мне кажется, что и сам

Констанций не удостоился бы такой почести». А именем царя хотел он означить самую высшую почесть. Но первый, с особенной приятностью и удовольствием рассмеявшись, возразил: «Что ты мне говоришь, как будто рассказывая о чем-то великом и удивительном? Думаю, что и Афанасий Великий едва ли входил с таким торжеством». И в подтверждение слов своих присовокупил одну из употребительных клятв. А этим (что, думаю, и вам понятно) хотел он выразить, что похваляемого ныне Афанасия почитает выше и самого царя. Таково было общее уважение к этому мужу, таково и доньше удивление к воспоминаемому его входу [в Александрию]. Ибо жители города, разделившись по полам, возрастам и занятиям (в таком обыкновенно располагаются порядке, особенно александрийцы, когда воздают кому всенародную почесть), составляли из себя (как изобразить словом великое это зрелище?) одну реку. А поэт сказал бы, что это подлинно текущий золотом и пышно колосящийся Нил, текущий обратно из города в Херею на расстояние, как думаю, однодневного пути и далее.

Позвольте мне еще несколько насладиться поествованием. Там присутствую мысленно, и не легко отвлечь слово от этого торжества. Он въезжал на жеребенке и почти так же (не укорите меня в безумии), как мой Иисус — на молодом

360 осле (Ин 12, 15), другое ли что хочет прообразовать этим Слово, или народ языческий, на котором благотворно восседает Иисус, разрешив его от уз неведения. Но Иисуса приемлют на себя древесные ветви, также повергаемые на землю, и постилаемые многоцветные и испещренные одежды. И этим только не был почтен [Афанасий], в этом одном несравнен высокий и многоценный муж, между тем как вход его изображал собой вход Христов. И перед ним были взывающие и предлагающие; кроме того, что не одно множество детей восхваляло его, но всякий согласный и несогласный язык старавшихся превзойти друг друга в похвалах. Не буду уже говорить о всенародных рукоплесканиях, об излиянии благовоний, о всемоцных бодрствованиях, об освещении целого города, об общественных и частных пиршествах и обо всем прочем, чем только города изъявляют свою радость. Все это было тогда принесено в дар ему в преизбытке и свыше всякой меры. Так и с таким торжеством чудный Афанасий вступает в свой город!

Ужели же он жил, как прилично было предстоятелю многочисленного народа, но учил не как жил? Или подвизался не как учил? Или подвергался бедствиям менее кого-нибудь из подвижавшихся за Слово? Или почтен меньше, нежели сколько заслуживали его подвиги? Или после

входа [в Александрию] помрачил чем-нибудь славу, приобретенную при [торжественном] входе? Нимало; напротив, в нем все одно другим поддерживалось и как в одной лире все одинаково было настроено — и жизнь, и учение, и подвиги, и бедствия, и что оказано ему при возвращении, и что совершено им после возвращения. Он вступает в управление Церковью, но вместе с тем не испытывал на себе того же, что бывает с людьми, которых ослепляет неумеренность гнева и которые, покорившись его владычеству, изгоняют и ниспровергают все, на первый раз им встретившееся, хотя бы оно и стоило пощады. Напротив, рассуждая, что теперь всего благовременнее заслужить ему одобрение (потому что злостраждущий всегда бывает умереннее, а получивший возможность воздать злом за зло меньше соблюдает умеренность), так кротко и снисходительно обходится с оскорбившими его, что даже и для них самих, можно сказать, не было неприятно возвращение Афанасия. Он очищает святилище от торгующих святыней хриstopродавцев, чтобы и в этом стать подражателем Христовым; впрочем, совершает это не свитым из веревок бичом (Ин 2, 15), но убедительным словом. Он примиряет друг с другом и с собой беспокойных, не потребовав к тому посредников, освобождает от притеснений терпевших обиды, не разбирая,

поддерживал ли кто его или противоположную сторону, восстанавливает падшее учение. Снова свободно исповедуется Святая Троица, поставленная на подсвечнике и блистательным светом Единого Божества обнимающая сиянием души всех. Снова дает он законы вселенной, обращает к себе умы всех, к одним пишет послания, других призывает к себе, а иные приходят непризванные и получают назидание. Всем же предлагает он один закон — свободное произволение, ибо это одно почитал достаточным руководством к совершенству. Кратко сказать, он подражает свойствам двух похваляемых камней: для поражающих служит адамантом, а для мятежников — магнитом, который неизъяснимой силой естества привлекает железо и приспособливает к себе самое твердое из веществ.

Но зависть¹ не могла терпеливо видеть, что Церковь весьма скоро подобно телу заживила рассеченные члены и достигла прежней славы и древнего благосостояния; поэтому против Афанасия восставляет царя², подобно себе отступника, равного злобой и уступающего только во времени. Он первый из христианских царей, восстав против Христа и вдруг изринув из себя василиска

¹ Дьявола.

² Юлиана Отступника.

нечестия, которым давно мучился, как скоро настало благоприятное время, вместе провозглашается самодержцем и оказывается злым против царя, вверившего ему царскую власть, а еще злейшим против Бога, его спасшего. Он вымышляет гонение лютейшее, из всех когда-либо бывших, потому что, присоединив к мучительству убеждение (так как хотел лишить страждущих и чести, приобретаемой подвигами), приводит в колебание само ревностное мужество, те обороты и хитросплетения, какие употребительны в речи, внося в самую нравственность, или, справедливее сказать, делая совершенно безнравственными, даже заботясь об этом и подражая многокозности обитавшего в нем лукавого. Он почитал мало важным делом покорить своей воле весь род христианский, а великим — восторжествовать над Афанасием и над той силой, какую имел он в нашем учении. Ибо он видел, что не достигнет успеха в своем замысле против нас, пока Афанасий — в полном вооружении и готов дать ему отпор; потому что оскудение христиан всегда восполнялось присоединяющимися из язычников и (что поистине удивительно) его благоразумием. Все это разумея и видя, этот страшный лжеумствователь и гонитель не остается долее под личиной и в хитром самопринуждении, но обнаружив свое лукавство, явно изгоняет Афанасия

из города; потому что этому добродетельному победителю надлежало достигнуть полной славы после троекратной борьбы. По прошествии немалого времени Правосудие Божие, предав злочестивого царя персам, там совершает над ним суд и увлеченного туда тщеславием возвращает мертвым, ни в ком не возбуждающим сожаления; даже, как слышал я от кого-то, его не приняла могила, но отвергла, и с пламенем изринула поколебавшаяся ради него земля, в чем вижу начало тамошнего мучения.

Но восстает другой царь¹, не *безсрамен лицом* (Дан 8, 23), подобно предшествовавшему, и не угнетающий Израиля тяжкими делами и приставниками, а напротив, весьма благочестивый и кроткий. Он, желая положить прочнейшее основание своему царствованию и управление по добрым законам начать с чего надлежало, с одной стороны, возвращает из заточения епископов, как всех вообще, так прежде других превосходившего всех добродетелью и за благочестие подвергшегося явному гонению, а с другой стороны, истину веры нашей, которую многие разоряли, затмевали, раздробили на множество толков и частей, старается познать, чтоб особенно весь мир сколько можно привести в согласие и единение содействием

¹ Иовиниан.

Святого Духа; в противном же случае, чтобы по крайней мере ему самому держаться лучшего исповедания, сделать его господствующим и себе заимствовать от него силу, — так возвышенно и великолепно рассуждал он о наиважнейших предметах! Здесь-то наиболее и обнаружилась в Афанасии чистота и твердость веры во Христа. Ибо когда все прочие, исповедовавшие наше учение, разделились на три части и многие в учении о Сыне, а большее число в учении о Духе Святом (где и придержаться несколько нечестия почиталось благочестием) заражены были недугом, и только немногие о том и другом учили здраво, — он первый, и один или с весьма немногими, дерзнул стать за истину ясно и открыто, на письме исповедав единое Божество и единую сущность Трех (Лиц); и что прежде даровано было великому числу отцов утвердить в догмате о Сыне, то он богодухновенно преподал впоследствии о Духе Святом, принеся царю подлинно царский и великолепный дар, то есть письменное исповедание благочестия¹ вопреки неписаному² нововведению,

¹ Видимо, имеется в виду исповедание веры, представленное Афанасием Иовиниану, см.: *Феодорит Кирский*. Церковная история. Кн. 4, гл. 2–3.

² По другим чтениям — вместо «неписанный» (ἄγραφον) читается «письменный» (ἐγράφον). В обоих случаях разумееется арианское вероучение.

366 чтобы препобеждены были Царем — царь, Сло-
вом — слова, написанным—написанное.

Устыдившись этого исповедания, как думаю, те, в ком на Западе и на Востоке оставались еще признаки жизни, одни, если верить собственным их словам, преклонились мыслью к благочестию, но не простерлись далее, как мертвое порождение, лишившееся жизни еще в материнской утробе; другие, подобно искре, воспламенились несколько, чтобы удовлетворить обстоятельствам времени, или наиболее ревностным из православных и боголюбивым из народа, а некоторые осмелились стать за истину. К последней стороне присоединился бы и я (ибо не смею похвалиться чем-либо большим) не для того, чтобы пристроить свою робость (таково расположение ума в людях наиболее слабых, а мы довольно уже строили, не приобретая чужого и губя свое, как подлинно худые домостроители), но плод свой произвести на свет, с заботливостью воспитать и представить взорам всех непрестанно совершенствующихся.

Это еще один из его подвигов, меньше достойный удивления. Ибо что удивительного, если самым делом подвергавшийся бедствиям за истину исповедал ее письменно? Но что наиболее убеждает меня удивляться этому мужу, о чем и умолчать нельзя без вреда, особенно в такое время, когда

возникает много разногласий, то присовокуплю к сказанному. Да послужит деяние это уроком и для наших современников, если только захотим подражать ему. Ибо как от почерпнутой воды отделяется не только оставшееся вне почерпнувшей руки, но и вытекающее сквозь пальцы из удерживаемого рукой, так и от нас отсекаются не одни нечестивые, но даже и благочестивые, и не только ради догматов неважных, которые не стоили бы и спора (что было бы еще не так тяжело), но даже ради изречений, заключающих в себе один и тот же смысл. Ибо когда благочестно употребляем выражения: *одна сущность* и *три Ипостаси*, из которых первое означает естество Божества, а последнее — личные свойства Трех, и когда римляне, одинаково с нами понимая, из-за бедности своего языка и из-за недостатка наименований, не могут различать сущности от Ипостаси и потому заменяют слово *Ипостаси* словом *лица*, дабы не подать мысли, что они признают три сущности, тогда что из этого выходит? Нечто весьма достойное смеха и сожаления. Это маловажное составление о звуках показалось разностью веры. Потом вследствие споров об этом произошло то, что в выражении *три лица*, открыт савеллианизм, и в выражении *три ипостаси* — арианизм. Что ж далее? По мере того как с каждым днем прибавлялось что-нибудь хотя несколько огорчительное

(так как спор всегда производит огорчения), на-
стает опасность, что вместе со слогами растор-
гнутся и концы вселенной. Все это видя и слы-
ша, этот блаженный, как истинно Божий человек
и великий строитель душ, не признал должным
оставить без внимания столь неуместное и без-
рассудное рассечение слова, но употребляет свое
лечение против такого недуга. Как же он произ-
водит это? Со всей кротостью и человеколюбием
пригласив обе стороны и строго исследовав
смысл выражений, когда нашел их не отступа-
ющими от здравого учения и нимало не отли-
чающимися в понятии, предоставляет им упо-
требление разных именовании, связывает же
воедино самим именуемым. Это полезнее про-
должительных трудов и речей, какие всякий уже
предает писанию и к которым бывает несколь-
ко присоединено честолубия, и от этого, мо-
жет быть, вводится ими нечто и новое в самом
учении. Это предпочтительнее многих бдений,
возлежаний на голой земле, которые приносят
пользу только упражняющимся в них. Это равня-
ется достославным изгнаниям и неоднократному
бегству самого Афанасия. Ибо за что решился он
терпеть эти изгнания, то самое заботился испол-
нить после перенесения [страданий].

С таким постоянством действовал он и на дру-
гих, кого похваляя, а кого умеренно наказывая;

одних возбуждая в медлительности, в других обуз- 369
дывая горячность, об иных заботясь, чтобы как- т
нибудь не пали, а иным подавая средства по-
сле падения исправиться. Нравом был прост,
в управлении многообразен, мудр в слове, еще
премудрее разумом, тих со смиряющимися, воз-
вышен с высокопарными; гостеприимен, заступ-
ник просящих, отвратитель зол, действительно
в одном себе совмещающий все то, что язычни-
ки приписывали по частям каждому из своих бо-
гов. Присовокуплю еще, что он был покровите-
лем супружества, другом девства, блюстителем
и восстановителем мира, указателем пути для
отходящих из этой жизни. О, сколько наиме-
нований представляют добродетели Афанасия
мне, желающему дать этому мужу наименова-
ние за каждую его доблесть! Поскольку же про-
вел он такую жизнь, так был научен и учил, что
дела и нравы его служат правилом для еписко-
пов, а догматы его — законом для Православия,
то какую приемлет награду за благочестие? Ибо
не должно ничего оставлять без внимания. *В доб-*
рой старости (1 Цар 29, 28) оканчивает он жизнь,
и прилагается к отцам своим — патриархам, про-
рокам, апостолам и мученикам, подвизавшим-
ся за истину. И скажу краткую эпитафию: при
исходе его воздается ему более почестей, неже-
ли при вхождениях. Много пролито о нем слез,

но в сердце каждого осталась о нем слава, превышающая все видимое.

О любезная и священная глава! Ты, который сверх прочих своих совершенств особенно уважал меру в слове и в молчании, положи здесь конец и моему слову; хотя оно скудно перед истиной дел твоих, однако же не имеет недостатка в сравнении с моими силами. А сам милостиво призри свыше на нас, на этот народ, и его управь так, чтобы он был совершенным поклонником совершенной Троицы, умосозерцаемой и почитаемой во Отце и Сыне и Святом Духе, а нас, если времена будут мирны, сохрани, сопастырствуя с нами, а если настанут брани, — изведи отсюда или возьми и поставь с собой и с подобными тебе (хотя и слишком велико просимое мною) в Самом Христе, Господе нашем, Которому всякая слава, честь, держава вовеки. Аминь.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЖИЗНЬ¹

Кто я? Откуда? И как возвращуся
я в недро земное?
Чем я восстану из праха печальной,
холодной могилы?
Где и какое жилище назначит
Творец мне Всесильный?
Бурь этого мира избегнув,
достигну ль я пристани тихой?

¹ Переводчик неизвестен. Впервые опубликовано в журнале «Маяк» (1842. Т. IV. С. 17–18). Представляет собой отрывок из: Песнопения таинственные. Слово 11, О малоценности внешнего человека и о суете настоящего (см.: *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский. Собрание сочинений* в 2-х томах. Репринт издания П. П. Сойкина (1910). Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994. Том 2. С. 48–49).

Сколько различных путей
в многолюдной житейской долине!
Сколько несчастий и бед их
отвсюду кругом облегают!
Радости нет здесь без горя.
О, если бы тяжкое горе
Радостей наших земных не старалось
подчас пересилить!
Наше богатство — беглец;
власть над миром — одно сновиденье;
Мука — зависимость; бедность —
тяжелые цепи; а юность —
Зной летний. Молнии блеску
краса временная подобна.
Старость ли? — жизни печальный закат;
а известность —
Быстрая пташка, мгновенно
от нас отлетает.
Сила телесная в нас —
преимущество лютого зверя.
Роскошь — пружина страстей.
Дети — тяжкая в мире забота;
(Больно, однако, бездетство!).
Судилища — битвы пороков.
Труд земледельца — тяжел.
Мореходство — дорога в могилу.
Вон из отчизны спешим и о ней
же в чужбине вздыхаем.
Времени быстрый полет —
колесо подвижное: кругами

Быстрыми ль, тихими ль,
вечно приводит одно к нам и то же.
Темные ночи и светлые дни,
смерть и заботы, болезни,
Радости или печали; удачи,
потери и слезы —
Все я на крыльях ума, все протек,
что минуло, что ныне;
И убедился, что нет на земле
ничего неземного.
Только я в небе нашел всех
несчастий земных утешенье!
Братья! Хотите ль узнать
неизменные, твердые блага?
Смело — под знамя Креста!
И на битву с своими страстями!
Легким тогда вам покажется бремя
страдальческой жизни.

ПЕСНЬ УВЕЩАТЕЛЬНАЯ¹

Близок последний труд жизни:
                                 плаванье злое кончаю
 И уже вижу вдали казни горького зла:
 Тартар ярящийся, пламень огня,
                                 глубину вечной ночи,
 Скрытое ныне во тьме,
                                 явное там в срамоте.
 Но, Блаженне, помилуй,
                                 и, хотя поздно, мне даруй
 Жизни останок моей
                                 добрый по воле Твоей.
 Много страдал я, о Боже Царю,
                                 и дух мой страшится
 Тяжких судных весов,
                                 не низвели бы меня.
 Жребий мой понесу на себе,
                                 преселяясь отсюда,
 Жертвой себя предаю скорбям,
                                 снедающим дух.
 Вам же, грядущие,
                                 вот заветное слово: нет пользы
 Жизнь земную любить.
                                 Жизнь разрешается в прах.

¹ Перевод святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского. Выполнен в 1866 году. Печатается по: Корсунский И., профессор. К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской Духовной Академии. Сергиев Посад, 1894. Приложения. С. XVII.

Бога дыханье душа, и все-таки
терпит смешение,
Неборожденная, с перстью;
светильник, сокрытый в пещере, —
Все же нетленна она и божественна,
ибо не может
Образ Великого Бога бесследно
навек раствориться,
Словно она ползучая тварь
иль скот неразумный,
Хоть и пытается грех бессмертную
смертной соделать.
Также палящий огонь —
не ее естество (ведь не может
Быть истязатель для жертвы
своей источником жизни),
И не изменчивый воздух, что
вдохом и выдохом движим;
Также она не крови поток,
пробегающий плотью;
И не гармония членов телесных,
в единство сведенных,
Ибо различной природы
бессмертная форма и тело.

¹ Перевод священника Андрея Зуевского. Впервые опубликовано в журнале «Богословский вестник» (2004. № 4. С. 76–85).

Чем же тогда превзойдут
                                добродетельные наихудших,
Если они от смешенья стихий
                                прекрасны иль плохи?
И почему лишены бессловесные
                                умной природы,
Если их смертная плоть пребывает
                                в гармонии с формой,
А гармоничное все быть лучшим
                                должно, коль им верить?
Так рассуждают, считая лишь
                                то основанием жизни,
При удаленье чего и души
                                телá оставляют.
Не назовешь же ты пищу причиною
                                жизни, а смертный
Жить без нее не способен, поскольку
                                в ней крепость и сила.
Я и другое учение знаю,
                                хотя не приемлю;
Ибо душа, пребывая на всех
                                разделенной и общей,
В воздухе вряд ли блуждает.
Ведь если б так было, то душу
Все б выдыхали одну и вдыхали,
                                и каждый, кто дышит,
Находился б в других, согласуясь
                                с природой воздушной,
Что разлита то в одном, то другом.
Ну, а если блуждает, —

Что от нее, а что от утробы
  для жизни я принял,
Если я был к бытию извне
  привлечен породившей?
Если же ты полагаешь,
  что многих она породила,
Душ поглощенных лишь большим
  числом ты ее награждаешь.
И не ученье разумных,
  а книжная шалость пустая,
Будто душе суждено менять
  тела постоянно
Жизням согласно своим предыдущим —
  плохим иль хорошим:
Иль в наказание за грех, иль
  в некую честь по заслугам.
Душу в одежды они то оденут,
  как некого мужа,
То непристойно разденут.
  С великим усилием вращают
Тщетно они колесо Иксионово¹,
  делая душу
Зверем, растением, смертным,
  псом, рыбою, птицей, змеею.
Часто и дважды одним, коль
  будет вращенью угодно.

¹ Иксион — герой греческой мифологии, который в наказание за нечестие был привязан к вечно вращающемуся колесу в Тартаре.

Где же конец? Никогда не видал
я разумного зверя,
Иль говорящего терна.
Ворона ведь каркает вечно,
А по соленому морю плывет
бессловесная рыба.
Если же скажут, что, мол, душа
в заключение претерпит
Кару, то с ними не стоит и спорить.
Ведь если без плоти, —
Странно. А с плотью — кого огню
предадите из многих?
Но непонятней другое:
ведь если с иными телами
Соединил ты меня и сведущим
сделал во многом,
Как от ума моего ускользает
одно лишь: кто прежде
Кожей мне был, кто потом,
и в скольких я умер? Но ясно,
Уз налагатель не душами
вовсе богат, а мешками.
Или от долгих скитаний мной
прежние жизни забыты?
Выслушай наше теперь о душе
совершенное слово.
Здесь уже песню мою постараюсь
немного украсить.
Было так: высочайшее
Слово ума утвердило

Мир, дотоле не сущий,
                                умом Отца вдохновляясь.
Молвило, и совершилось по
                                воле Его. И как только
Мир упорядочен был, став сушей,
                                небом и морем,
Нужен стал созерцатель
                        Премудрости — матери сущих,
Богобоязненный царь творенья;
                                тут молвило Слово:
«Небо пространное полно служителей
                                чистых, бессмертных,
Неповрежденных умов,
                        добродетельных Ангелов верных,
Гимны приснопоющих Моей
                                нескончаемой славе;
Землю же лишь неразумные
                                твари собой украшают.
Род, в ком и то и другое теперь
                                сотворить Мне угодно,
Мудрого мужа, стоящего между
                                бессмертных и смертных,
Да насладится делами Моими.
                                Да будет он Неба
Мудрый таинник, великий земли
                                повелитель и новый
Ангел из персти,
                        свидетель ума Моего и величья!»
Так изрекает и, взяв новосозданной
                                толику персти

Вечноживыми руками,
                                творит человеческий образ.
И уделяя от жизни Своей,
                                в него посылает
Духа, что есть Божества
                                невидимого ответвление.
Так из персти земной и дыхания
                                был создан я, смертный —
Образ Бессмертного;
                                ибо царит над обоими разум.
Вот почему, как земля, я связан
                                со здешнею жизнью,
К тамошней сердцем влекусь как
                                причастник Божественной доли.
Первородный так был сопряжен
                                человек, а позднее
Тело от плотей рождалось, душа
                                же путем неисследным
В перстный состав проникала, как —
                                знает один лишь Создатель,
Душу вдохнувший вначале, с землей
                                обручивший Свой образ.
Разве что кто-нибудь смело
                                (но, впрочем, следуя многим)
В помощь моим речам, объяснение
                                предложит такое:
Так же, как тело, что слеплено
                                было вначале из персти,
После же стало потоком людским,
                                бесконечным ветвлением

Тварного корня, всех нас
                заклучившим поочередно,
Так вдохновенная Богом душа
                с той поры и поныне,
Вновь зарождаясь из первоначального
                семени, входит
В каждый состав человека,
                но, распределяясь меж многих,
В смертных телах сохраняет всегда
                неизменным свой образ.
С ним получает в удел и господство ума.
                Но — как в малых
Сильное флейтах дыхание звучит
                некрасиво и слабо,
Хоть и искусен флейтист,
                когда же он в руки получит
Флейты большие, они изливают
                прекрасные звуки —
Так и душа, в немощных немощная
                составах, а в крепких
Светится ярко и силу ума
                в полноте раскрывает.
Сын же бессмертный,
                когда сотворил Своего человека,
Чтобы он новую славу обрел
                и, землю оставив,
К Богу как бог в последние дни
                совершил восхождение,
То ни свободным всецело,
                ни полностью связанным создал;

Дав природе его закон,
начертав добродетель
В сердце, его поселил в цветущем
урочище райском,
Равнопреклонным создав,
что выберет он ожидая,
Тот был наг и не ведал еще
ни греха, ни коварства.
Рай же — небесная жизнь,
как мне представляется. В нем-то
И поселяется он,
исполнитель Божьих заветов.
Лишь от единого древа, что было
других совершенней
И содержало в себе добра
и зла различенье
Полное, Бог удержал человека.
Но полное знание —
Лишь преуспевающим во благо,
тогда как неопытным вредно,
Так и взрослая пища всегда
тяжела для младенцев.
Тот же, мужеубийцы
завистливого ухищреньям
И уговорам женой изреченного
слова поддавшись,
Сладостного плода до срока
вкусил безрассудно
И облачился в дебелую плоть,
в одежды из кожи.

Тленью подпав (поскольку Христос
грех смертью умерил).

Так человек возвратился
на землю, откуда был родом,
Долю жизни претрудной приняв.

А священное древо
Ревностью огненной Бог охраняет
с тех пор непрестанно;
Чтобы какой-нибудь новый Адам,
как и прежний, до срока

Внутрь не вошел, и плода
пожирающей сласти не минув,
Будучи злым, не вкусил бы от
дерева жизни. И так же,

Как мореход, увлеченный
ненастьем, уходит от цели,
После же, иль дуновению
легкому парус доверив,

Или на веслах с трудом на путь
возвращается прежний,

Мы, в бесконечную даль
отойдя от Великого Бога,

Вновь не без многих трудов
вожделенный поход совершаем.

Вот какая пришла,
посеяна перворожденным,
К людям беда, и на ней возрос
погибельный колос.

МЫСЛИ, НАПИСАННЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯМИ¹

*Я – труд Григория и сохраняю в духовных
изречениях четверостишный памятник мудрости.*

1. Дела иль созерцанье, что ты выберешь?
Одно для всех, другое только лучшим впрок,
Но обе жизни хороши и праведны,
Веди же ту, к которой ты способнее.

2. Однажды был я спрошен о духовности, –
«Смой скверну прежде». — «Но живу достойно я». —
«Смой скверну. Смыл? Так очищайся заново:
В сосуд зловонный мир не влагается».

3. Всему и не противься, и не верь легко;
Но знай, чему, насколько можно следовать.
И Бога не отстаивай, иди за Ним;
Оспорят слово – словом; жизнь оспорить чем?

4. Не наставляй иначе, как житьем своим,
Иль, привлекая, будешь лишь отталкивать.
Слов нужно меньше, если делать должное,
Художник объясняется твореньями.

¹ Перевод священника Андрея Зуевского. Публикуется впервые.

5. Священники, вам прежде всех советую,
Не будьте оком, темнотой исполненным,
Чтоб вам не стать в порочной жизни первыми;
Коль свет так темен, какова же тьма тогда?
6. Дела без разговоров лучше слов без дел;
Никто без доброй жизни не возвысился,
Без многословья же, напротив – многие;
Не за слова прославит Бог, за жительство.
7. Дар наилучший Богу – нравы добрые.
И всё воздашь – не совершишь достойного:
Неси ж Ему, что даже бедный дать бы смог;
Блудницы плату не разделит праведный.
8. Обета Богу не давай и малого;
Все Божие от века. Что сказать еще?
Себя обманешь не отдав. Престранен долг!
В том убедят Сапфира и Анания.
9. Иди по жизни будто бы по ярмарке;
Торгуйся! Можно выгадать за малое –
Великое, и за пустое – вечное.
А случая другого не представится.
10. Не близок путь, лежащий пред тобой теперь;
Но воздаянье больше. И увидев вдруг
Весь труд, не отрекайся! Все свершишь не вдруг;
Но этим часто искушает дьявол нас.

11. Не заносись, но вовсе не теряй надежд.
В одном – безволие, а в другом – уныние.
То исправляй, того держись, а то забудь.
Незавершенность тщетным труд не сделает.
12. Не распыляйся, верен будь избранному;
В добре сложенье лучше вычитания.
Не тех зовем худыми, кто внизу стоит,
А тех, кто возвышаясь низко падает.
13. От малой искры пламень возгорается,
Ехиднино и семя часто пагубно;
Поэтому и мелкого греха беги:
Хоть он и мал, а в больший может вырасти.
14. Себя исследуй больше, чем дела других;
Твоя награда в первом, во втором других.
И счет веди деяньям, не имуществу,
Оно недолговечно, те ж – незыблемы.
15. Пусть разум научается вбирать в себя
Слова любви и мысли богоданные;
А на язык будь сдержан – навредит легко,
Тем меньше пользы, чем скорей он движется.
16. Был оболещен я зреньем, но сдержаться смог,
И тем кумира не соорудил греху,
А коль он стал, так дела избежать стремись.
Все это с дьяволом боренья степени.

17. Хоть воском уши залепляй от слов гнилых
И песенных извилий неумеренных!
А доброму с прекрасным отверзай свой слух:
Сказать, услышать, сделать – это близ лежит.
18. Не слишком обольщайся благовоньями,
Приятным осязанием и вкусами.
Коль им уступишь, сохранишь ли мужество?
Мужей и жен различны удовольствия.
19. «Дай!» – говорит мне чрево. Отчего ж не дать,
Коль, получив, пребудешь целомудренным?
А нет – помоев, да и то не досыта;
Когда ж уймешься, может, дам и досыта.
20. Для здорового достоин осмеянья смех,
Причем любой, распутный же особенно.
До слез доводит часто смех несдержанный.
Нрав лучше скромный, а не избалованный.
21. Считаю прекрасным сердца благолепие –
Не рук дела, снедаемые временем,
А то, что ум лишь видит целомудренный;
Стыда ж достойным – сердца развращение.
22. Ждут нас надежды, скорби, страхи, радости,
Богатство, бедность, слава, власть, бесславие;
Пусть все течет, как хочет. Не касается
Изменчивое утвержденных в подлинном.

23. Делами возвышайся, а не мыслями,
Те к Богу путь, а эти и во грех введут.
И не по малой мерке жизнь выстраивай;
Что б ты ни делал, будет выше заповедь.

24. Искать не стоит всякой славы ревностно;
Быть – лучше, чем казаться. А не сдержишься –
Ищи хотя б не тщетной, не диковинной.
Что проку обезьяне, коль за льва сочтут?

25. Хвали других, а хвалят – не гордись собой:
Не оказаться б ниже слова доброго.
Но прежде и предмет хвалы испытывай,
Что б не стыдиться, если худ окажется.

26. Дурное лучше слышать, чем высказывать.
А выставят посмешищем в глазах твоих
Кого-нибудь, осмеянным себя представь.
И тем весельем сам же опечалишься.

27. Коль не причалил, плаваньем не хвастайся,
Те шли без бед – и потонули в гавани,
А те – пристать сумели, сквозь шторма пройдя.
Одно надежно – на судьбу не сетовать.

28. Тому дерзать достойней пред Владыкою,
Кто поступает праведно и трудится,
А не тому, кто добрых дел не ведает,
Хотя б все он и делал с рассуждением.

29. Все раздари и Бога лишь стяжи себе,
Ведь не свое ты раздаешь имущество;
А все не хочешь, так отдай хоть большее;
И это трудно – жертвуй хоть излишками.
30. Сберечь бы что от моли и от зависти!
Богатство в том, чтоб должником Христа иметь,
И за кусок Он хлеба Царство дарует:
А нищего питая, подаешь Христу.
31. Стучался нищий, только зря – ни с чем ушел.
Христос! Боюсь, взыскав Божьей помощи,
И я ни с чем останусь по делам своим.
Коль сам не подал, как же взять надеешься?
32. Нет безответней человека бедного.
Ведь он лишь Богу служит, лишь туда глядит;
Укрой его: бывает, что и соколы
В гнезде своем пригреют пташку малую.
33. Нужда богатств неправедных достойнее,
Болезнь же лучше, чем дородность скверная.
Не вдруг погибнет человек от голода,
А для порочных жизнь худая – смерть уже.
34. Раб, господин – что за деленье глупое?
Один Творец, законы и ответ один.
Считай слугу по рабству сотоварищем,
Тогда и честь по смерти примешь большую.

35. Как быть рабам? А Божьим так особенно?!
Да не оставят службы господам своим.
Раба свободным добродетель делает;
Сам Бог, освобождая, рабский принял зрак.
36. Постыдна жизнь худая, не рождение;
Ведь знатность рода – просто гнилость давняя;
Род начинать достойней, чем заканчивать,
И честь своя прекрасней, чем семейная.
37. Не знай предела в Боге и Божественном,
Приемлющим Бог дарует и большее,
Он, изливаясь щедро, жаждет жаждущих;
А в чем другом не преуспеешь – вытерпи.
38. Не следует стремиться первым быть во всем,
Победы вредной лучше поражение.
И у борцов бывало, что выигрывал
Не наверху, а снизу оказавшийся.
39. Бывают и убытки не без выгоды,
И ветку подрезают, чтоб плоды собрать.
А нечестиво множить состояние –
Здоровью вред, хозяйству разорение.
40. Себя пред Богом должником не чувствуешь,
И пред тобой виновных не жалеешь ничуть;
А долг свой видишь – прояви терпение.
Бог взвешивает милость нашей милостью.

41. А коль обида сердце разожжет тебе,
Христовы вспомни язвы и страдания,
Судьба твоя сравнима ли с Его судьбой?
И этим, как водой, угасишь скорбь свою.
42. Бес, похоть, ревность, пьянство – равнопагубны;
К кому они явились, тех отравлен ум;
Молитва, пост и слезы здесь спасительны,
В них и моих недугов излечение.
43. Как убеждать, коль клясться не позволено?
Словами, но и жизнью соответственной.
А клятвой ложной – Бога отрекаешься,
Не Он же поручитель, а дела твои.
44. Как коротко сказать о добродетели?
Будь с ближними таков, какими хочешь их
По отношению к себе всегда иметь.
Еще короче – лишь Христа страдания.
45. Нет ничего прекрасней друга верного,
Испытанного в бедах, а не в пиршествах,
Кто, если угождает, то лишь пользою.
Пределы знай не дружбе, а враждебности.
46. Глаз видит все кругом: себя ж не видит он;
Не видит и кругом, коль он слепой совсем.
Поэтому помощника во всем имей;
Ведь и рука нуждается в другой руке.

- 394 47. Послушному советам добродетельных
 Позора нет, коль высмеют порочные;
 А гнусное помыслив, думай, будто бы
 Все видят это, – и исправишься.
48. Дурным всегда предпочитай порядочных,
 С порочными общаясь, сам испортишься.
 И отвергайся милости порочного,
 Так ищет он прощения делам своим.
49. И дьявол может в чем-то быть полезен нам –
 Им искушенный будет впредь внимательней.
 Боюсь, сказать по правде, горьких снадобий,
 Но сладкие и вовсе неприемлемы.
50. Злых презирай, а добрым честь оказывай,
 Тех, впрочем, тоже милуй, зло их вытерпи,
 Чтоб этим их направить к добродетели.
 Великодушным – кротость драгоценный дар.
51. Ко всем будь добр, коль можешь, но особенно
 К своим родным и близким. Дело вот здесь в чем:
 Поверят ли, что справедлив с чужими ты,
 Коль с теми ты, пред кем в долгу, не милостив.
52. Врага ли в бедах нам винить злосчастного,
 Коль сами власть ему над жизнью отдали?
 Коль не во всем, так в большем укоряй себя,
 Огонь от нас исходит, дьявол дует лишь.

53. Не слишком поддавайся снам заманчивым,
Чтоб страхами душа твоя не наполнилась
И чтоб не окрылился ум твой прелестью.
Нередко сны бывают сетью дьявольской.
54. Делах благим надежда пусть сопутствует,
Коль может и в дурном она содействовать,
Не лучше ли на доброе надеяться?
Я не смирюсь пред злобой торжествующей.
55. Поверь, надежней ясный ум везения,
Оно – течение обстоятельств быстрое,
Он – кормчий твой. Считаю, что превосходит все
Ученость: ей лишь подлинно владеем мы.
56. Коль богом быть желаешь, в доброделанье,
А не во зле показывай решительность.
Так тот живет, кто знает, что сродни ему,
А убивать и скат, и скорпион горазд.
57. Позор, коль юный неможнее старого
И если старый безрассудней юного.
Разумен будь хотя бы в меру возраста...
Но есть и те, кто совершенней лет своих.
58. Заботься непрестанно о спасении,
А на закате жизни, так особенно.
Явилась старость – смерти провозвестница;
Готовься, кто бы ни был ты, – суд близится.

- 396 59. Последнее. Двойко отрекаются:
 Словами или делом. Будь внимателен
 (Враг не престанет строить козни тайные),
 Да избежишь пред смертью очищения.

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь и творения святителя Григория Богослова	3
--	----------

ДОГМАТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

СЛОВО 27	Против евномиан и о богословии первое, или предварительное	17
СЛОВО 28	О богословии второе	29
СЛОВО 29	О богословии третье, о Боге Сыне первое	69
СЛОВО 30	О богословии четвертое, о Боге Сыне второе	98
СЛОВО 31	О богословии пятое, о Святом Духе	126

398 СЛОВА НА ЦЕРКОВНЫЕ ПРАЗДНИКИ

СЛОВО 38	На Богоявление, или на Рождество Спасителя	163
СЛОВО 44	На Неделю новую, на весну и в память мученика Маманта	182
СЛОВО 45	На Святую Пасху	195
СЛОВО 16	В память святых мучеников Маккавеев	219

СЛОВА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО, ИСТОРИЧЕСКОГО И ПРАВСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

СЛОВО 14	О любви к бедным	241
СЛОВО 37	На евангельские слова: <i>Когда окончил Иисус слова сии... (Мф 19, 1–12)</i>	291
СЛОВО 36	О себе самом и к говорившим, что святитель Григорий желает Константинопольского престола	314
СЛОВО 21	Похвальное Афанасию Великому, архиепископу Александрийскому	328

СТИХОТВОРЕНИЯ

Жизнь	373
Песнь увещательная	376
О душе	377
Мысли, написанные четверостишиями	386

ДУХОВНАЯ СОКРОВИЩНИЦА

Святитель
Григорий Богослов

ИЗБРАННЫЕ ТВОРЕНИЯ

РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ В. В. Бурега

ХУДОЖНИК СЕРИИ иеродиакон Матфей (Самохин)

ВЕРСТКА М. Ю. Родионов

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР А. Н. Кузнецова

КОРРЕКТОР Л. Н. Иконникова

ТЕХНОЛОГ М. Ю. Мыскин

На переплете: *Алтарная мозаика
храма Святой Софии в Константинополе. IX век*

На фронтисписе: *Христос Вседержитель, мозаика
в южной галерее храма Святой Софии
в Константинополе. XIII век*

ЛР № 030613 от 24.07.99

Подписано в печать 05.04.2008

Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Georgia
Печать офсетная. Объем 12,5 п.л. Тираж 5000 экз. Зак. №0810560
Отпечатано в полном соответствии

с оригинал-макетом издательства Сретенского монастыря
Адрес типографии: 150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97
Адрес издательства: 107031, Москва, Б. Лубянка, 19

Оптовый интернет-магазин: www.sretenie.com

Магазин «Сретение»: (495) 623-8046
Книжная торговля Сретенского монастыря: (495) 628-8210

Издательство
Сретенского
монастыря

Вниманию читателя предлагаются
избранные творения святителя Гри-
гория Богослова, одного из величай-
ших богословов IV века, так называе-
мых Великих каппадокийцев. Сборник
содержит сочинения, призванные от-
разить различные стороны литера-
турного таланта святителя: слова
на великие церковные праздники, о бо-
гословии, о себе самом, некото-
рые из его поэтических
произведений.